

ЧЕРНОТА НАТАЛЬЯ

БЕЗЫМЯННЫЙ

Навет, никто не в силах устоять перед ним. И тот, кто еще вчера повелевал жизнями многих, был опорой и одним из главных защитников своего племени, вмиг стал ниже самого презренного из обитателей этого мира. Потеряв все: дом, семью, и даже собственное имя.

Теперь, чтобы вернуть себе все утраченное, ему, представителю племени огненных львов востока, предстоит пройти нелегкий путь очищения, лишь надеясь на то, что в конце он сможет вернуть себе свое имя, а вместе с ним все то, что было у него отнято.

Ниота наконец стихла. Совершенно обессилив, она погрузилась в тяжелое забытие. Это были ее первые роды, и они оказались для нее слишком тяжелыми. Вот уже более одного полного солнцехода она пыталась разрешиться от бремени и дать жизнь своему первенцу. Рядом с ней все это время находились, сменяя друг друга, несколько обитательниц прайда. Среди них была и Раста, старшая из самок прежнего главы их племени. Они старались как могли облегчить муки роженицы, но все их старания, казалось, не приносили хоть какого-то существенного результата. Вот и сейчас они могли лишь ждать, когда природа наконец сделает свое дело, но она, похоже, не спешила. Тут одна из присутствующих вышла, решив принести свежей воды, и когда она вышла, тело молодой самки снова напряглось, и наконец из ее чрева показались крохотные лапки. Малыш все же добрался до выхода их чрева матери, но похоже, на большее у него просто не было сил.

Не теряя ни минуты, Раста сняла свой широкий пояс и с его помощью буквально выдавила новорождённого из тела его матери. На родовое ложе выскользнул маленький мокрый темный комочек. Оказавшись между задних лап своей все еще остававшейся в глубоком беспамятстве матери, он так и остался неподвижно лежать, не подавая никаких признаков жизни. Помедлив мгновение, Раста взяла безвольное тельце в свои лапы и попыталась оживить, но это было невозможно. Похоже, малыш расстался с жизнью еще до того, как покинул утробу, и вновь вдохнуть в него жизнь было под силу разве только Древнейшим. Жаль только, что их тут не было, а стало быть чуда точно не стоило ждать.

Раста держала его в своих лапах, чувствуя невероятную горечь, хоть она и не была достаточно близка со старшей самкой нового властителя. Такого горя она бы не пожелала никому в целом мироздании. И тут она вспомнила о своем малыше, которого скрывала вот уже несколько солнцеходов. Она родила его тайком, ибо по закону племени она, в знак признания власти нового властителя, должна была убить того, кто был зачат прежним владыкой. Однако она не могла исполнить этого, хоть и отлично понимала, что рано или поздно тайна будет раскрыта, и тогда уже им обоим было не миновать кары. И вот теперь, похоже, у ее малыша появился призрачный шанс на жизнь, но ей нужно было спешить.

Спрятав мертвого котенка под своей одеждой, она тихо, словно тень, выскользнула из комнаты и поспешила в свою часть прайда. Вскоре она достигла ее, особым способом постучала, подывая знак тому, кто находился внутри, и вошла. В дальнем углу она увидела скрытую тенью Наки. Это была капа, самка из племени ланей, уже давно перешагнувшая ту черту своей жизни, где из тех, кто ублажал повелителей прайда, она стала лишь той, кто прислуживал его более юным обитательницам.

Они давно знали друг друга, Раста уже была одной из младших самок прежнего владыки, когда в прайд попала Наки, ее продала семья. Вот только она не была "чистой", как того требовали законы прайда. Мало того вскоре оказалось, что она беременна — это грозило ей изгнанием. Но отвергнутая своей семьей ей просто некуда было бы идти, а одна, да еще с детёнышем, она бы просто не выжила в их суровом мире. Она это отлично осознавала, стремясь во что бы то ни стало сохранить свой секрет. Однако с каждым днем это становилось все более непосильной задачей, особенно для той, кто все время, в силу своего статуса, находилась под постоянным пристальным присмотром.

Доведенная до полного отчаянья, она попыталась избавиться от своего бремени, для

чего стала поедать плоды шаки, надеясь, что яд, заключённый в этих на вид безобидных плодах, избавит ее от нежеланного бремени. Не имея возможности свободно покидать пределы территории логова, где находился прайд, она стала украдкой таскать плоды из запасов Расты. Случайно узнав от остальных обитательниц прайда, что та до того, как попала в прайд, была врачевателем в своем родном племени, она так и не оставила этого занятия и все время собирала всевозможные средства для излечения различных недугов. В ее запасах всегда были разнообразные дары земли, и порой они были довольно опасны. Но за все это время никто никогда не покушался на них, и когда она вдруг заметила, что кто-то их трогал, она не на шутку встревожилась, особенно когда поняла, что кое-что пропало.

Это тревожило ее все сильнее с каждым днем, по мере того как она тщетно пыталась выяснить кому и зачем понадобилось воровать. В какой-то момент она даже стала подозревать, что с помощью пропавших ядовитых плодов кто-то решил отравить одного из членов племени. Придя к такому выводу, она встала перед нелегким выбором: ей стоило немедленно сообщить владыке обо всем произошедшем, пока не стало слишком поздно. При этом она отлично понимала, что это вызовет его гнев, ибо он и так не одобрял ее увлечения, считая, что его самки более подобает думать лишь о продолжении рода. Но если она промолчит и кто-то погибнет, да еще при этом выяснится, что это произошло благодаря ее запасам, ей тогда точно несдобровать.

И вот когда она уже почти собралась с духом, чтобы поговорить с владыкой, как вдруг к ней обратился один из зрителей прайда. Он попросил ее осмотреть одну из недавно купленных самок.

— Она вдруг стала резко плохо себя чувствовать, хотя когда я ее покупал, она не имела никаких признаков болезни.

— Но может тогда лучше показать ее врачевателю прайда, и если ваши опасения подтвердятся — просто расторгнуть сделку? — рассеянно ответила Раста, понимая, что сейчас было не лучшее время для того, чтобы проявлять свои таланты. Но молодой зритель виновато опустил глаза и слегка прижал уши. По нему было видно, что не все так просто в этой истории.

— Дело в том, что я нарушил указания и оплатил сделку до того, как ее осмотрели. Если дойдет до повелителя, что я купил больную самку, то мне... — он осекся и снова посмотрел на Расту. В его глазах читалась мольба. — Прошу, просто взгляните, вдруг с ней ничего страшного и ей просто нужно время. Прошу, я до конца своих дней буду вам обязан.

Она на минуту задумалась. в конце концов, осмотр не займет много времени, а благосклонность одного из зрителей прайда, пусть пока и самого младшего, всегда не помешает. Глубоко вздохнув, к немалому облегчению молодого просителя, дала согласие. Вскоре перед ней предстала молодая самка, и уже с первого взгляда она поняла, что та страдает от сильного отравления. Ее шерстка стала совсем тусклой, кроме того местами она выпала, обнажив небольшие язвочки на ее шкуре. Похоже, Раста нашла того, кого решили отравить с помощью пропавших у нее плодов. Дальнейший осмотр лишь подтвердил ее опасения. Уверив зрителя, что с молодой самкой ничего страшного, и она вполне сможет справиться с ее недугом, Раста отослала его, оставив больную у себя. После этого она, оставшись со своей подопечной наедине, постаралась узнать у нее, кто и каким образом отравил ее. Но та ничего не смогла ей рассказать, хотя от Раствы не ускользнул тот факт, что та явно чего-то недоговаривает. Быть может, даже кого-то покрывает, боясь возмездия.

Отложив на время разговор с владыкой, Раста занялась врачеванием, но к немалому

удивлению, процесс ее выздоровления шел крайне медленно, несмотря на то, что она прилагала к этому немало усилий. Чтобы обезопасить по непонятным причинам попавшую кому-то в немилость Наки, она оставила ее в своих покоях и буквально никого к ней не допускала, тщательно проверяя все, что та ела или пила, стараясь не допустить, чтобы ее снова отравили. Но, похоже, именно это и происходило. Совершенно сбитая с толку молодая врачевательница просто не представляла, что тут не так и уже была готова признать, что ее познаний не хватает, чтобы помочь несчастной.

Но однажды внезапно вернувшись в свои покои, она застала Наки за тем, что она сидела возле ее тайника с лечебными снадобьями и, что-то взяв оттуда, поспешно отправляла себе в рот. Когда внезапно вернулась хозяйка комнаты, молодая лань не успела спрятать небольшую емкость, из которой что-то в это время поедала. Под напором разгневанной львицы, которая тут же поняла, что та ела запасы не менее чем, плодом щак, ядовитого корня лаши, она была вынуждена признаться в том, что сама себя отравила. Мало того, все это время украдкой продолжала употреблять злополучные плоды, а когда ее благодетельница, стараясь предотвратить попадания их в чужие лапы, избавилась от них, она стала глотать все, что только считала подходящим для достижения своей цели.

— Во имя всех Древних, зачем? Неужели тебе так противно служить владыке, что ты готова покончить с собой?

Тут молодая самка не выдержала и, разрыдавшись, призналась во всем:

— Мой самец погиб, едва я стала ему принадлежать. Моя семья не могла принять меня обратно. После череды засушливых сезонов мое племя потеряло очень много молодых самцов, способных позаботиться о нашем стаде, и чтобы выжить, многие его члены залезли в большие долги. Тогда наш глава решил продать несколько молодых самок в прайд, в том числе и меня, в качестве капы. Мою порочность можно было легко скрыть, ведь прежде чем возлечь с владыкой, все капы проходят ритуал, где лишаются невинности. Но я не знала, что ношу плод, а когда поняла, было уже поздно. Меня не примут обратно, особенно с детенышем, там и так много голодных ртов. Вот и пыталась избавиться от бремени, я не хотела никому причинять вред, но у меня нет иного выхода.

Последние ее слова буквально потонули в рыданиях, так что гнев Расты мгновенно улетучился без следа. Она хорошо знала, что в их суровом мире тот, кто отвержен своим племенем, не выживет, особенно неопытная самка, да еще с детенышем. Немного помедлив, она постаралась успокоить свою молодую подопечную, и когда та наконец смогла совладать со своими слезами, пообещала помочь, если только поклянётся больше не самовольничать. Та с готовностью дала ее, и Раста снова смогла заняться ее исцелением. Укрепив ее организм, она создала для нее особое снадобье, с помощью которого они добились отторжения ее телом нежелательного плода, а когда это произошло, она помогла ей полностью восстановиться. Кроме того, она вызвалась на правах самки владыки самолично подготовить будущую капу к служению, обучив всему, что та должна была знать и уметь.

Среди прочего она также привела с ней ритуал очищения и подготовки молодого тела будущей капы к служению, в процессе которого в ее чрево был помещен таулат — паразит, которого находили в телах некоторых безмолвных. Находясь в теле носителя, он предотвращал зачатие детеныша. Так что все капы, имевшие его в теле, свободно возлежали со своими повелителями на любовном ложе, что было частью их служения, не принося после этого нежелательного потомства. Ведь иметь детенышей могли только самки повелителей прайда, и никто более. В завершение ритуала Наки прокололи оба соска,

вставив специальные изящные украшения, созданные самыми искусными мастерами из крови самого солнца, которые отныне символизировали о ее статусе.

Вскоре после окончания ее подготовки, Наки под руководством Расты стала одной из самых искусных и потому весьма желанных капа в прайде, и это принесло немало пользы, молодой львице в том числе. Она довольно быстро заняла более высокое положение в прайде. Наки же была ее верной поверенной во всех делах, и когда погиб старый властитель, а она оказалась беременна от него. Именно Наки помогла ей тайно родить, и все эти солнцеходы она присматривала за ее котенком, оставаясь с ним все то время, пока его мать выполняла свои обязанности. Вот и сейчас она буквально закрывала спящего малыша собой так, что если кто-то вдруг неожиданно придет, она, сделав вид, что занимается уборкой, сможет скрыть его от чужих глаз.

Не тратя времени на объяснения и велев Наки спрятать принесенное ей тело, Раста положила на пол комнаты мертвого котенка и осторожно спрятала под одеждой своего. Тот недовольно запищал, но она стала тихо мурлыкать, и вскоре он снова заснул. Осторожно она вышла из своих покоев и поспешила назад, моля по дороге всех Древних помочь ей в осуществлении ее безумного плана. Когда она вновь зашла в комнату, то увидела, что молодая львица все еще не пришла в себя и по-прежнему была одна. Осторожно она достала свою драгоценную ношу и стала обмазывать его выделениями из тела Ниоты. Тот возмущенно запищал, и тут в комнату наконец вернулась вторая самка, неся в руках емкость с водой.

— О, слава всем Древним! — воскликнула она, опуская свою ношу и бережно беря недовольно пищущего котенка. Осторожно она опустила его в теплую воду и стала обмывать, отчего тот только еще сильнее стал выражать свое крайнее недовольство всем происходящим.

— Какой же он большой. Неудивительно, что госпоже было сложно разрешиться от такого бремени. Надеюсь, она все же оправится, и малыш не останется без матери.

Раста лишь молча кивнула, стараясь тем временем привести в чувства молодую самку. Наконец спустя немало времени та открыла глаза и смогла увидеть своего детеныша. Оставив молодую мать и новорожденного на попечении оставшихся в комнате пришедших к тому времени их сменить самок, Раста вернулась к себе и остаток ночи она провела в горячих молитвах к Древним, моля их о покровительстве ее малышу и одновременно моля их о прощении ее обмана. Спустя несколько солнцеходов она объявила, что родила и, как и полагалось обычаем, она принесла тело мертвого котенка своему новому повелителю. Положив у его ног, она склонилась в поклоне. Тот едва бросив короткий взгляд на мертвого котенка, подошел к ней и милостиво потерся носом о ее нос, тем самым показывая свое расположение и одновременно принятие в свой личный прайд.

Сославшись на слабость после родов, Раста заперлась в своих покоях, где оставалась под присмотром Наки, стараясь при этом избавиться от молока, по-прежнему наполняющим ее грудь. Несмотря на усилие, ее тело отказывалось принимать тот факт, что его больше некому пить. И тут к ней пришла неожиданная посетительница. Это была Ниота, и она пришла вместе со своим новорожденным котенком, который недовольно пищал в ее лапах.

— С вами все хорошо? — с тревогой спросила Раста неожиданную гостью, видя, что та еще явно не до конца оправилась от тяжёлых родов, да и жалобный писк котенка немало пугал ее. Тут молодая мать вдруг опустилась на колени перед ложем, на котором находилась Раста, и низко склонила голову, прижав свои уши.

— Прости мне мою дерзость, ведь только благодаря тебе и милостью Древних я и мой малыш остались живы, но у меня еще одна огромная просьба.

— Я сделаю все, что в моих силах, — чувствуя нарастающую тревогу, произнесла Раста, но ее неожиданная гостья, похоже, все еще колебалась, не решаясь произнести вслух то, ради чего пришла.

— Прощу, говори, — поторопила ее Раста, не в силах побороть наполняющую ее сердце тревогу.

— Так вышло, что я узнала, что ты родила вскоре после меня и...

— И?

— Я знаю, что волей обычая ты должна была расстаться со своим детенышем, и это наполняет мое сердце невероятной печалью. Если бы не крайняя нужда, я никогда бы не пришла, но у меня слишком мало молока, и малыш все время голоден, — тут она наконец осмелела и прямо посмотрела на Расту. — Прощу, стань кормилицей для моего детеныша.

Она замолчала, а малыш в ее лапах снова громко запищал. Она склонилась над ним, стараясь успокоить, но тот, похоже, не собирался этого делать. Раста молча взяла его из лап юной львицы и, сняв со своей груди тугую повязку, поднесла к ней малыша, и тот недолго думая ухватил ее набухший сосок и стал жадно сосать молоко, наконец довольно заурчав. Раста и Ниота переглянулись и тихо рассмеялись. Похоже, теперь волей провидения или самих Древних, у малыша стало целых две матери.

Мио едва сдерживал зевоту. С каждым разом эти приемы становились для него все скучнее и невыносимо длиннее. С какой-то едва уловимой тоской он вспомнил о тех временах, когда он, выдержав многочисленные схватки со своими сверстниками, молодыми львами прайда, доказал, что имеет право на имя, впервые присутствовал на подобном мероприятии. Тогда это ему казалось так волнительно и невероятно почетно, но теперь он отдал бы многое, чтобы оказаться подальше отсюда. Например, прямо сейчас он мог бы охотиться, возглавив группу львов, в чьи обязанности входило добыча пищи для логова или уединиться со своей новой капой, милой самочкой из племени пустынных кроликов, лишь недавно начавшей свое служение. Пройдя обучение после того, как он лично привез ее в прайд еще совсем малышом, выкупив у одного из странствующих торговцев, к которому она попала после того, как ее семью уничтожило напавшее на ее племя одно из кочевых племен, живущих разорением слабых.

Пустынные кролики хоть и были одним из самых многочисленных племен, но при этом оно было самое разобщенное. Все они в основном жили отдельными семейными группами, но что самое главное — все его воины были крайне слабые, так что никто из них не был способен дать достойный отпор достаточно сильному врагу. Чем, собственно, и пользовались остальные живущие грабежом и разбоем. Единственная причина, из-за чего они все еще продолжали существовать в этом мире — это, пожалуй, лишь благодаря плодовитости их самок. Однако порой именно из-за них семьи и уничтожали, ибо самочки пустынных кроликов считались самыми прекрасными капа, способными подарить своему господину изысканные и чувственные удовольствия, в чем Мио и смог удостовериться, когда малышка превратилась из запуганного дрожащего комочка в прекрасную молодую крольчиху, став его очередной капа.

Эти мысли наполнили его сознание новой порцией раздражения и жгучим желанием немедленно покинуть зал аудиенций, где его отец, глава их племени, прямо сейчас вел прием всевозможных просителей из числа жителей их логова или гостей, прибывших сюда из запредельных земель. Каждый из них имел какое-то дело, которое мог разрешить лишь он лично, и как назло эта вереница просто не собиралась иссякать. Стараясь хоть как-то отвлечься и подавить нарастающее раздражение, Мио украдкой посмотрел на своего брата. Тот, казалось, сохранял полную невозмутимость и даже придал своей морде выражение заинтересованности всем происходящим. Вот только нервное подергивание кончика хвоста выдавало его с головой. На самом деле молодой лев, похоже, был раздражен всем этим еще больше, чем его юный брат. Тем более, что все участие обоих наследников сводилось лишь к тому, что они словно живые изваяния стояли по обеим сторонам от правителя и лишь молча наблюдали за всем происходящим, никак не вмешиваясь.

Между тем в зал вошел еще один посетитель. Это был, судя по одеянию, странствующий торговец одного из племени капибар, живущих общинами среди других племен этого мира и в основном осуществляющих торговлю меж ними. Так что появление его здесь не представляло никакого интереса. Куда как занимательнее было то обстоятельство, что сразу за ним вошли трое. Двое поджарых наемников из племени шакалов: их мускулистые тела там, где их не скрывала потрепанная от времени броня, были покрыты многочисленными шрамами, свидетелями схваток в которых те уже успели побывать. И хотя при них не было

оружия, так как по правилам его должно было оставить на входе перед тем, как войти на территорию логова, глядя на их суровые морды сразу было понятно, что и без него они в состоянии многим дать отпор.

Но это было не самое интересное — то, что у торговца была личная охрана, не было чем-то удивительным. В их мире мог выжить лишь тот, кто был достаточно силен, чтобы постоять за себя, особенно если род занятий вынуждал тебя много странствовать, а глядя на достаточно грузного торговца, не складывалось впечатления, что он способен оказать достойный отпор тому, кто покусится на него или, что куда как важнее, на его кошель. Все это было вполне обыденно, куда как интереснее был третий вошедший — он был скрыт под богато украшенным покрывалом, сотканном из плотных волокон и украшенным прекрасной вышивкой, скрывающим своего обладателя от посторонних глаз полностью, так что не было видно даже кончиков его задних лап.

Вмиг от былой скуки и раздражения у Мио не осталось и следа, даже на морде его брата появилось выражение немалого любопытства. Между тем торговец приблизился к возвышению, на котором находился глава племени, восседая на огромном валуне, украшенном вырезанными на его поверхности символами власти, высеченным из куска священной скалы в незапамятные времена для его далекого предшественника теперь уже неизвестными мастерами, и по обеим сторонам от которого все это время стояли его два старших сына. Торговец склонился в почтительном поклоне, настолько низко, насколько это ему позволяли его короткие задние лапки и выпирающий живот.

— Да благословят Древние вас и весь ваш род, даровав потомков числа, которого нельзя будет счесть о величайший из повелителей.

Правитель в ответ на приветствие слегка кивнул, одновременно давая этим знак посетителю, что тот может начать излагать суть своего дела. Тот, повинувшись знаку, выпрямился и, приложив свои небольшие лапки к низу обширного живота, перетянутого богато украшенным широким поясом, слегка кашлянул начал говорить:

— Дело мое пока малое, ваше величество, но в будущем оно может сулить всем нам немалое благоденствие. Дело в том, что слава о вашем прекрасном логове достигла моих земель, и я недолго думая поспешил сюда, решив попытаться проложить новый торговый путь с искренней надеждой, что товары из наших мест смогут приглянуться вашему племени.

Глава племени слегка нахмурился. Обычно торговцы, решившие торговать на территории логова, не беспокоили его самого. Все они обращались за разрешением к его главному советнику. Странно было, что гость не последовал этому правилу, хотя быть может, виной тому было его неведение. Правитель уже собирался сообщить это посетителю, но тот, по-видимому, предугадав ход его мыслей, поспешно произнес:

— О, простите мне мою дерзость, ваше величество. Я вовсе не за разрешением пришел к вам. Его мне уже выдал достопочтимый господин Лан.

— Отлично, так чего же тогда вы хотите, чтобы я для вас сделал, господин?

— Тан, ваше величество, — торговец снова слегка поклонился и продолжил. — Я вовсе не собирался беспокоить вас своими мелкими просьбами. О нет, я лишь хочу преподнести вам скромный дар в надежде, что он не будет вами отвергнут и послужит залогом к вашей благосклонности к столь ничтожной персоне, как я, ваше величество.

С этими словами он подал знак своим телохранителям и те незамедлительно подтолкнули вперед того, кто все еще был скрыт под покрывалом. Безропотно он вышел чуть

вперед, остановившись рядом с торговцем, и тот наконец снял покрывало. Под ним оказалась молодая львица. При виде ее у Мио буквально дыхание перехватило. У нее была ослепительно белая шерстка, кое-где тронутая легкими подпалинами голубого цвета, образующие едва заметный причудливый узор. Она обладала прекрасными формами, эффектно подчеркнутыми ее довольно откровенной одеждой. Но более того Мио привлекли ее глаза небесно-голубого цвета. Они казались такими большими на ее изящной мордочке и наполненными какой-то потаенной печалью. Хоть на ней не было цепей, Мио сразу понял, что она здесь не по собственной воле.

Между тем его брат, похоже, не меньше его самого восхищенный прекрасной незнакомкой, сошел с возвышения и, подойдя к ней вплотную, стал откровенно разглядывать, медленно обходя вокруг. И это явно не нравилось молодой пленнице — она заметно напряглась, ее усики стали едва заметно подрагивать, а уши слегка прижала к голове. Главное — в ее глазах блеснули слегка уловимые искорки неподдельного гнева. Все это не ускользнуло от Мио, ведь не зря он был одним из лучших охотников их логова, но главное с раннего детства имел подход к самкам. Еще будучи маленьким котёнком, он умело располагал к себе обитательниц прайда его отца, так что даже когда его отлучили от груди его родная мать и кормилица, он умудрялся то и дело получать молоко от молодых львиц, не устоявших перед его обаянием и позволявшим ему пить их молоко почти наравне с их собственными малышами.

Однако его брат был полной противоположностью. Возглавляя боевую группу львов племени, он был невероятно жёсток и всего привык добиваться, полагаясь лишь на свою грубую силу, в том числе и от самок. Так что в прайде его не сильно жаловали и всеми силами старались избегать его внимания, несмотря на его высокий статус, как главного наследника правителя.

Между тем закончив наконец свой осмотр, он остановился перед львицей и попытался коснуться ее груди, по-прежнему игнорируя то, что она была явно не в восторге от такого бесцеремонного обращения, даже несмотря на свое положение. Однако это не ускользнуло от торговца и он поспешил предостеречь его:

— Осторожно, ваше высочество, она еще не обучена и у нее порой проявляется дурной нрав.

— Да неужели. Я люблю притких, — усмехнулся тот и снова попытался прикоснуться к незнакомке.

Мио ожидал, что та зашипит или зарычит, показав зубы и предупреждая о своем недовольстве, как делали это большинство из самок, которых он до сих пор встречал. Похоже, эта молодая львица превзошла их всех. Не успел юный наглец коснуться ее, как она, сделав почти молниеносный выпад, ударила его по морде, оставив на его щеке несколько глубоких царапин. Он перехватил ее лапу, не дав нанести очередной удар, схватил ее за запястье и зло ухмыльнулся.

— Так значит у кого-то тут острые коготки. Ну что, похоже, ты смогла привлечь мое внимание. Я лично займусь твоим приручением, ты ведь не против, отец? — произнес он, обернувшись и по-прежнему не выпуская лапы пленницы. При этом он сжал ее с такой силой, что прогнулся браслет на ее запястье, сделанный из панциря древолаза, достаточно прочного, так что из него порой даже изготавливали самые дешевые доспехи.

Правитель безразлично махнул лапой. Связываться с непокорной самкой ему явно не хотелось, все-таки он был уже не настолько молод, да и к тому же времени на обуздание

непокорной у него точно не было. Рау снова усмехнулся и наконец выпустил запястье незнакомки.

— Эй, отведите ее в мой прайд, — обратился он к стоящим неподалеку слугам и те поспешно исполнили приказ юного господина. Один из них, подойдя к новой обитательнице прайда, попытался взять ее за плечо, но та тут же отдернула лапу и бросила на него злой взгляд, так что тот даже слегка отшатнулся, а на его морде появилось выражение растерянности. Все же она покорно пошла следом за слугами, так и не проронив ни единого слова.

Не успела за ними закрыться дверь, как торговец снова подал голос. По легкой дрожи было заметно, что он немало расстроен всем произошедшим:

— Простите меня, ваше высочество. Я действительно совсем не ожидал, что она такое себе позволит. У нее, конечно, полно своенравия, и я не успел ее как следует подготовить. Еще раз прошу, простите.

— Все хорошо, можете не волноваться больше о ней. Теперь это уже не ваша забота, уважаемый Тан. Надеюсь, торговые дела в нашем логове не разочаруют вашего ожидания. Думаю, я найду время и загляну к вам с целью осмотреть остальные ваши товары.

— Буду безгранично рад вам, ваше высочество, а теперь я больше не смею занимать ваше драгоценное время.

— Да, до встречи, — произнес молодой лев, снова занимая свое прежнее место подле отца. Тот в свою очередь тоже распрощался с гостем и, отвесив низкий поклон, вышел из зала в сопровождении своих невозмутимых телохранителей.

Прием продолжился, только на этот раз все мысли Мио были заняты прекрасной львицей. Но вот прием наконец подошел к концу, и им с братом было позволено заняться своими делами. Солнечный лик к тому времени еще не прошел всего своего полного пути по небу. Немного подумав, Мио решил отправиться на небольшую прогулку, взяв из загона своего любимого твердокрыла.

Это было создание из числа тех, кого Древние в начале времен обделили даром речи и оставили в полной безграничной власти тех, кому был преподнесен такой дар. С тех пор все они безропотно служили остальным обитателям этого мира, являясь теми, на кого был переложен почти весь тяжелый труд. Так многие из них помогали перевозить грузы и обрабатывать землю, в тех племенах члены которых жили благодаря дарам земли. На них ездили охотники и воины, так же они сами являлись источником различных ресурсов, из которого в основном создавалось все, чем пользовались обитатели этого мира. В ход шло все, каждая частичка их тел. Так, их мясо служило пищей для многих племен, из их кожи и панциря делалась одежда, броня и различные орудия для повседневного быта, а также оружие для охотников и воинов.

Твердокрылы были одними из самых сильных и быстрых безмолвных. Их огромные тела были покрыты панцирем в виде толстых зеленовато-серых пластин усеянных множеством мелких острых шипов. Их панцирь почти невозможно пробить, что было весьма ценно для военных дел. Также передвигаясь на шести коротких составных, словно доспех воина, мощных лапах, они обладали невероятной манерностью, устойчивостью и, что не менее важно, скоростью. Так что ни в бою, ни в охоте им просто не было равных. А главное — они обладали довольно покладистым нравом и были весьма неприхотливы.

Выведя твердокрыла из загона, Мио ловко взобрался на его твердую, словно отполированный камень, голову, прямо меж двух огромных круглых глаз, где находилась

небольшая выемка, в которой обычно и располагались наездники, и крепко ухватился за его гибкие усики. Чуть потянув их на себя, направил его прочь с территории логова. Оказавшись за пределами внешней стены и отъехав от нее настолько, что она почти полностью скрылась с глаз, он стал вглядываться в песок под лапами своего ездового безмолвного, ища достаточно интересную цель, чтобы поохотиться.

Вскоре его старания были вознаграждены, и он заметил свежие следы песчаника, мясо которого было желанным блюдом на любом столе. Почти до самых сумерек он выслеживал свою добычу. Наконец, настигнув ее в россыпи высоких камней, он поймал его, пронзив своим малым копьём, сделанным из острых, усеянных мелкими крючковатыми зазубринами шипов тарака. Положив мертвую тушку на спину своего твердокрыла, он отправился назад. Оставив добычу и своего безмолвного на попечение слуг, он отправился в свою часть прайда. Приняв освежающую ванну и смыв со своей шерсти песок и пыль, он отправился в покои Тану, своей новой капы, там он ее и застал.

Она стояла ко входу спиной и что-то поправляла, стоя у края ложа. Тихо Мио подкрался к ней и легонько прикусил краешек заведенного за спину ушка. Она слегка вздрогнула от неожиданности, явно так и не услышав его шагов, а он тем временем обнял ее и, прижавшись носом к ее шее, тихо прошептал:

— Попалась.

Она радостно засмеялась и, выпустив край покрывала, обняла его голову и стала ласково перебирать его гриву, пропуская ее пряди между своих маленьких пухленьких пальчиков. Между тем Мио провел своей лапой по шерстке на ее спине и словно случайно расстегнул застежку на ее одежде, той ее части, что закрывала грудь. Украшенное искусно обработанными кусочками панциря олнади украшение упало на пол, обнажив ее полные груди. Они озорно подпрыгнули, словно радуясь внезапному освобождению от тесного плена, вот только долго оставаться на воле у них не вышло. Мио обхватил их своими лапами и нежно помассировал, чувствуя подушечками своих лап, как при этом напряглись соски юной крольчихи, так что в его лапы даже стали давить украшения, вдетые в них.

При этом сама она слегка изогнулась, подставляясь ласкам своего юного господина, и еще сильнее прижалась к нему, глубоко и одновременно прерывисто дыша ему в ухо. Насладившись ее грудями, он скользнул вдоль ее бархатного живота и, так же сделав незаметное движение, снял с ее широких бедер украшения, закрывающие ее пах. Оно вслед за нагрудником с легким шуршанием упало на пол у ног своей юной обладательницы, а между тем Мио стал ласково гладить бедра красавицы, чувствуя, как по ее телу при этом пробегает сладостная дрожь.

Вскоре он слегка подтолкнул ее к краю ложа, и та наконец, повернувшись к нему мордочкой, с радостным смехом раскинув в стороны лапки, упала на него, призывно глядя на нависшего над ней Мио. едва заметно усмехнувшись, он прижал ее к ложу, продолжая свои настойчивые ласки, вскоре комната наполнилась его довольным урчанием и сладостными возгласами юной самки, свидетельствующими об их соитии. Они не смолкали до самого восхода полночной звезды. Только когда она замерцала на ночном небе в полную силу, совершенно выбившись из сил, Тану стихла, погрузившись в не менее сладостные объятия, чем у ее господина, глубокого сна. Мио тоже заснул, все еще держа ее в своих лапах, словно не желая расставаться с ней даже во сне.

Проснулся он как обычно еще до того, как солнце явило миру свой пылающий лик. Приподнявшись, он какое-то время смотрел на спящую около него Тану, после чего наконец

встал и, сладко потянувшись, отправился в купальню. Погрузившись в теплую воду, он блаженно откинулся на край купальной чаши и снова вспомнил о вчерашнем приеме и о том необычном даре, что был преподнесен его отцу. Образ белой львицы снова предстал перед его внутренним взором, при этом его не оставляла мысль о странности всей этой ситуации.

В роли капа обычно оказывались самки иных племен, в основном тех, кто питался лишь плодами земли, а тут, насколько мог он судить, была что ни на есть чистокровная львица. У нее был необычайно редкий цвет шерсти и глаз, все же почему из нее вдруг решили сделать капа? Предположим, что она принадлежала к очень слабому племени, но обычно в таком случае, чтобы получить поддержку более сильного, самок отдавали в прайд в качестве продолжательниц рода, тем самым заключая почти нерушимый союз, а тут все было обставлено так странно и главное нелепо.

Он так и не смог дать ответ на этот вопрос, как его уединение было нарушено. В купальню вошла Кали, еще одна капа его собственного прайда. Это была довольно высокая самка водяной выдры. До того, как попасть в прайд, она успела стать довольно искусной и опасной воровкой. Поимкой которой озадачилось несколько племен, которым она немало насолила и времени у них ушло на это немало. Каждый раз, когда ее, казалось, уже совершенно точно загнали в угол и неизбежно должны были поймать, она всякий раз умудрялась ускользнуть, порой при этом не забыв прихватить что-нибудь ценное, словно насмехаясь над своими преследователями. Это лишь еще больше распыляло их, но в конце концов, удача отвернулась от нее и ее схватили.

Воровство в их мире каралось, пожалуй, еще больше, чем даже убийство, и ее неминуемо ждала совершенно заслуженная кара. Но тут на ее счастье в логово, где ее держали перед казнью, приехали Мио и еще несколько охотников. Увидев юную самку, обладающую прекрасными формами, молодой лев возжелал ее и в этом оказалось ее спасение. Отдав немало солнечных камней в уплату всех убытков, которые понесли как пострадавшие, так и те, кто занимался ее поимкой, он увез ее, дав перед этим священное слово, что никто отныне и впредь никогда не пострадает от ее лап и ее ремесла.

Вот только чтобы исполнить это, Мио пришлось приложить немало сил и терпения, ибо Кали оказалась весьма свободолюбивой и не в меру безрассудной. Несколько раз она сбегала из прайда, а однажды ей даже удалось покинуть пределы самого логова. Но каждый раз он настигал ее, словно неотвратимый рок, и возвращал беглянку. Какое-то время он пытался достучаться до ее благоразумия, стараясь объяснить, какая незавидная участь ту ждет за пределами его прайда. Однако сделать это было, похоже, не под силу, пожалуй, даже самим Древним, ведь та не желала ничего признавать.

Неизвестно сколько бы это еще продолжалось, если бы однажды снова сбежав, пока Мио уехал из логова на несколько солнцеходов по поручению отца, и оставаясь вне стен прайда довольно продолжительное время, она, чтобы утолить свой голод, не прибегла опять к своему мастерству. Вот только, похоже, удача воровки так и не вернулась к ней, и она попала в скрытую ловушку, расставленную торговцем, к которому она проникла. Специально от таких, как она, "незванных гостей", где ее и схватили, после чего, как и полагалось, отправили в темницу. Это не сильно ее тогда встревожило, ведь она была уверена, что Мио заберет ее, как только ему станет все известно. Вот только солнцеходы сменяли ночи, а он так и не появлялся, и тут наконец страх стал проникать в душу непокорной.

Наконец в ее клетку пришло двое стражей и, велев ей встать, вывели из клетки и куда-то

повели. Она решила, что ее просто вернут обратно в прайд, но нет — ее привели в какой-то каменный мешок, свет в который проникал откуда-то из-под потолка сквозь закрытое толстой решеткой отверстие. Там посреди этого мрачного помещения стоял массивный плоский камень, поверхность которого покрывало множество бурых пятен и потеков. Кали подвели к этому камню и заставили встать рядом с ним на колени, после чего вокруг ее правого запястья обвязали веревку, свитую из высушенных жил твердокрыла, и натянули так, что ее лапа оказалась прочно привязана к поверхности жуткого камня. Невероятный ужас заставил сердце юной воровки биться с такой силой, что казалось еще немного, и оно просто вырвется из ее груди.

— Эй, что вы собрались сделать со мной?

Один из стражей, одарив ее презрительным взглядом, с нескрываемой издевкой произнес:

— Всего лишь то, что и с прочими воришками.

Затем он, повысив голос, крикнул кому-то невидимому, похоже, находящемуся за пределами каменного мешка:

— Эй, где этот лентяй? Он что, думает, я за него буду исполнять его обязанности.

Тут Кали попыталась освободиться и стала неистово дергать свою привязанную лапу, за что лишь получила сердитый толчок в спину от второго стража, стоящего в это время за ее спиной.

— Эй, не дергайся, не то лишишься не только лапы.

Не помня себя от ужаса, она закричала срывающимся голосом:

— Нет, прошу, подождите! Прошу, позовите Мио, мне нужно поговорить с ним. Умоляю, скажите ему обо мне!

— Его высочеству делать больше нечего, как только выслушивать мелких воришек, — проворчал первый страж.

— Умоляю!!! — Кали снова и снова повторяла это, словно моление к Древним, и тут наконец первый из стражей нехотя произнес:

— Ладно, пожалуй, схожу доложу его высочеству, заодно поищу, куда провалился это лентяй. А ты смотри не зевай, головой за нее отвечаешь.

Он не спеша вышел прочь. Потянулись мучительно долгие минуты ожидания. По-прежнему стоя на коленях и глядя на свою привязанную лапу, которой ее вот-вот должны были лишиться, Кали стала еле слышно молить Древних о помощи, чего еще никогда в своей жизни не делала. Даже висая в клетке в том логове, откуда ее выкупил юный лев-охотник, но похоже только сейчас она так явственно почувствовала, что действительно попала в беду и выбраться из нее у нее не выйдет, как ни крути.

Наконец послышались шаги. Юная приговоренная не смела поднять глаз, боясь увидеть вместо своего спасителя, пришедшего исполнить свой долг палача. В комнату вошли и тут только Кали, собрав весь остаток своего духа, подняла глаза и увидела Мио. Тот знаком приказал стражам выйти, после чего подойдя к камню с противоположной от приговоренной стороны, остановился, скрестив свои передние лапы на груди и глядя на нее сверху вниз.

— Итак, я слушаю вас, юная госпожа.

Кали попыталась заговорить, но голос отказывался ей повиноваться. Она лишь смогла выдавить из себя что-то невнятное, после чего залилась слезами. Тут Мио слегка наклонился к ней и, взяв за подбородок, поднял ее голову так, что их глаза встретились. После чего, чуть

понизив голос, вкрадчиво произнес:

— Итак, что же ты выбираешь: стать моей покорной капой или остаться свободной трехлапой воровкой? Хорошенько подумай, прежде чем ответить, ибо второго шанса у тебя не будет.

Кали согласно закивала и наконец смогла выдать из себя:

— Я буду вашей, мой господин, клянусь своим именем. Только заберите меня, молю!

По ее мордочке снова потекли слезы. Тут Мио отпустил ее голову и, чуть помедлив, достал из ножен свой походный нож, который всегда носил при себе, и одним движением перерезал верёвку, удерживающую ее лапу на камне. Она быстрым движением сбросила остатки со своего запястья и прижала ее к своей груди так, словно та была невероятным сокровищем. Спустя несколько мгновений юный лев помог ей подняться с колен, после чего отвел обратно в прайд, откуда она уже больше никогда не пыталась сбежать, получив от жизни суровый урок.

Постепенно она привыкла к своей новой жизни, и она уже не казалась ей столь тягостной как вначале. Кроме того, сама не заметив того, она привязалась к Мио, не устояв перед его обаянием и ласковым с ней обращением. Это чувство было настолько в ней сильно, что сейчас видя, как он увлекся новой капой, она поневоле испытывала всепоглощающее чувство невероятной ревности его к ней.

Не произнося ни слова, она сняла свою одежду и, пристально глядя на Мио, медленно вошла в воду. Приблизившись к нему, она опустила ему на колени, обхватив своими задними лапами его могучий торс, после чего обхватила его голову передними лапками и нежно потерлась своим носом о его. Мио в ответ ласково лизнул ее шею. Тут она наконец прервала свое молчание:

— Вы совсем меня забыли, мой господин.

В ее голосе звучала обида. Мио удивленно посмотрел на нее:

— Откуда такие мысли? Я ни на миг не забывал тебя и не собираюсь впредь.

— Вовсе нет. Теперь рядом с вами лишь Тану, а мне не осталось ни единого местечка ни в вашем сердце, ни в ваших объятиях.

Тут она попыталась встать, оперевшись в его плечи, но Мио не собирался так просто ее отпускать. Он как никто другой знал, на что способна обиженная самка, и не важно, была ли она продолжательница рода или капа. И речь тут, конечно, шла не о нем — ни одна самка, если только ее не довести до края отчаяния, не причинит своему покровителю вред. Однако тем, кого она посчитает своей соперницей, точно могло не поздоровиться в самом прямом смысле этого слова. Тут все средства были хороши, и порой одним из самых надежных был яд. Хоть у юного наследника еще пока не было ни единой самки-продолжательницы его рода, терять кого-то из своих кап он не собирался. Так что Кали нужно было немедленно успокоить и уверить в том, что ее позиции никак не пострадали, когда Тану возлегла на его любовное ложе. С ее невероятно боевым духом она вполне могла извести ту со свету и усиком не поведя.

Так что не успела она еще полностью подняться, как он крепко обхватил ее гибкий стан. Когда ее живот оказался на уровне его морды, в ту же секунду он привлек ее к себе и ласково лизнул его. Она слегка изогнулась, словно стараясь отстраниться, при этом ее острые и довольно длинные коготки едва царапнули его плечи. Она попыталась выйти из воды, но Мио продолжал держать ее так, что она лишь пошатнулась и неловко завалилась на край купальной чаши, подняв фонтан брызг, и снова попыталась высвободиться из его лап.

Но он не позволил, снова стянул ее назад в воду, где она попыталась вырваться, но делая это явно не в полную силу, что не ускользнуло от внимания юного охотника. Он прижал ее в стенке купальной чаши и, не обращая внимание на то, что она продолжала его царапать, пытаясь освободиться, ловким движением раздвинул ее плотно до того сжатые бедра и решительно овладел ею.

Почувствовав его твердую плоть внутри себя, Кали не то вскрикнула, не то всхлипнула от наслаждения и немного расслабилась, чуть подавшись вперед. Тут Мио прижался носом к пространству меж ее больших упругих грудей и провел по мокрой шерстке своим языком. Очень медленно, раз, затем другой, она снова издала звук, напоминающий стон и вздох облегчения одновременно, и наконец полностью отдалась его ласкам.

Вскоре Мио исторг в ее бесплодное чрево свое семя, почувствовав, как по всему ее телу пробежала легкая судорога. Только тогда он наконец ослабил свои объятия и посмотрел в ее полузакрытые, полные на этот раз блаженства глаза. Едва заметно улыбнувшись, снова потерял своим носом о ее и, поднявшись, вышел из купальни.

Облачившись в свою повседневную одежду, он вышел в один из внутренних двориков их прайда. Вдохнув полной грудью по-утреннему прохладный и сухой воздух, он стал обдумывать дела на предстоящий солнцеход. Сезон охоты почти подошел к концу, и особо интересных для него занятий практически не осталось. Конечно, если не считать нудных обязанностей наследника.

От этих мыслей его хорошее настроение стало куда-то постепенно исчезать, уступая свое место тоскливому чувству. И вдруг он услышал то, что вмиг заставило его позабыть обо всем. Это был голос его брата Рау, и в нем звучал гнев, хотя, пожалуй, даже ярость. Его брат и так часто бывал в дурном расположении духа, но сейчас, похоже, нечто вывело его окончательно из состояния хотя бы относительного равновесия.

Желая немедленно узнать, что так его могло взбесить, он пошел на голос и вскоре, пройдя по небольшому переходу между двумя внутренними дворами, оказался в еще одном. Там его брат как раз буквально рычал на одного из зрителей их прайда, при этом вид у него был весьма потрепанный, словно тот с кем-то подрался и явно оказался проигравшим в схватке.

— Да как это возможно? Тебе надо было поручить за безножками присматривать и то небось упустил бы!

Рау от распирающего его гнева то и дело скалил зубы, обнажая клыки. Давно Мио не видел его в таком состоянии.

— Эй, чего стряслось, что за шум?

Рау оглянулся и наградил брата испепеляющим взглядом. Затем, закрыв глаза, сделал несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться. Спустя несколько долгих мгновений он буркнул, чтобы все расходились. Дважды ему повторять не пришлось — зрители вмиг исчезли, словно превратившись в бесплотные тени, стараясь даже не издавать лишних звуков.

— Может все-таки объяснишь, что произошло и кто так потрепал этого бедолагу?

— Не твое дело, иди лучше займись чем-нибудь полезным.

— Например, расспросить его самого, что произошло? Это я могу, так что может все-таки сам все расскажешь?

Рау сдавлено зарычал, но его брата было не так просто испугать. Тогда он буркнул:

— Вчерашний подарок сбежал.

— Что, как это?!

Удивлению Мио просто не было предела.

— Как-как? Оглушила этого болвана, сняла с него одежду и была такова.

Услышав это, Мио на миг замер на месте, но затем, не сумев сдержаться, разразился смехом, что точно не пришлось по вкусу Рау, отчего он снова наградил его убийственным взглядом.

— Рад, что хоть кому-то здесь весело.

Мил с трудом подавил смех:

— Да уж, смелости этой львице точно не занимать. Ты уже выслал погоню или сам будешь ее искать? Вроде ты вчера собирался самолично заняться ее приручением, — с легкой издевкой произнес он, похоже, еще более расплыив и без того уязвленного льва.

— Еще чего не хватало. У меня, в отличие от некоторых, достаточно важных дел, чем гоняться за какой-то там бестолковой самкой.

— Да ладно, а я бы не прочь поохотиться на столь привлекательную дичь. Так что может присоединишься? А кто ее найдет, тому она и достанется. Как тебе такое пари?

— Повторяю еще раз, у меня найдутся более достойные дела, а если некоторым тут нечего делать, пусть делают что хотят. Мне до это дела нет, — с этими словами он резко развернулся и направился к выходу из внутреннего двора.

— Ну так значит так тому и быть, она будет моей, если я ее верну? — крикнул Мио в спину брату, но тот даже не приостановился, так молча и скрылся из глаз.

Мио же направился к себе, намереваясь заняться поисками немедленно, ведь в таком деле была дорога каждая минута. Облачившись в легкую броню, он покинул пределы прайда и отправился осматривать логово, решив, что беглянка все еще где-то прячется на его территории. Потратив добрую часть солнцехода и обыскав все укромные места, он так ничего и не обнаружил: ни самой беглянки, ни следов ее пребывания. Он стал подозревать, что та могла каким-то образом покинуть пределы логова. Придя к такому выводу, он отправился к внешним воротам, где стал расспрашивать стоящих там на страже о том, не видели ли они кого-то, кто мог походить на юную беглянку. Однако те не смогли сообщить ему ничего интересного.

Следующих несколько солнцеходов Мио бесплодно провел в поисках, продолжая обследовать логово, попутно расспрашивая всех, кого мог: не видели ли они кого-то, кто мог быть похож на ту, кого он искал. Но юная львица словно растворилась в воздухе. Наконец он стал подозревать, что та все же каким-то образом улизнула из логова, но куда могла отправиться одинокая самка? Тут он вспомнил о торговце, который привел ее в их прайд, и решил поговорить с ним лично.

Зайдя на ту часть логова, где располагалась рыночная площадь, он стал обходить все торговые места, ища его, и попутно расспрашивая других торговцев о новичке: не знают ли они, где тот решил открыть торговлю. Вскоре ему указали на это место, но когда юный лев туда пришел, оказалось, что оно пусто. На месте торгового места он нашел лишь несколько безделушек, похоже, их обладатель покинул это место в спешке.

Тут в голову Мил стали закрадываться подозрения: а не кроется ли за всем этим происшествием нечто большее, чем простое совпадение? Уж очень все выглядело подозрительно. Решив немедленно все выяснить, он отправился в погоню за уехавшим торговцем. Взяв своего верного твердокрыла, он направил его на север, туда, куда по словам стражей, стоящих на воротах, тот направил свои повозки.

Несколько часов он шел по следам, оставленным на песке, и вот наконец вдали показались темные точки. Похоже, он все-таки кого-то настиг. Ускорив своего твердокрыла, он поспешил к ним, но вот когда уже отчетливо стали видны очертания вереницы торговых повозок, он вдруг понял, что те, по-видимому, заметив его приближение, заметно ускорились. Это еще больше укрепило Мио в мыслях о том, что что-то тут явно нечисто. Между тем его безмолвный уже бежал на максимальной скорости, едва касаясь всеми шестью своими лапками поверхности песка. Однако Мио все продолжал его подгонять, вынуждая все больше и больше ускориться. Под конец тот приподнял свои жесткие щитки на спине и расправил полупрозрачные тонкие крылышки, спрятанные под ними. Издав жужжащий звук, он грузно приподнялся над поверхностью песка и буквально рванул вперед, при этом Мио едва не свалился с его головы, благо он крепко держался за его усики и был умелым наездником.

Наконец вереница повозок стала приближаться, Мио обогнал их и стал требовать остановиться. Какое-то время его приказ игнорировали, и возничие все продолжали подгонять своих ездовых палзунов, которые явно не были созданы для скорости и уже едва могли держать высокий темп бега. Наконец, когда их погонщики убедились, что им явно не уйти от настойчивого преследователя, они остановились. Не успела еще осесть поднятая повозками пыль, как из самой большой и богато украшенной вышел сам господин Тан. Недолго думая, он бухнулся на колени, едва не завалившись в силу своей грузности набок, и низко склонил голову.

— Прощу, пощадите! Я не сделал ничего дурного! — буквально пропищал он, при этом все его грузное тело тряслось от крупной дрожи.

Мио слез с головы своего измотанного погоней твердокрыла и, подойдя к нему, окинул угрюмым взглядом.

— Если вы, господин Тан, не сделали ничего предосудительного, зачем же вы тогда так удирали?

— Я всего лишь боялся, что вы обрушите на мою несчастную голову праведный гнев, после того, что натворила эта неблагодарная.

— Хм, выходит, вы уже в курсе, что она сбежала. И откуда, позвольте поинтересоваться?

— Я торговец, ваша милость, быть в курсе всего происходящего — это залог успеха, а то и просто выживания.

— Как-то это странно звучит. К тому же только стражи ворот знали о том, что идет поиск сбежавшей из прайда самки, а они не отличаются болтливостью. По крайней мере, насколько мне это известно.

— Даже у стен есть порой уши и глаза.

— Допустим, однако при всем этом зачем вы покинули логово? Уж не способствовали ли вы ее побегу?

— Ни за что, ваша милость, если вы мне не верите, можете обыскать каждую щель моего скромного каравана, — с жаром произнес торговец, впервые за все время осмелившись посмотреть Мио в глаза.

Однако тот слабо верил в его искренность. В конце концов, это могло быть частью какого-то плана, но все же он выразил желание воспользоваться разрешением осмотреть все повозки. Вскоре он, буквально обшарив все укромные уголки и заглянув даже под каждую из них, желая убедиться, что не пропустил никаких тайников, как и ожидал удостоверился в

том, что беглянки действительно нет в караване.

— Вот видите, я же говорил. И вообще уверяю вас, я первый, кто вернул бы ее назад, при первой же возможности хорошенько проучив за подобную дерзость. Поступить так и это после всего, что я для этой неблагодарной сделал.

Короткие усики торговца возмущенно встопорщились, давая понять, что он возмущен до глубины души. Тут решимость Мио в том, что тот причастен к побегу молодой львицы, стала заметно ослабевать, и он более доброжелательно обратился к торговцу.

— Кстати, а откуда она у вас появилась, господин Тан?

Тот, видя, что его преследователь стал намного дружелюбнее, немного осмелев, произнес:

— Это долгая история, мой добрый господин. Может, вы окажете мне честь и поднимитесь в мою скромную повозку? Там вы могли бы с большим удобством все послушать, чем стоя на этом невероятном зное.

Мио согласно кивнул, и они вместе поднялись в повозку, где ее хозяин приказал подать им прохладительные напитки, а когда его приказ был исполнен, начал свой рассказ:

— Я встретил ее у одного из небольших общин стада винторогов. Она забрела туда накануне моего там появления, и это явно не приносило спокойствия тамошним обитателям, так что я вызвался сделать им одолжения и забрать ее с собой.

— Просто верх бескорыстия, — с едва скрываемой усмешкой произнес Мио.

Тан сделал вид, что слегка обиделся и, глядя в сторону, тихо произнес:

— Не все же мерить благами этого суетного мира. Порой стоит подумать и о встрече с Древними, коя никого из нас не минует.

Мио в ответ лишь слегка усмехнулся. Зная нрав торговцев, он почти был уверен, что тот потребовал плату с тех обитателей за свое благородство.

— Ладно, оставим эту тему. Вы лучше скажите, она хоть что-нибудь о себе рассказывала, кто она и откуда?

— Увы, похоже, с ней что-то случилось до того, как она попала в ту общину. Она ничего не помнила, даже свое имя была не в силах поначалу вспомнить. Я взял ее под свою опеку и столько времени заботился, а она так мне отплатила за все то добро.

На его морде снова появилось возмущённое выражение, а в голове Мио между тем пронеслось: *«Ну да, особенно за то, что ты решил ее преподнести, как дар»*.

Однако вслух он ничего не стал говорить, а лишь спросил:

— А вы можете указать, где именно находится та община, где вы ее встретили?

— Да, конечно.

Торговец достал из ближайшего ларя, украшенного изысканной резьбой, небольшую походную карту изведенного мира, изготовленную из прочных волокон катуры. Немного поведив по ней кончиком небольшой указательной тросточки, прилегающий к ней, наконец решительно ткнул в одну из ее частей.

— Вот тут.

Мио посмотрел туда, куда он указал. Там, судя по знакам, располагалась горная цепь северного нагорья. Это место находилось довольно далеко от их логова и почти на самом краю известных земель.

— Вы совершенно уверены, что именно там располагается та община?

— Это так же точно, как то, что вслед за солнцем на небосвод взойдет луна, ваша милость.

После этого они еще какое-то время вели беседу. Мио хотелось узнать как можно больше о беглянке, но все, что мог еще поведать ему господин Тан, было слишком незначительно и никак не проливало свет на то, куда та могла пойти, оказавшись на свободе. Наконец они расстались, и Мио, прощаясь с ним, выразил ему уверение в том, что все произошедшее никак не повлияет на торговца, и он спокойно может приезжать в их логово с торговыми делами. Напоследок в знак примирения он купил у него несколько дорогих безделушек, решив подарить их своей матери и кормилице.

После этого он снова взобрался на своего твердокрыла, уже к тому времени отдохнувшего, и отправился назад в свое логово, по дороге продолжая думать о загадочной беглянке и о ее дальнейшей судьбе.

я

Пылающий солнечный лик уже почти достиг конца своего пути у края небес, где он должен был нырнуть за край земной тверди, уступая свое место младшей сестре, освещающей по повелению Древних мир, пока ее старший брат предавался отдыху в небесном логове. Постепенно все вокруг стало окрашиваться в багровые тона, тени стали длиннее, и наконец пошла на убыль невыносимая дневная жара. По старой едва заметной дороге ехала небольшая группа всадников из племени львов, восседавших на покрытых дорожной пылью твердокрылах. Она же осела на их небольшом походном снаряжении, оружии и на них самих, окрашивая мех в серый цвет. Усталые и безмолвные уже едва переставляли свои лапки, да и на мордах их седоков так же лежала печать усталости от проделанного ими долгого пути.

Вот уже почти полный лунный лик они провели на спинах своих верных твердокрылов, выполняя приказ своего властителя, вожака племени огненных львов востока. До него дошли слухи, что на окраине его владений произошло несколько весьма мощных колебаний земной тверди. Желая узнать, как это отразилось на обитателях его земель, он отправил одного из своих старших сыновей осмотреть границы и обо всем доложить.

Они объехали уже почти всю границу северо-восточного края и теперь им осталось лишь небольшой, но при этом и самый далекий уголок, после чего они наконец смогут вернуться назад в главное логово своего племени. То и дело кто-то из группы начинал пристально вглядываться вдаль, жмурясь от все еще невероятно ярких лучей уходящего светила. Однако все, что им удавалось разглядеть — это бескрайний простор, покрытый лишь низкорослой растительностью, к тому времени уже почти утратившей свои жизненные соки, так как приближалось время царствования горячих южных ветров.

Но вот наконец один из самых зорких смог разглядеть едва заметные темные точки далеко на границе, где земная твердь встречалась с обителью небесных светил. Указав на них, он громко возвестил о том, что конец их пути уже совсем близок. Эта новость немного взбодрила его усталых спутников, так что они стали чаще подгонять своих измотанных безмолвных, которые, в отличие от своих хозяев, не могли знать о том, что скоро им наконец удастся передохнуть, и потому не спешивших выполнить их команды.

С каждым шагом точки все увеличивались в размере, и вскоре уже стали различимы очертания каких-то причудливых на вид строений. Когда уже стали опускаться сумерки, и на краю потемневших небес появился край лунного лика, они въехали на территорию, где обитало племя песчаных фенеков. Члены этого племени занимались в основном выращиванием различных видов безмолвных и продажей их другим племенам. Когда группа львов подъехала к ограде, сделанной из переплетения огромных колючих вьюнов, чьи шипы, источающие смертоносный для многих обитателей этого мира яд, служивший довольно серьезным препятствием для всех, кто пожелал бы причинить какой-либо вред логову, вокруг которого она была расположена, и его обитателям, а также надежно защищавшей территорию от проникновения диких безмолвных, коих в этой местности было немало. Они немного проехали вдоль нее, ища вход. Когда они к нему приблизились, им преградили путь несколько воинов племени, направив в сторону неожиданных гостей свои шипострелы, сделанные из полых стеблей и наполненных все теми же смертоносными шипами.

— Эй, вы кто и что вам здесь нужно? — произнес один из стражей врат. Он, судя по отметинам на его шкуре, был среди остальных самым старшим.

Повинуясь знаку своего предводителя, группа львов остановилась. После чего сам он произнес:

— Я Мио, второй сын властителя племени огненных львов востока. Мы по приказу моего отца объезжаем границы, ваш вожак должен знать о нашем прибытии. Я лично послал ему своего мерцателя с посланием.

Едва он замолчал, повинуясь знаку старшего, стражи опустили свое оружие, а на их мордах появилось более дружелюбное выражение.

— Да, но мы ждали вас только через три солнцехода.

— Нам удалось сократить путь, пройдя по переходу меж скал. Там образовалось огромное ущелье, так что, похоже, теперь к вашему логову можно проложить путь намного короче прежнего.

Мио ожидал, что эта весть если не обрадует обитателя логова, то хотя бы заинтересует. Но похоже, все оказалось с точностью до наоборот. На покрытой несколькими шрамами морде предводителя стражей появилось угрюмое выражение. Однако ничего так и не произнеся, он лишь коротко распорядился:

— Заходите, уже поздно, незачем медлить с закрытием врат. Поговорить мы можем и внутри.

Как только они оказались внутри ограды, за их спинами с глухим стуком были опущены тяжелые створки ворот, до того поднятые над землей так, чтобы под ними мог пройти любой, будь он пешим или верхом на ездовом безмолвном и удерживаемые в таком положении с помощью сложной системы веревок и шестов. Главный страж велел гостям следовать за ним. Вскоре отойдя немного от входа в логово, они оказались в том месте, где начинались постройки. Все строения были созданы из невероятного сочетания камней и различных растений, которые оплетая прочно скрепляли их меж собой, так что почти каждое из них по своей форме и размеру было отлично от другого. Каждое из них было освещено с помощью небольших клеток, свитых из сухих стеблей все того же вьюна, очищенного от колючек в которых сидели огники.

Эти маленькие безмолвные обладали одной отличающей их способностью тела вырабатывали вещество, которое довольно ярко светилось в темноте. На воле это помогало им ловить добычу, но вместе с тем привлекало к ним хищных собратьев, и потому там они были вынуждены всегда прятаться в труднодоступных укрытиях и оставаться довольно юркими существами, в чем им помогала пара коротких крыльев на их спинах. Но эти были выведены здесь и самого появления на свет о них заботились. Потому не имея никакой угрозы своему существованию и при этом всегда имея в достатке пищу, они, в отличие от своих вольных сородичей, выросли довольно крупными, да и от крыльев они постепенно избавились как от совершенно ненужного органа.

Клетки были закреплены около входов в постройки и порой висели на небольших, казалось, растущих прямо из земли каменных столбиках, так что все вокруг было залито приятным золотистым светом. Какое-то время группа шла среди этих причудливых строений, ловя на себе удивленные взгляды изредка встречающихся им обитателей логова. Наконец они подошли к постройке, слегка отличающейся от прочих, в окнах которой горел яркий свет, а изнутри доносился звук множества голосов. Здание было в несколько этажей в высоту, и в целом смотрелось довольно добротно, но все же на место, где обитал владыка

целого племени, оно мало походило.

— Странное место для обители властителя, — произнес один из львов, на что их молчаливый сопровождающий коротко произнес.

— Это всего лишь убежище для всех, кто прибывает в наше логово. Повелителя сейчас нет, он прибудет только через два солнцехода, — с этими словами он толкнул дверь и вошел внутрь, следом за ним в большой зал вошли все члены группы Мио, оставив своих усталых твердокрылов ждать снаружи.

Как только они вошли, все, кто там присутствовал, в тот же момент разом замолкли и все до единого уставились на неожиданных посетителей. Между тем их провожатый, слегка повысив голос, позвал кого-то по имени. Почти в ту же минуту из дальнего угла полутемного помещения показался коротышка, судя по внешнему виду принадлежащий к племени сурикатов.

— Таки, позаботься о наших высоких гостях.

Тот поднял свою слегка заостренную мордочку и с изумлением посмотрел на вошедших.

— Так это же...

— Да-да, они самые, тебе о них уже говорили. Надеюсь, ты все подготовил, как тебя просили?

— Да, но мы их ожидали только через три солнцехода.

— Что же, они добрались сюда раньше. Похоже, в скалах появился новый проход. Теперь понятно, куда стала уходить вода. Судя по всему, изменения оказались куда серьезнее, чем предполагал владыка.

На минуту воцарилась почти полная тишина, но вот старый фенек хлопнул себя по бедру и коротко произнес:

— Ладно, на все воля Древних, сейчас постарайся сделать все как следует и угодить гостям владыки.

Хозяин почтительно склонил голову, и главный страж врат, пожелав всем спокойного вечера, удалился прочь. Как только за ним закрылась дверь, хозяин, тут же подозвав несколько своих братьев, похоже, работающих на него, велел им накрыть на стол и приготовить для гостей лучшие комнаты, а также позаботиться о безмолвных, на которых те прибыли. Исполняя приказ, его более юные помощники засуетились, ловко маневрируя между столами и остальными посетителями.

Между тем хозяин заведения обратился к Мио и его спутникам:

— Вы проделали столь тяжелый путь, не угодно ли воспользоваться нашими купальнями, пока накрывают на стол?

Получив утвердительный ответ, он провел всех в дальнюю часть общего зала. Там проведя всех по небольшому переходу, он остановился перед широкой дверью. Приоткрыв ее, он громко произнес, заглянув за нее в образовавшуюся щель:

— Эй, у нас гости, позаботьтесь о них как следует!

После этого он распахнул ее во всю ширь и, отступив в сторону, с почтением склонил голову, жестом приглашая войти. Его гости с готовностью последовали его приглашению, как только они вошли в довольно просторное помещение, на них пахло свежестью. Оглядевшись, они увидели ряд купальных чаш, установленных на широких каменных постаментах, сделанных из гигантских стволов каких-то растений, потемневших от времени. Край каждой купальни был срезан таким образом, что дальняя его часть была немного выше противоположной. Мио эта форма напомнила колыбель, в которой в его прайде обычно

укачивали малышкой.

Возле каждой купальни стояли молодые прелестные самочки-тушканчики, облаченные в короткие, почти прозрачные одежды, едва прикрывающие их тела. Как только в купальню вошли гости, пожелавшие освежиться, они буквально сорвались с места и словно стайка потревоженных легкокрылок обступили их. С невероятной ловкостью все время при этом о чем-то беззаботно болтая и то и дело звонко посмеиваясь, они сняли с львов их броню и сопроводили к купальным чашам. Усталые они с наслаждением погрузились в прохладную воду, источающую весьма приятный, слегка пряный аромат. Тут их стали обмывать юные купальщицы, все так же продолжая смеяться и болтать, порой словно ненароком обливая друг друга водой, так что их одежды намокнув прилипали к телам, подчеркивая их соблазнительные очертания. Кроме того то и дело они словно невзначай ласково дотрагивались до потаенных мест своих гостей. При этом весьма притворно смущаясь.

Наконец грязь и дорожная пыль была смыта, и тут в купальню вошел молодой сурикат и с поклоном сообщил, что все готово для трапезы. Львы покинули купальни, после того как они вышли из воды и отряхнулись, обдав фонтаном брызг и без того уже изрядно мокрых купальщиц, на что те ответили озорными возгласами. Их обернули в широкие куски ткани, закрепив края изящными застёжками, чтобы те не спадали, после этого самочки склонились в поклоне с пожеланием приятного отдыха и выпроводили их из купальни. Пройдя по знакомому переходу, уже весьма освежившиеся львы вошли в общий зал, где их всех усадили за огромный стол, щедро уставленный различными яствами.

Какое-то время все шло прекрасно. Львы после долгой дороги и расслабляющей ванны с наслаждением поглощали пищу и наслаждались долгожданным покоем, неспешно обмениваясь своими впечатлениями о прекрасных купальщицах. А тем временем другие посетители заведения стали постепенно расходиться, так что кроме группы Мио осталось лишь несколько фенеков, сидящих за одним из самых дальних столов. Один из них при этом, похоже, так перебрал хмельного напитка, что уснул, свернувшись прямо на седельной лавке. Но вдруг он заворчался и, не удержавшись, скатился с нее на пол, почти оказавшись под столом. Заворчав, он попытался встать, но в результате умудрился удариться о край стола, отчего на нем перевернулось несколько чаш, разлив содержимое, к немалому неудовольствию тех, кто сидел за столом.

— Эй, поаккуратнее! — прикрикнул на своего незадачливого приятеля один из сидящих. В ответ послышалось неясное бормотание, после чего тот наконец выбрался из-под стола и встал на задние лапы, пошатываясь и держась для равновесия за край стола. Немного постояв, он взял одну из пустых чаш и, вытянув ее слегка перед собой, повысил голос и прокричал:

— Эй, еще сока.

— По-моему, тебе уже хватит. Шел бы ты домой, приятель, — произнес один из проходивших в это время мимо сурикатов, спеша к столу, где сидели почетные гости.

Но похоже, тот не собирался следовать его совету. Вместо этого он повернулся и снова повторил свое требование. Все это время он стоял, опустив голову и только выставив перед собой в трясущейся лапе по-прежнему пустую чашу. Но когда его требование так и не было исполнено, он поднял глаза и, слегка прищурившись, посмотрел по сторонам. Он увидел сидящих за одним из главных столов львов и вдруг его глаза налились кровью. Зарычав, он пошатываясь бросился к ним, зажав пустую чашу в своей лапе, и занес ее над головой, явно собираясь обрушить на кого-то.

— Ах вы подлые воры, это вы... вы убили ее... вы мне за все ответите...

Подбежав к одному из львов, он уже собирался обрушить свое импровизированное оружие на его голову, но тот, вовремя заметив его, ловко увернулся и, схватив нападавшего за одежду, стал удерживать, не давая нанести удар, так что тот лишь беспомощно махал своими лапами, явно уступающими по своей длине вытянутой лапе оппонента. При этом он скорее всего по нечаянности, чем по злему умыслу, выпустил чашу, и та полетела в другого льва, так что тот едва успел отбить летящий в него "снаряд".

— Эй ты, что совсем ума лишился?! Кто-нибудь, заберите его ради всех Древних!

В то же мгновение, словно выйдя из оцепенения, на драчуна навалилось несколько служителей убежища. Но похоже, их сил не хватило, чтобы успокоить разъярённого и сильно перебравшего посетителя. Тот вырвался и снова накинулся на своего врага, запрыгнув ему на спину и вцепившись в шею острыми зубами. Эта выходка лишила того остатков самообладания — он буквально сгреб его своей могучей лапой и, оторвав от себя, отшвырнул с такой силой в сторону, что тот, перелетев через весь зал, ударился о противоположную стену и, свалившись около нее, затих. Между тем лев потер укушенное место и, сев на свое прежнее место, пробурчал что-то неразборчивое.

Тем временем приятели напавшего поспешили к нему и, взвалив его себе на плечи, вынесли прочь. Тут к львам подошел хозяин, на его мордочке читалась досада и растерянность. Он хотел было что-то сказать, но его опередил Мио:

— Прошу прощения за столь недостойный поступок, но ваш гость сам начал ссору.

— О, не беспокойтесь о нем. Это моя вина, надо было этого неудачника сразу же выпроводить, как только он набрался. Но обычно он не доставлял такие неприятности никому. Похоже, постигшее его несчастье лишило бедолагу остатков разума, впрочем, он им никогда и не блистал. Еще раз прошу прощения.

К столу подбежало несколько молодых сурикатов и принесли огромные кувшины. Как только они поставили их на стол, хозяин продолжил говорить:

— Прошу, примите этот сок таулы в качестве моего искреннего извинения и не беспокойтесь о цене — это мой скромный дар, — с этими словами он низко поклонился и, пробормотав слова извинения, сослался на неотложные дела и поспешил прочь, оставив своих гостей наедине с новым угощением.

Напиток и вправду оказался выше всяких похвал по своему неповторимому вкусу. Ни сам Мио, ни его спутники еще никогда в жизни не пробовали ничего подобного. Но вот наконец почти все было съедено, кувшины опустели, и львов стало клонить в сон, что не ускользнуло от внимания хозяина. Он снова подошел к столу и поинтересовался, не желают ли его гости отправиться в приготовленные для них комнаты. Те с готовностью согласились, и вот в сопровождении все тех же служителей они поднялись на второй этаж, где им показали отведенные для них комнаты. Пожелав хороших снов, юные сурикаты удалились.

Распрощавшись до утра со своими спутниками, Мио вошел в свою комнату, и тут его ждал неожиданный сюрприз. Рядом с приготовленным для сна ложем прямо на полу сидела одна из купальщиц, явно ожидавшая его прихода. Увидев юную самочку, Мио слегка усмехнулся, а она между тем, поднявшись, тихо произнесла:

— Не желает ли юный господин немного расслабиться?

Тот в ответ слегка кивнул и, скинув ткань, что все еще была на нем после посещения купален, с готовностью растянулся на ложе. Юная красавица не спеша подошла к изголовью и, поставив на пол небольшую плоскую чашу, в которой горкой был насыпан какой-то

странного вида порошок, над которым поднималась тонкая струйка дыма, наполняя все вокруг слегка сладковатым ароматом, немного схожим с тем, что исходил от воды в купальнях. Немного понаблюдав за дымом, она подошла к краю ложа и, расстегнув на своем плече изящную застежку, позволила легкой одежде соскользнуть к ее лапкам.

В свете нескольких закрепленных под относительно низким потолком в своих клетках огниках Мио смог рассмотреть ее во всех подробностях. Как и полагалось всем капам, оба соска ее высокой груди были проколоты, и в них были вставлены украшения в виде колечек, на которых висели маленькие круглые колокольца. Такие же находились на тонких браслетах, надетых на ее запястья и лодыжки, и при каждом движении своей обладательницы они издавали мелодичный звон. Кроме того, ее соски были окрашены и имели приятный золотистый цвет. Той же краской были покрашены ее короткие коготки.

Медленно она подошла к ложу и оседлала Мио, словно ездового безмолвного, прижав свои согнутые в коленях задние лапки к его торсу, так что ее слегка пухлые колени оказались почти у него под мышками. Затем она стала не спеша массировать его грудь и плечи, нежно разминая каждую мышцу его усталого тела, при этом то и дело наклоняясь вперед так низко, что почти касалась его своими обнаженными грудями. Тем временем он, предвкушая их любовное слияние, лениво поглаживал ее полные бедра и упругие ягодицы, ожидая подходящего момента, чтобы опрокинуть ее на ложе и овладеть. Между тем, несмотря на свое возбуждение от предвкушения слияния с соблазнительной красоткой, он вдруг стал ощущать, как его тело стало наполняться приятным теплом, а веки наливались тяжестью. Похоже, он устал от долгого пути больше чем предполагал.

В какой-то момент он почувствовал, как проваливается в забытье, и сил сопротивляться этому у него не было. Когда же он снова открыл глаза, мир уже был освещен давно начавшим свой путь дневным светиллом. Зевнув и потянувшись, он перевернулся на бок, ожидая увидеть спящую возле него юную купальщицу, но ее не оказалось. То ли она давно уже проснулась и отправилась по своим делам, то ли вообще не стала оставаться после того, как он уснул. Этого он точно не мог сказать, как собственно и того, успел ли он насладиться ее близостью до того, как уснул или все-таки нет. Снова он лег на спину и стал вспоминать события прошедшего вечера, но мысли его были путаными.

«А ведь хозяин точно потребует плату за предоставленные услуги своей капа», — промелькнула у него в голове.

Впрочем, за своих гостей будет платить вожак племени, так что он пусть и разбирается. Еще немного полежав, Мио встал с ложа. Рядом он обнаружил свою аккуратно сложенную броню, которую тщательно вычистили от грязи. Надев ее, он спустился в общий зал, где уже находилось несколько членов его группы и, судя по их слегка озабоченным и даже растерянным мордам, он догадался, что похоже не он один заснул быстрее, чем наслаждался ласками прекрасных гостей.

Пожелав всем доброго пробуждения, он сел за общий стол, где уже было выставлено угощение. По окончании трапезы Мио задумался — до возвращения вожака им нужно было чем-то заняться. И тут он вдруг вспомнил о том неприятном происшествии с перебравшим накануне посетителем убежища. Поднявшись из-за стола, он подошел к одному из сурикатов, стоящим в это время у дальней стены зала и старательно подметавшему пол щеткой, сделанной из довольно жесткого и покрытого мелкими ворсинками усика ползуна.

— Вам что-то нужно, господин? — услужливо произнес он, прервав свое занятие при его приближении.

— Да, хотел спросить про того фенека, что вчера так внезапно напал на нас. Вы не знаете о причинах, почему он так вдруг поступил?

— Он всегда был странноватым, но похоже после того, как пошли прахом его "грандиозные" планы по разведению лазурных ползунов, куда он вложил, насколько мне известно, все свои солнечные камни, он совсем попрощался с остатками своего разума. А ведь его предупреждали, но он всегда все норовил сделать по-своему, и вот результат. Вы уж простите его, добрый господин.

— Лазурных ползунов?

— Да, он купил несколько яиц, но оказалось, что почти все они нежизнеспособны, и только из одного вылупилась самка, на которую он возложил все свои надежды. Он долго растил ее, заботился о ней, больше, чем порой самка заботится о своем первом детеныше, но увы.

— И что же с ней случилось?

— Она вот-вот должна была уже отложить свои первые яйца, но кто-то убил ее и выпотрошил. Как раз накануне вашего прибытия.

— И с чего же он вдруг решил, что именно мы виновны в этом разбое?

— Вот уж это мне точно неведомо. Вы уж простите, но на этот вопрос может дать ответ лишь он сам, если проснувшись вообще сможет вспомнить, что произошло.

Собеседник Мио замолчал и, помедлив немного, снова принялся за свою работу. Между тем юный лев, немного обдумав его слова, решил все-таки до конца выяснить все обстоятельства побудившие несчастного фенека напасть на них. Расспросив у суриката, где того можно найти, он, позвав с собой одного из старших членов своей группы, покинул стены убежища и отправился туда, куда указал служитель убежища.

Вместе они прошли почти через все логово и вот, расспросив несколько попавшихся им по пути его обитателей, они наконец подошли к небольшому, более чем скромному на вид строению, у входа в которое сидел фенек весьма потрепанного вида. Он о чем-то глубоко задумался, так что не сразу обратил внимание на приближающихся к нему львов.

— Эй, уважаемый! — окликнул его Мио, подойдя ему почти вплотную.

Тот вздрогнул и наконец поднял голову. Тут же на его морде появилось выражение страха, он попытался подняться, но похоже, еще не до конца оправился от пережитого накануне. Его лапки тряслись, и он не успел встать, как тут же снова рухнул на камень, на котором до того сидел.

— Что вам нужно? — он попытался придать своему голосу твердость, но тот предательски дрогнул, выдав его сильное волнение. Он то и дело переводил испуганный взгляд с Мио на его спутника и обратно. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Мио и он миролюбиво, чуть понизив голос, произнес:

— Эй, успокойтесь, мы всего лишь хотели кое-что узнать у вас.

Тот несколько мгновений молчал, стараясь успокоиться. Наконец сумев немного совладать с собой, он произнес:

— И что же это?

— Почему вы решили, что именно мы причинили вам вред?

Услышав его слова, он несколько мгновений с удивлением смотрел на Мио, но затем потупился и, отведя в сторону взгляд, проворчал:

— Я видел следы, и они точно принадлежат кому-то из вашего племени.

Спутник Мио недовольно приглушенно зарычал, но тот жестом приказал ему замолчать.

Тот безропотно подчинился, однако продолжая свербеть злобным взглядом фенека.

— Мне хотелось бы увидеть эти следы, можете показать?

Тот окинул львов пристальным взглядом и, поняв, что удрать ему точно не удастся, медленно поднялся со своего места. Сделав знак, приглашающий идти за ним, он медленно побрел прочь. Львы последовали за ним. Вскоре они покинули территорию логова и пошли куда-то прочь от ограды. Удалившись от нее на довольно приличное расстояние, они оказались в открытом поле, где им попадались лишь заросли уже почти совсем высохшей растительности. Пройдя немного по нему, они оказались у небольшой россыпи камней, возле которых на удивление было много довольно сочной растительности, и тут среди камней они увидели останки безмолвного. Фенек подошел к ним и, помедлив мгновение, указал на место рядом с ними. Подойдя ближе, молодой лев и его спутник увидели на земле следы и, похоже, их невольный проводник не ошибся — они действительно походили на те, что оставляли львы, вот только было одно "но". Какое-то время Мио внимательно всматривался в них и даже слегка пригнувшись к земле. Наконец он выпрямился и произнес:

— Что же, это действительно напоминает наши следы, вот только никто из нас не мог их оставить.

Фенек в ответ лишь презрительно фыркнул, однако Мио, пропустив это мимо ушей, продолжил:

— Они слишком маленькие для наших лап. Никто из нас не мог оставить этот след.

Словно демонстрируя это, он поставил свою лапу рядом со следом, будто подкрепляя свои слова, чтобы фенек мог в этом убедиться. Тот на минуту замер, словно на него вдруг снизошло озарение. Видя его замешательство, Мио ободряюще хлопнул его по плечу.

— Однако этот след означает, что тут побывал кто-то другой, и я намерен узнать кто это, а пока, — он запустил лапу в свой кошель, пристегнутый к его широкому поясу, и достал оттуда пригоршню солнечных камней. Затем он взял лапу сбитого с толку фенека и решительно вручил их ему. Тот изумленно переводил взгляд то на него, то на ослепительно сверкающие камни в своей лапе и, похоже от изумления не мог произнести ни слова.

— Это вам за ценные сведения. Постарайтесь распорядиться ими как следует и не вкладывать в слишком рискованное предприятие. Хорошо?

Тот едва заметно кивнул и, с силой прижав камни к своей груди, отвесил Мио глубокий поклон, после чего поспешил прочь, то и дело оборачиваясь, словно опасаясь, что его начнут преследовать, чтобы отнять его неожиданное богатство. Когда он наконец скрылся с глаз, спутник Мио прервал молчание:

— Простите, ваше высочество, за мою дерзость, но незачем так легкомысленно раздавать камни, это...

— Это не сильно-то опустошит мой кошель, дорогой Таул, а вот сведения, которые мы получили от этого бедолаги, куда ценнее, чем то, что я ему дал.

— О чем это вы?!

— Да все о том же. Неужели вы не заметили, что хоть след и не принадлежит кому-то из нас, он точно львиный.

— И что с того?

— А то, что здесь нет дружественных нам племен львов, и то, что кто-то тут решил вот так запросто устроить охоту — дурной знак. Возможно, это разведчик из племени, которое решило оспаривать у моего отца права на эту территорию.

На время его собеседник погрузился в раздумья, и вид его при этом становился все угрюмее. Наконец он прервал затаившиеся молчание:

— Если это так, нам как можно скорее нужно сообщить об этом владыке.

— Да, но сперва нужно все как следует разведать. Чем больше мы сможем собрать сведений, тем лучше.

— И что же вы собрались предпринять?

— Отправимся по следу.

— Но это слишком рискованно.

— Что же, будем держать ухо востро. В любом случае я не могу предъявить отцу всего один след возле убитого безмолвного. Что он, что тем более мой старший брат могут вполне списать это на разбой какого-то бродяги, по каким-то причинам случайно забредшего на нашу территорию, возможно, даже не осознавая этого. Кстати, такой вариант тоже вполне вероятен. В таком случае, если по моей вине будут подняты наши боевые отряды и направлены сюда для поимки одного никчёмного изгоя, мне до последнего моего вдоха придется выслушивать глумливые шуточки Рау.

Немного помедлив, Таул согласно кивнул, не меньше своего юного господина зная о суровом характере владыки и его старшего сына. Придя к такому решению, они оба поспешили назад. Еще до того, как солнечный лик прошел половину своего пути, отряд покинул пределы логова, к немалому огорчению хозяина убежища, явно не желавшему терять оплату за все то время, что они должны были находиться в его заведении.

Отряд двинулся к самым границам, по пути опрашивая всякого, кто им встречался: не видели ли они кого-то из чужаков. Однако единственное, что им порой сообщали владельцы или простые погонщики безмолвных — это появившимся с недавних пор белом призраке. Кто-то слышал о нем от других, а кто-то сам лично его видел. Обычно его встречали в темное время при неверном свете лунного лика и не успевали как следует рассмотреть, отчего его внешность у каждого из рассказчиков была совершенно разной, словно речь шла об абсолютно разных существах... А все потому, что стоило его только кому-то заметить, как он тут же будто растворялся в темноте, и все, что иногда от него оставалось — это едва заметные следы на земле или клочки совершенно белой шерсти, зацепившиеся за какие-то росшие поблизости от тех мест растения. Единственное, в чем были единодушны все очевидцы — это то, что кем бы это существо ни было: бесплотным духом или вполне осязаемым созданием, никого похожего на него в их местах никогда никто не видел. Это еще сильнее наполнило сознание Мио тревогой.

Так придерживаясь направления, в котором то и дело они натыкались на сведения или свидетельства присутствия странного "призрака", они добрались до естественной преграды, находящийся на самой северной границе их территории, так никого и не настигнув, но и не обнаружив хоть каких-то признаков готовящегося нападения со стороны какого-то чужого племени. Похоже тот, кого они преследовали, и впрямь был всего лишь бродягой, по каким-то причинам лишённым места в своем племени. И хоть они так и не смогли настигнуть призрачного чужака, похоже, никакой опасности он не представлял. Конечно, если не брать во внимание того, что порой там, где он появлялся, у местных обитателей пропадали безмолвные, но это была лишь их забота. Сыну владыке племени огненных львов не пристало ловить мелкого разбойника, и все же мысли о нем не покидали его, отчего он так и продолжал вести свой отряд дальше по пути, тщетно ища признаки того, что они вот-вот настигнут чужака. Вот и сейчас, сидя на своем безмолвном, он снова был погружен в

раздумья о неуловимом "призраке", и тут он услышал голос:

— Ваше высочество, грядет огненная буря. Нам нужно как можно скорее найти укрытие.

Мио слегка вздрогнул, очнувшись от глубокой задумчивости, и с непониманием посмотрел на Таула, но тот лишь молча указал куда-то на небосвод над их головами. Посмотрев туда, юный лев наконец понял, о чем идет речь. Там появились огненные сполохи, а само небо приобрело зловещий буро-красный цвет. Ускорив своего твердокрыла, Мио повел отряд к возвышающимся впереди скалам, то и дело приказывая своему безмолвному ускориться и моля всех Древних помочь им вовремя добраться до спасительной тверди. Между тем поднялся ветер, и он был настолько горяч, что каждый его порыв обжигал едва ли меньше, чем прикосновение языков пламени. На львах даже стала подпаливаться шерсть, отчего они все неистовее подгоняли своих безмолвных, и так уже бегущих на пределе своих сил.

Наконец они достигли спасительных скал и стали искать укрытие меж ними. К порывам обжигающего ветра присоединились еще поднятая стихией пыль и мелкий песок, отчего члены отряда уже практически не могли видеть друг друга. Мио довольно быстро потерял с ними связь, и все его мысли были сосредоточены только на том, чтобы укрыться до того, как его изжарит очередной порыв ветра.

Наконец ему удалось найти вход в углубление в скале, в который смог пройти его безмолвный. Вместе они вбежали в спасительную пещеру, где смогли перевести дух. Мио в изнеможении соскользнул со своего места на голове твердокрыла и, рухнув к его лапкам, прижался к спасительной прохладной твердой поверхности каменного пола. Через какое-то время он незаметно уснул и открыл глаза лишь от внезапного грохота. Вскочив, он встревожено прислушался — пол под его лапами странно гудел, а откуда-то издали снова донеслись звуки падающих камней.

«Только этого сейчас и не хватает!» — пронеслась у него в голове мысль, наполняя душу неподдельным ужасом, ведь если вдруг начнет обрушиваться пещера, он не сможет спастись, ибо просто покинуть ее он не сможет из-за все еще продолжающийся за ее пределами бури.

Стало быть, у него будет лишь два пути: погибнуть, сгорев в порывах огненной бури, или быть погребенным в земной тверди. Оба этих варианта даровали ему лишь скорую встречу с Древними. Между тем тряска все продолжалась, его безмолвный тоже чувствовал это и начал со страхом перебирать лапками, ощущая, как и его хозяин, что находится в ловушке. Мио постарался его успокоить, ведь если его твердокрыл начнет паниковать, он в столь маленьком пространстве просто затопчет своего хозяина, сам того не желая.

Через какое-то время толчки утихли, к немалому облегчению юного льва, уже почти полностью уверенному к тому времени, что он вот-вот испустит свой последний вздох. Когда пол под лапами снова превратился в неподвижную твердь, его твердокрыл наконец лег и устало прикрыл глаза полупрозрачными веками. Мио тоже наконец смог перевести дух, он снова сел на пол, привалившись спиной к твердой броне своего безмолвного, и какое-то время он сидел не шевелясь и прислушиваясь к звукам все набирающей силу бури за пределами укрытия. И вдруг до его носа долетел запах, который заставил его встrepенуться. Пахло чей-то кровью. Этот запах был едва уловим, но даже его хватило, чтобы шерсть не его загривке встала дыбом.

Поднявшись, он какое-то время стоял неподвижно, лишь принохиваясь и стараясь

понять, откуда исходит запах. Наконец он понял, что запах идет откуда-то из глубины его укрытия оттуда, откуда еще так недавно доносился грохот падающих камней. Осторожно он шагнул в том направлении, готовый в любой момент столкнуться с опасностью. Шаг за шагом он все глубже погружался в почти крошечный мрак, рассеиваемый лишь иногда встречающимися небольшими трещинами в своде пещеры, через которые то и дело были видны огненные вспышки. К счастью, будучи львом, он обладал превосходным зрением, позволяющим ему прекрасно ориентироваться даже в самой непроглядной темноте.

И вот пройдя вглубь своего укрытия, он вдруг обнаружил какой-то проход. Немного поколебавшись, но все же поддавшись своему любопытству, он шагнул в него. Протиснувшись в узкий лаз, он попал в соседнюю пещеру, свод которой, похоже, частично обвалился, шум от которого он и слышал. Здесь запах крови стал намного явственнее. Он внимательно огляделся по сторонам, благо здесь недавнее разрушение создало довольно внушительного размера дыру в одной из стен пещеры. В неясном свете всполохов он смог разглядеть кучу огромных камней, и там между ними что-то белело. Он попытался рассмотреть странный объект, но не смог, и тогда решил подобраться к нему поближе. Медленно, почти не издавая звуков, словно боясь спугнуть, он стал приближаться к завалу и с каждым своим шагом все явственнее чувствовал запах крови.

Наконец он приблизился к белеющему пятну настолько, что в очередной вспышке, осветившей пещеру, смог разглядеть очертания, явно принадлежавшие кому-то внешне походившему на него самого. Он тихо окликнул незнакомца, но тот никак не отреагировал на его голос. Немного осмелев, Мио уже не таясь подошел к завалу вплотную и смог увидеть того, кто находился меж камней. Мио буквально остолбенел от неожиданности. Меж огромных глыб лежала белая львица, и он узнал ее. Это была та самая самка, что еще несколько полных лунных ликов тому назад сбежала из прайда его старшего брата, и которую он тогда так и не смог вернуть.

Мио снова окликнул ее, но она по-прежнему была неподвижна. Он осторожно стал откидывать в сторону придавившие ее глыбы, вымеряя каждое свое движение так, чтобы отодвинув очередной камень, не обрушить на пленницу прочие глыбы. Наконец он смог вытащить ее. За все это время она так ни разу и не пошевелилась. Осторожно ощупал ее и, судя по движению ее груди, она все-таки была жива. Бережно он поднял ее и отнес подальше от завала. Тут он стал снова ощупывать ее, стараясь понять, насколько та пострадала, ведь запах крови все еще исходил от нее. Вдруг он почувствовал резкую боль в своем запястье. Подняв глаза, он увидел, что юная львица пришла в себя и, недолго думая вцепилась своими острыми зубками в его лапу. При этом она прижала уши и зажмурила глаза, явно ожидая неминуемого удара, но вместо этого Мио лишь тихо произнес:

— Тебе лучше?

Хватка ее зубов стала тут же слабее. Она приоткрыла глаза и с удивлением посмотрела на него.

— Может все-таки позволишь мне тебе помочь?

Помедлив мгновение, она наконец разжала челюсти и отпустила его лапу. После этого она поспешно отползла в сторону и зажалась в угол, прижавшись к шершавой стене пещеры, при этом у нее был такой вид, словно она приготавливалась к смертельной схватке.

— Что ты тут делаешь?

— Полагаю, то же, что и ты — укрываюсь от бури.

— Я не о том, что ты "здесь" делаешь?

— Исполняю приказ своего отца, если уж ты об этом.

— Неужто владыка племени был настолько уязвлен, что послал тебя ловить беглую капу?!

— Что?!

Мио с неподдельным удивлением посмотрел на нее, не сразу поняв, о чем она говорит. Однако когда наконец до него дошел смысл ее слов, он не удержался и презрительно фыркнул:

— Не обольщайся, я всего лишь объезжал границы и наша встреча совершенно случайна. Хотя если бы не она, кое-кто уже предстал бы перед Древними.

Она в ответ лишь отвела в сторону глаза и, помедлив, попыталась подняться, но еле слышно вскрикнув, была вынуждена снова опуститься на пол пещеры. Мио было снова попытался продолжить свой осмотр, но едва он протянул к ней лапы, как она угрожающе зарычала:

— Эй, я всего лишь хочу осмотреть твои раны.

— Обойдусь, — проворчала она сквозь стиснутые то ли от боли, то ли от злости зубы и снова попыталась встать.

На этот раз она была готова к боли и смогла хоть и медленно встать. Сильно прихрамывая на правую лапу, она подошла к провалу в стене, откуда на нее пахнуло порывом невыносимо горячего ветра все еще неослабевающей бури, так что она поневоле отшатнулась прочь. Помедлив мгновение и бросив на наблюдавшего за ее движениями Мио короткий взгляд, она перешла к противоположному краю пещеры и устало опустилась на пол.

Мио тоже опустился на пол, и какое-то время они сохраняли полное безмолвие, лишь молча наблюдая друг за другом. Наконец юный лев почувствовал голод и, не произнося ни слова, поднялся и под пронзительным взглядом молодой львицы вернулся к своему безмолвному. Отстегнув от него одну из походных сумок, он вернулся назад. Там он достал из мешка кусок сушеной лапки гаула и прятнул ее, предлагая строптивой красавице, но она лишь наградила его презрительным взглядом и отвернулась. Мио же просто положил еду рядом с ней, несмотря на ее недовольное ворчание при его приближении. После чего вернулся на свою сторону пещеры и занялся трапезой.

Покончив с едой, он положил мешок себе под голову и растянулся на полу пещеры, прикрыв глаза и собираясь спать. Когда молодая львица услышала его ровное дыхание, она робко потянулась к оставленной им для нее еде. Какое-то время она колебалась, занеся свою лапу над едой, но похоже, голод в конце концов поборол ее гордость, и она с жадностью съела ее, не оставив ни единой крошки.

Так потянулось время их невольного совместного заключения в плену у беснующейся за стенами их совместного укрытия бури. Какое-то время они провели молча, но вот Мио снова предпринял попытку заговорить с ней.

— Итак, ты знаешь, почему я тут? Может, теперь сама расскажешь, как тут оказалась?

Она упрямо промолчала. Не дождавшись ответа Мио, ни на что не рассчитывая, задал новый вопрос:

— Ну ладно, не хочешь говорить, не надо, но хотя бы имя-то ты свое можешь сказать или это тоже страшная тайна?

И снова тишина была ему ответом, но вот когда он уже решил, что ответа он так и не услышит и отвернулся в сторону, она тихо произнесла:

— Лика, а оказалась я здесь, потому что хотела вернуться в свое родное логово.

— В твое логово?!

— Представь себе, даже у меня оно есть, ну или по крайней мере было.

Окончание фразы она произнесла с каким-то сомнением и понизила голос почти до шепота:

— И где же оно?

— За этими скалами.

Мио удивленно посмотрел на нее. Он ни разу не слышал о племени львов, граничащих с их территорией. Однако он так ничего и не сказал, между тем буря стала стихать, и вот появились первые робкие лучи солнечного лика, осветившего своим сиянием земную твердь. Вместе они смогли покинуть свое совместное убежище и осмотреться. Все вокруг еще дышало сильным жаром, от земли шел едва заметный дым, пейзаж вокруг приобрел унылый пепельный цвет. Все, что могло сгореть в дыхании бури, превратилось в прах. Глядя вокруг, было почти невозможно представить, что совсем недавно здесь было что-то живое. Главное, что как только ветра уйдут, этот край снова наполнится жизнью, полностью возродившись. Однако долго размышлять об этом не было времени, нужно спешить, пока снова не разразилась новая буря.

Мио посмотрел на свою спутницу. Поймав на себе его задумчивый взгляд, она недовольно нахмурилась.

— Что такое?

Ее голос звучал грубо, но за время, что они провели вместе, кажется, Мио уже привык к этому.

— Как далеко находится твое родное логово?

Лика вдруг неожиданно смутилась, словно ожидала другого вопроса и, посмотрев в сторону, произнесла:

— Недалеко, наверное.

— Наверное?!

— Это зависит от того, на чем туда добираться, неужели не ясно?! — произнесла она раздраженно, словно сердясь на недогадливость юного льва.

Прихрамывая, она отошла чуть в сторону и снова стала вглядываться куда-то вдаль. Между тем Мио старался решить, что ему теперь делать. Его первостепенный долг — воссоединиться со своим отрядом и как можно скорее вернуться в свое логово, но при этом он всей душой хотел помочь такой невыносимо строптивой, но при этом казавшейся ему такой беззащитной львице. Тяжело вздохнув, он вывел своего безмолвного и подвел его к Лике.

— Садись, поедem в твое логово.

— Что?!

— У тебя вдруг стало плохо со слухом, — ехидно произнес он, пародируя ее стиль речи.

Она недовольно фыркнула и отвернулась, явно намереваясь уйти прочь, но Мио не собирався так просто отступить. Схватив ее, он буквально принудил ее взобраться на голову своего твердокрыла.

— Эй, ты чего задумал? Отпусти меня немедленно!

Она попыталась вырваться и даже слегка поцарапала его при этом, но он, не обращая на это внимание, сел с ней рядом. Словно ни в чем не бывало он произнес:

— Показывай дорогу.

Тут молодая бунтарка вдруг затихла и, помедлив несколько мгновений, молча указала куда-то на скалы. Мио направил туда своего безмолвного. Какое-то время они ехали молча, объезжая череду неприступных возвышений, конца которым не было видно. Мио уже думал, что им придётся обойти их кругом, но тут они словно раздвинулись, и показалась узкая тропа.

— Туда, — сухо произнесла его спутница.

Мио молча направил своего твердокрыла туда. Вскоре они углубились в скалы, и насколько мог судить юный лев, дорога вела их все время куда-то вверх. Они ехали молча, то проезжая мимо каких-то низменностей, заполненных туманом, искрящимся под лучами солнечного лика, словно это были какие-то водоемы родом из обители Древних, то по воле тропы погружаясь в прохладный полумрак под причудливыми каменными арками. То и дело они встречали на пути развилки и повороты. Лика каждый раз указывала путь, но со временем Мио стал замечать, что делала она все более и более неуверенно, и его сомнения несколько раз подтвердились. Следуя ее указаниям, они попадали то в тупик, натываясь на отвесную стену из скал, то вдруг едва не сорвались в пропасть, вдруг возникшую перед ними после очередного крутого поворота.

— Ты точно знаешь куда нам нужно?

— Слушай, я тут не была многие полные лунные лики, — парировала она сердито на его недовольное замечание.

Стараясь не доводить до очередной ссоры, Мио лишь сердито погонял своего безмолвного. Но вот наконец перед ними возникла очередная развилка, и тут он остановил своего усталого твердокрыла.

— Ну и куда теперь?

Он услышал ее растерянный шепот:

— Я не знаю.

Мио оглянулся на свою спутницу и увидел, что она сидит совершенно растерянная, испуганно прижав уши.

— Что, совсем никаких воспоминаний?

Она лишь покачала головой. Мио устало вздохнул. Им, похоже, оставалось только одно — исследовать оба пути в поисках верного, но это означало потерю драгоценного времени, ведь они и так потратили на путь почти пять солнцеходов. Он отпустил усики твердокрыла и крепко задумался, решая, по какому же пути им двинуться. Неожиданного за них выбор сделал их безмолвный, к слову сказать, все это время обходившийся без пищи, и это не учитывая того времени, что он так же не ел во время, пока они укрывались от бури. Он двинулся вперед, все ускоряя свой бег.

— Эй, что происходит? Может, все-таки остановишь его?

— Незачем, мы все равно не знаем, куда нам точно идти, а он что-то явно учуял.

И Мио не ошибся — вскоре их безмолвный буквально выскочил на открытую местность. Это было залитое солнечными лучами плато, и на нем, насколько хватало глаз, росла сочная растительность, которую, похоже, их оголодавший твердокрыл и почуял. Он с жадностью набросился на еду. Мио спустился с его головы.

— Все, пора сделать привал. Пока он не насытится, он никуда больше не пойдет, уж я его знаю.

Его спутница молча последовала его примеру. Поднявшись на небольшое возвышение, из поросших низкой растительностью камней она неожиданно приглушенно вскрикнула,

прижав свои лапки ко рту. Это ни на шутку встревожило разминавшего в это время затекшие лапы Мио.

— Что случилось?

Он поспешил к ней и когда поднялся на возвышение, встав рядом с ней, его взору предстала картина, которую он точно не ожидал увидеть. Чуть поодаль от того места, где они находились, он увидел развалины, частично поросшие разными растениями. Он вопросительно посмотрел на свою спутницу и увидел в ее глазах слезы. Не успел он что-то сказать, как она сдавленно, словно что-то мешало ей говорить произнесла:

— Значит, это была правда.

Она сошла с возвышения и медленно, словно находясь в каком-то трансе, побрела к развалинам. Подойдя к ним, она стала медленно обходить их, а Мио следовал за ней, смутно начав догадываться, что так поразило его спутницу. Хоть эти развалины не были похожи на логово, но они напоминали ему святилище Древних. В таких одиноких сооружениях, в основном возведенных вдали от основных территорий различных племен, там, где по преданиям находились места силы Древних, обитали те, кто решил посвятить свою жизнь служению воли создателей всего сущего. Их почитали во всех племенах без исключения и причинить вред такой святыне было равносильно, словно поднять оружие на самих Древних, и никто, насколько было известно Мио, никогда не решался на такое. все же он видел руины.

Между тем его спутница наконец остановилась перед каким-то странным возвышением посреди руин и, сложив в молитвенном жесте свои лапы, закрыла глаза и замерла. Мио стоял чуть поодаль и не смел нарушить ее разговор с Древними. Наконец, юная львица снова открыла глаза и, низко склонив голову, побрела прочь. Мио все так же, словно бесплотная тень, следовал за ней. Тем временем она поднялась на еще одно возвышение и, обхватив себя лапами, словно стараясь согреться, замерла, глядя куда-то вдаль. Помедлив немного, ее спутник решил прервать затянувшееся молчание:

— Как я понимаю, это и есть то место, где ты жила раньше?

Она молча кивнула.

— И что же тут произошло? Кто-то напал на святыню?

Тут она наконец прервала молчание и глухо произнесла:

— Я мало что могу вспомнить, лишь какие-то обрывки, порой скорее это фрагменты каких-то снов или, вернее сказать, ночных кошмаров. Ничего конкретно, там лишь какой-то гул, и множество, как я понимаю, знакомых мне существ из разных племен, живших вместе со мной. Мы куда-то бежали, но я понятия не имею, куда и почему.

Она снова замолчала. Мио какое-то время стоял рядом, но в конце концов решил, что его спутнице лучше побыть немного одной. Он вернулся к своему наконец-то к тому времени насытившемуся твердокрылу. Теперь он дремал, блаженно улегшись на заметно округлившееся брюшко, подобрал под себя лапки, явно готовясь ко сну. Впрочем, солнечный лик уже почти достиг конца своего пути, им и самим нужно было подумать о сне. Он сел рядом с безмолвным и прикрыл глаза, но мысли о трагедии, когда-то разразившейся здесь, не давали ему расслабиться. Вскоре, когда стали сгущаться сумерки, наконец пришла Лика. Она все так же молча села на небольшой камень недалеко от него и все так же стала молча вглядываться в темноту.

Немного помедлив, Мио решил заговорить с ней:

— И что теперь ты будешь делать?

— Останусь здесь, что еще? Как бы там ни было, именно здесь мое логово.

— Ну это вряд ли. Насколько мне известно, служители сюда приходили из других племен, значит где-то есть и твое родное племя, где ты была до того, как попала сюда.

— Может и так, но я понятия не имею, где оно. Об этом-то месте едва смогла вспомнить спустя немало времени, а уж все остальное для меня покрыто сплошным мраком.

— Но в любом случае ты не можешь тут остаться совсем одна.

— И что же ты предлагаешь? Вернуться в прайд твоего брата и стать его капой?

В ее голосе звучала горькая усмешка. Мио немного помолчал, но потом решительно продолжил:

— Ты можешь стать моей самкой.

От его слов она вдруг резко повернулась и их глаза встретились. В ее взгляде читалось недоверие, словно она не верила своим собственным ушам.

— Твоей самкой? Я? Вот так, не имея даже своего племени?

— Да, именно вот так. В конце концов, где-то же оно существует, твое племя.

Она поднялась с камня и, сделав несколько шагов, подошла к нему. Глядя на него сверху вниз, она с нотками усмешки произнесла:

— И какой же по счету самкой вы намерены меня сделать, ваше высочество?

Она впервые обратилась к нему вот так. Он тоже поднялся и, приблизившись к ней вплотную, произнес:

— Ну-у-у, надо подумать. И сколько же у меня самок?..

Он притворно нахмурил брови, словно вспоминая что-то, но в конце концов, озорно щелкнув языком, произнес:

— Да, пожалуй, что моей первой самкой.

Он коснулся ее плеча и чуть наклонился, намереваясь впервые потереться своим носом о ее, но она не позволила — резко отвернулась и пошла куда-то прочь в сгущающийся мрак. Мио смотрел ей вслед, не зная, как ему лучше поступить: следовать за ней или все же дать ей время. В конце концов, он снова лег рядом с уже заснувшим твердокрылом, и стал ждать, чувствуя в душе сомнения — не поторопился ли он. Может, стоило повременить и дать Лики хоть немного оправиться от увиденного. Однако сожалеть было уже поздно, да и времени у них, на самом деле, было не так много.

Незаметно он стал погружаться в дремоту и вдруг услышал легкие шаги, а спустя пару мгновений почувствовал, как рядом с ним легли. Его сердце вдруг забило — еще ни разу его спутница не ложилась рядом с ним. Все время, что они вынуждены были останавливаться на отдых, она держалась от него на расстоянии. И вдруг он услышал сдавленные рыдания. Не в силах больше бездействовать, он повернулся и прижал плачущую Лиду к себе. Мио ожидал, что она как обычно оттолкнет его, укусив при этом или поцарапав, но к его немалому удивлению, она прижалась к нему всем телом, продолжая плакать. Он крепко обнял ее и стал тихо мурлыкать, словно успокаивая маленького котенка, точно так же, как делали его мать и кормилица, если он сам, будучи еще детенышем, был расстроен. Вскоре юная львица затихла, и он услышал ее ровное дыхание. Почти до самого появления солнечного лика он провел без сна, все глядя на спящую и гадая, примет ли она его предложение или, проснувшись, снова станет неприступной, как здешние скалы.

С наступлением нового солнцехода он стал собираться в дорогу. Разделил скоромную трапезу со своей спутницей, так и не проронившей ни единого слова с самого пробуждения, после чего приказал своему безмолвному подняться. Тот с явной неохотой подчинился, и Мио занял свое привычное место на его голове. Не успел он это сделать, как Лика все так же

молча села позади него и крепко обняла. И это было красноречивее любых слов — она приняла его. Мил мысленно ликовал, его сердце наполнилось такой радостью, что он едва сдержался от того, чтобы не издать радостного крика. Хотя вместе с тем он понимал, что возможно, Лика была вынуждена сделать это поневоле, под давлением обстоятельств. Все же он пообещал самому себе, что непременно сделает все, что только в его силах, чтобы она никогда не пожалела об этом решении.

Так они начали свой спуск, и на этот раз он показался юному льву куда как легче, чем путь вверх. Спустя несколько солнцеходов, они покинули скалы и отправились к логову фенеков. Когда они его наконец достигли, к немалому своему облегчению, Мио застал там свой отряд.

— Слава всем Древним! Я уже думал, что мне придется принести вашему отцу скорбную весть! — произнес Таул при виде своего юного господина.

Мио же в ответ на его расспросы сказал, что отстал из-за того, что во время бури часть его временного укрытия вдруг обрушилась, якобы завалив вход, и ему пришлось искать другой, когда стихия наконец утихла. После чего он оказался по другую сторону скал и ему пришлось искать обходной путь, а уже после этого пускаться вдогонку за отрядом.

— Хорошо хоть не пришлось гнаться за вами до самого логова.

О своей внезапной спутнице он поведал лишь то, что встретил ее в скалах, и она помогла ему найти путь. О своем посещении разрушенного святилища он не стал рассказывать, посчитав это излишним, как и то, что скорее всего именно она и была тем самым "белым призраком". И если Таул и остальные члены его отряда догадались об этом, они предпочли промолчать, особенно учитывая то, что их юный господин объявил юную львицу своей самкой.

Поведав в логове фенеков еще несколько солнцеходов и наконец встретившись с владыкой племени, от которого Мио выслушал о положении дел, и среди прочего тот сообщил, что на их территории стала уходить вода, после того как земная твердь во многих местах сместилась со своего места и его опасения о том, что им придется покинуть эти места, если так и не удастся найти новые источники здесь.

Эта весть опечалила Мио, ведь племя фенеков поставляло им самых лучших безмолвных, но он отлично понимал, что иного выхода у тех нет. В конце концов, распрощавшись со всеми, они отправили дальше. Прошло еще немало времени, когда они достигли пределов их логова, которое покинули почти три полных лика тому назад. Войдя в ворота, они подъехали к обители владыки. Тут Мио провел спутницу в свою часть прайда, где его уже с нетерпением ждали обитательницы. Обняв мать и кормилицу, он представил им свою спутницу, после чего велел собраться всем своим капа.

Когда его приказ был исполнен, он, обведя всех пристальным взглядом, представил им Лиду и сообщил, что она отныне станет его старшей самкой. Его мать с радостью приняла эту новость — ее уже давно беспокоило отсутствие самки у ее старшего сына, но вот в глазах его капа он увидел печаль, ведь отныне это означало, что свое любовное ложе он будет делить лишь с ней одной, а ее место они смогут занять, только когда она будет вынашивать его детенышей.

Впрочем, каждая из них знала, что рано или поздно это должно было произойти. Оставив ее на попечении своих капа и велел им как следует позаботиться об их новой госпоже, он отправился к своему отцу, чтобы доложить о выполнении возложенной на него миссии. Но сперва он встретил Рау — он стоял на одной из смотровых площадок и что-то

угрюмо рассматривал на разложенной перед ним карте.

— Эй, она теперь моя! — произнес он едва увидел брата.

Тот обернулся и наградил его тяжелым взглядом:

— Что?

— О только не говори, что позабыл о той милой беглянке и о своих словах. Я нашел ее и вернул, теперь она моя.

В ответ его брат глухо зарычал.

— Нашел время, у нас тут битва предстоит, а он гоняется за самками.

Сердце Мио тревожно екнуло:

— Битва, какая еще битва, с кем?

Он подошел к брату и посмотрел на разложенную перед ним карту. Там он увидел расставленные на ней специальные камешки, обозначающие расположение их боевых отрядов и врагов.

— Химеры, их отряд движется сюда.

— И всего-то, да мы без труда уничтожим этот сброд!

Но Рау не разделял его оптимизма и, лишь сомнением фыркнув, наградил младшего брата слегка презрительным взглядом, словно еще не повзрослевшего детеныша.

Падение

Мио снова и снова вспоминал свою перепалку с братом, отчего едва сдерживал рык, рвущийся, казалось, из самых глубин его души. Прошло уже семь полных лунных ликов с тех пор, как началось их противостояние с химерами. Впрочем, противостоянием это трудно было назвать, ибо те просто мастерски избегали открытого боя, предпочитая действовать крайне скрытно, нападая из теней, куда снова скрывались, став неуязвимыми, словно призраки. При этом почти всегда забирая с собой немало из числа живущих на территории племен, а потому находящихся под защитой самого главы огненных львов, чем наносили всем представителям правящего рода непоправимый ущерб их авторитету, ставя под сомнение способность позаботиться о тех, кто находился под их покровительством.

Но главное они нападали на торговые караваны, лишая их логово источника, за счет которого они все это время процветали, ведь они находились на одном из самых главных торговых путей, соединяющего восточные и западные земли. Предоставлял торговцам как место для отдыха на длинном и не самом легком пути, так и со временем стал одним из центров, где те могли торговать, щедро платя дань за это владыке логова. И если теперь торговцы будут вынуждены проложить иной путь в обход логова, это неминуемо приведет к упадку.

Мио отлично это осознавал и без устали искал химер, не давая сна и отдыха ни себе, ни своему отряду. Однако каждый раз, когда они находили врага и сообщали об этом повелителю, к тому времени, когда туда прибывали боевые отряды, они обнаруживали там лишь покинутую стоянку. Из-за этого все возрастало недовольство его отца, а старший брат и вовсе стал обвинять в несостоятельности его как вожака отряда охотников, теперь ставших следопытами, на плечи которых и легла ответственность по обнаружению врага. Сегодня и вовсе едва ли не в открытую старший брат высказал сомнения в его охотничьих навыках. Снова и снова в голове Мио звучали его слова полные насмешки:

— И снова все, что мы там нашли, это остывшие следы чьего-то пребывания.

— Чьего-то?!

— Вот именно. Нет уверенности даже в том, что там были именно химеры. Возможно, это был привал обычных погонщиков.

— По-твоему выходит, что я не в состоянии отличить погонщика от химеры, так?

Мио почувствовал, как ему в голову ударила горячая волна негодования, так что он был на грани того, чтобы наброситься на Рау, а тот лишь холодно произнес:

— Не было ни единого признака, что там были именно те, за кем идет охота. Я вообще скоро буду думать, что мы просто гоняемся за собственным хвостом, пока враг продолжает разрушать наше логово.

— Может тогда кому-то стоит научиться шевелить лапами скорее, чтобы враг не успевал уйти, пока вы туда дотащитесь?

— А возможно кому-то стоит проверить свои глаза и нюх? Похоже, они оказались не на высоте.

— Да ты...

Юный лев непременно накинулся бы на брата, но в их перепалку вмешался глава племени, все это время молча наблюдая за обеими своими сыновьями с весьма угрюмым видом.

— Хватит! — буквально рывкнул он, так что его голос раскатом эха прокатился по залу совета, заставив поежиться несколько слуг, находящихся там.

— Вы уже не котята и ваши детские перепалки не принесут никому пользы. Лучше направьте ваш темперамент на уничтожение врага, пока он не уничтожил нас, используя ваши детские разногласия.

Оба спорщика разом смолкли, потупив взор и стыдливо опустив головы.

— Прости.

Глава племени чуть смягчился.

— Ступайте и в следующий раз я жду от вас не обвинений друг друга, а конкретного результат.

— Да.

Оба молодых льва покорно склонились в поклоне и покинули зал, стараясь не смотреть друг на друга. Молча они разошлись в разные стороны. Мио отправился к выходу из прайда, где у стоил твердокрылов его уже должен был ждать отряд, чтобы отправиться на очередной поиск места нахождения химер.

Надевая свою походную броню, он старался усмирить свой гнев и сосредоточиться на предстоящей вылазке, силясь понять, где еще могли укрыться химеры, и где они еще их не искали. И тут он услышал едва слышный тихий голос, зовущий его по имени. Обернувшись, он увидел львенка, своего младшего брата, родившегося у его матери почти перед тем, как он сам получил имя и покинул ее покои, получив собственное место в прайде. Какое-то время они жили вместе и Мио опекал его. Ведь тот родился на редкость слабым и потому порой не в силах был отстоять свое среди остальных львят. С тех пор тот немного окреп, но все же так и оставался самым слабым и потому порой прибегавшим к старшему брату за помощью и защитой.

— Что случилось, тебе опять не удалось поесть?

Вид львенка, как-то испуганно прижимающего ушки и в целом имевшего несчастный вид, успокоил Мио и разом вытеснил из его души наполнивший его после стычки с Рау гнев. Он присел на корточки и жестом подозвал котенка к себе, тот чуть помедлив подошел и снова замер, нервно подергивая своими усиками.

— Если ты голоден — иди к Лике. Уверен, у нее найдется пару лакомых кусочков и ты сможешь побыть с ней, пока задиры про тебя не забудут.

Львенок молча покачал головой.

— Дело не в этом.

— А в чем тогда?

Тот подошел к нему вплотную и, наклонившись к его уху, тихо прошептал:

— Я знаю, почему никак не могут найти химер.

Мио с непониманием посмотрел на него, в глазах читалось недоумение, а на морде появилось слегка сердитое выражение.

— Слушай, малыш, тебе не стоит так шутить.

— Но...

Тут за их спинами раздался недовольный голос Рау:

— Я смотрю, кто-то нешибко-то торопится исполнить свой долг.

Маленький львенок сильно вздрогнул и сделал несколько поспешных шагов в сторону, испуганно глядя на Рау. Тот заметив его, сердито произнес:

— Вернись в прайд, тебе здесь не место.

Тот покорно прижал уши и, поджав хвост, почти бегом скрылся с глаз, явно не желая попасть под горячую лапу старшего брата.

— Что, больше не на ком сорвать злость? — раздражённо произнес Мио, чувствуя как его снова стал наполнять безграничный гнев.

— Ну, возможно, у меня появится кто-то более достойный, если кое-кто тут наконец перестанет возиться с малышней и займется взрослыми делами.

Мио злобно сжал кулаки и глухо зарычал, но тут раздался голос вошедшего в этот момент слуги:

— Ваше высочество, ваш безмолвный готов.

Мио на мгновение закрыл глаза и, сделав глубокий вдох, молча прошел мимо брата и вышел прочь. Оказавшись за пределами стен прайда, он поспешил к своему отряду, вскоре все они уже покинули пределы логова и снова отправились на свои казавшимися бесконечными поиски.

Но снова их ждала неудача — проведя на своих безмолвных весь солнцеход, они так и не обнаружили ни единого признака присутствия химер. Все, кого они расспрашивали о них по пути, лишь растерянно разводили лапами. Казалось, они спрашивали о явлении Древних, а не о тех, кто разорял караваны и убивал местных обитателей, ни одного свидетеля хоть мельком видевшего этих исчадий. Наконец, когда на небосклоне уже сиял лунный лик, они направили своих твердокрылов назад. Мио ехал позади всех — у него на душе лежал тяжелый камень, каждый шаг его усталого твердокрыла отдавался в нем всплеском жгучего желания остаться за пределами логова. Это для него было куда проще, чем снова встретиться с отцом, которому вновь придется доложить о своей очередной неудаче, но все же тяжелее было снова выслушать издевки старшего брата.

Но выбора у него не было и он молча выдержав угрюмый взгляд главы племени и так же, не проронив ни слова, выслушав упреки брата. Затем он наконец вернулся в свои покои. Тяжело опустившись на край ложа, он устало уронил голову на грудь, стараясь понять, что он сделал не так, что упустил в своих поисках, но ответ ускользал от него, словно юркий песчаник. И тут он услышал легкие, едва различимые шаги, а до его носа донесся знакомый запах. Через мгновение на его плечи легли такие знакомые лапки и стали нежно разминать его затекшие плечи. Он устало вздохнул и наконец поднял голову. Возле него стояла Лика — его главная и пока что единственная самка.

— Снова ничего? — тихо прошептала она, все так же ласково продолжая гладить его голову и перебирая гриву. В ответ Мио лишь снова устало вздохнул и привлек ее к себе, прижавшись щекой к ее большому животу. Лика ждала появления их первенца, и он почувствовал, как их малыш зашевелился в ее утробе. Он ласково лизнул ее живот, отчего она тихо засмеялась. И вдруг до его слуха донесся далекий приглушенный крик. Мио встрепнулся и прислушался.

— Что такое? — произнесла молодая львица, с тревогой глядя на него.

— Кто-то кричал.

— Кричал?!

Она тоже прислушалась, чутко поводя ушами, но похоже ничего не услышала. Между тем Мио снова услышал приглушенный крик, и он показался ему очень знакомым. Ничего не говоря, он осторожно отстранил Ликку и выскользнул из комнаты, после чего замер на мгновение в коридоре и стал прислушиваться. Спустя несколько мгновений он услышал сдавленный крик. Не мешкая, он бросился на крик, доносившийся, как ему показалось,

откуда-то из внутренних покоев прайда. Миновав несколько поворотов, он оказался в одном из тупиков и тут едва не налетел на Рау. Тот над чем-то склонился, и когда Мио смог рассмотреть то, что привлекло внимание его брата, он буквально оцепенел от ужаса.

На полу лежало растерзанное тело его младшего брата, того самого, который приходил к нему сегодня утром. Медленно, словно преодолевая какую-то невероятно вязкую субстанцию, в которую вдруг превратился мир вокруг него, он опустился на колени перед неподвижным котенком и медленно прикоснулся к нему, чуть толкнув, словно хотел разбудить. Он повторял эти попытки снова и снова, но все было напрасно — жизнь покинула тело маленького льва, так и не успевшего стать взрослым и получить имя. Отныне он был обречен на вечные скитания по миру Древних, и никто из них не мог призвать его, ибо отныне он навек остался безымянным, а стало быть потерянным. Наконец Мио оставил свои попытки пробудить своего брата и глухо произнес:

— Как?

Произнести еще хоть что-то ему не позволил внезапно подкативший к горлу тугой комок, между тем он услышал голос Рау:

— Детеныш теота, он напал на него и загрыз. У него не было ни шанса, слишком слаб, — с этими словами он бросил на пол мертвое тело одного из самых смертоносных представителей безмолвных.

Существо было проткнуто насквозь, а сам молодой лев, оттерев кровь со своего клинка, убрал его в ножны. Мио растерянно смотрел на безмолвного. Он хоть и был относительно не велик в своих размерах в сравнении с остальными своими собратьями, но обладал невероятно сильным гибким телом и при нападении обвивался вокруг своей жертвы, впиваясь в ее плоть множеством крючковатых шипов, которыми было усеяно все его тело без исключения. Так что сбросить его с себя для его жертв было практически невыполнимой задачей. Дальше вход шла его огромная пасть с выдвжными мощными челюстями, снабжёнными невероятно твердыми и острыми пластинами, перед которыми не мог устоять почти ни один панцирь, что уж тут было говорить о теле беззащитного детеныша — у него просто не было ни единого шанса:

— Но как он сюда мог попасть, они же водятся далеко от нашего логова?!

— Кто его знает, теперь это не имеет значения.

В голосе молодого льва звучало безразличие, словно речь шла о каком-то пустяке. Это безразличие больно полоснуло Мио по сердцу. Буквально вскочив, он яростно прорычал:

— Он же был нашим братом!

— И что с того? Слабые рано или поздно погибают, таков закон Древних. Может, если бы ты не опекал его так, он стал бы сильнее и смог бы побороться за свою жизнь.

Эти слова словно пламя обожгли Мио, так что на миг у него даже перехватило дыхание. Между тем Рау, наградив его тяжелым взглядом, ушел, оставив Мио одного.

Таул сидел в опустевшем зале советов, погруженный в тягостные мысли. Это был могучий лев, никогда не имевший себе равных среди своего племени по силе и потому по праву занявший место прежнего вожака племени огненных львов востока. Но время брало свое, и в его огненно-рыжей гриве уже появилась седина — предвестник окончания срока, отпущенного ему Древними. Хотя до момента, когда кто-то из его племени бросит ему вызов, было еще далеко.

Сейчас его беспокоила иная опасность — их племя столкнулось с сильным и коварным врагом. Таул никак не мог понять, как те умудряются скрываться от его охотников особенно под предводительством Мио, одного из его старших сыновей, давно на деле завоевавшем себе славу непревзойдённого охотника, от которого, казалось, не мог скрыться даже призрак. И тем не менее раз за разом вот уже столько времени ему не удавалось вывести на след врага их воинов. Таул просто терялся в догадках почему так происходит.

И вдруг он услышал едва уловимые шаги. Подняв голову, он увидел склонившегося перед ним в почтительном поклоне своего главного советника, господина Лана.

Это был высокий и очень поджарый лев, родом из одного из далеких племен, по крайней мере он всегда так говорил, когда заходила речь о его родном племени. У него был необычный серый окрас шерсти, с темными едва заметными пятнами по всему телу, что было совсем не характерно для львов. Ходили слухи, что он родился от запретного союза, когда его родители принадлежали к разным племенам, коим было запрещено кровосмешение. Но сам он всегда решительно пресекал подобные высказывания, уверяя, что все представители его племени имеют такой окрас, дарованный им при сотворении самими Древними.

Подтвердить этот факт или опровергнуть никто не мог, так как представители этого племени жили обособленно где-то далеко в горах, и потому никто никогда их не видел. Сам же главный советник оказался в логове огненных львов, случайно забредя в него с одним из караванов и оставшись в нем, а вскоре благодаря своему острому уму и немалой доли изворотливости завоевал расположение одного из претендентов на место вожака. Когда он им стал, занял эту должность, и даже после того как вожак сменился, он умудрился остаться на прежнем месте и продолжить службу при новом господине.

— Что случилось?

— О, простите мне мою дерзость, ваше величество, но я хотел бы сообщить вам, как мне кажется, очень важные новости. Они немало тревожат меня, мой повелитель.

— Что, снова напали химеры, разорили очередной караван? Похоже, это уже стало совсем не новостью, достопочтимый Лан.

— К сожалению, да, ваше величество. Боюсь, дело не только в этом.

— А в чем же тогда?

— Дело в том, что недавно в логово прибыло несколько путников, которые стали утверждать, что они единственные, кто выжил из каравана, на который, как вы уже изволили предположить, напали химеры. Они не только забрали все ценное, но и захватили пленных. Среди них были и эти двое. Они утверждают, что пробыли в плену какое-то время и за это время... — тут он осекся и замолчал, словно не решаясь что-то произнести вслух.

Таул нетерпеливо произнес:

— И что же там произошло? Говорите уже, не томите.

— Простите меня, ваше величество, но прежде чем продолжить, позвольте мне задать вам один вопрос.

— И какой же?

— Вам не кажется странным, что вот уже столько времени, несмотря на все усилия, нам так и не удалось не только уничтожить химер, но даже просто обнаружить их месторасположение? Не кажется ли вам чрезвычайно подозрительным, что они с такой легкостью ускользают от лучших охотников нашего племени?

Таул слегка раздраженно хмыкнул.

— Читаете мои мысли, господин Лан. Я и сам немало солнцеходов провел в размышлении над этой загадкой, но похоже, мне не дано найти ответа. А почему вы, собственно, спрашиваете?

— Потому что поневоле появляется предположение, что кто-то им помогает в этом.

— Предатель, — почти прорычал Таул, нахмутив брови и чувствуя, как его душу стал наполнять гнев. Вот уже столько времени он и сам гнал от себя эти предположения, но похоже, теперь после того, как его советник произнес это вслух, сомневаться в том, что среди его племени появились предатели, уже не представлялось возможным.

— Вы как всегда невероятно прозорливы, ваше величество. Именно, что предатель. И именно эти два путника, оказавшись здесь, стали утверждать, что пока были в плену, они видели, как к химерам приходил какой-то лев.

Эти слова, словно невидимый удар, буквально подбросили Таула, заставив вскочить со своего места. После чего он стал нервно мерить шагами пространство между своим местом и ближайшей колонной, поддерживающей свод зала.

— Лев, они уверены в этом, это точно?

— По крайней мере, так они утверждают. Хуже того, эти слухи стали распространяться среди обитателей логова. Если вами не будет что-то предпринято, может подняться большое недовольство, и я опасаюсь вспышек неповиновения.

На какое-то время в зале повисла тягостная тишина, нарушаемая только звуком шагов вожака племени. Наконец он остановился и задумчиво произнес:

— Лев, но кто? Как вычислить предателя? Любой из племени может им оказаться.

Тут он снова обратился к своему советнику, все это время молча наблюдавшим за своим повелителем:

— Вот что, приведите их ко мне. Я хочу лично расспросить их.

— Да, ваше величество.

Тут он подошел к стоящим у дверей стражам и коротко что-то произнес, обращаясь к одному из них. Таул продолжал нервно ходить по залу, явно не находя себе места и в бессильной злобе сжимая кулаки. Но вот наконец дверь залы распахнулась, и в него вошло двое. Они были закутаны в серые плащи, так что в неверном свете факелов, освещающих зал совета, их было невозможно разглядеть как следует. Тут Таул наконец занял свое прежнее место и окинул их пристальным взглядом. Между тем незнакомцы склонились в почтительном поклоне. Не теряя время на приветствия, глава племени задал свой первый вопрос:

— Итак, вы утверждаете, что побывали в плену у химер и смогли оттуда вырваться. Каким же это образом? Ведь, насколько мне известно, они никогда никого не оставляют в живых.

Его вопрос явно застал пришедших врасплох. Похоже, они совсем не о таком собирались говорить с правителем. Даже стоящий чуть в стороне от вожака советник явно смутился, и на его морде появилось едва уловимое выражение тревоги. Но вот один из чужаков заговорил:

— Да все просто, ваше величество, мы ведь торговцы, пусть теперь лишившись всего, на них мало походим. Мы просто подкупили нескольких из их банды и смогли таким образом вырваться на волю.

Он замолчал и на какое-то время в зале повисла давящая тишина. Наконец Таул продолжил:

— Ну хорошо, пусть так. Хотя это весьма странно. Перейдем к главному, вы утверждаете, что будучи среди химер, видели предателя, который помогал им скрываться от преследователей?

— Да, ваша милость, видели, хотя и мельком по понятным причинам.

— Мельком, значит, — задумчиво произнес Таул, и на его морде появилась тень сомнения. Он задумчиво смотрел на чужаков, затем, словно придя к какому-то решению, твердо произнес. — Ну так опишите мне его.

— Это точно был лев, ваше высочество. Очень статный, у него была очень хорошая походная броня.

— Броня, боевая?

— Не думаю, пожалуй, такая не могла помочь в бою, скорее она принадлежала охотнику или что-то похожее.

— Вы что-то еще рассмотрели кроме этого, хоть какие-то черты?

— Да, он весьма хорошо сложен, намного младше вас, ваше величество. У него была темная грива и весьма добротное оружие.

Они еще какое-то время пытались описать того, кого видели во время плена, но все их описания были весьма расплывчатые. Наконец, получив от них уверение, что если они снова увидят его, то смогут узнать, Таул отпустил их и после погрузился в тяжелые размышления. Пока он молчал, его советник стоял за спиной, то и дело нервно подергивая своими усами и бросая на повелителя короткие взгляды. Наконец, тот прервал молчание:

— Итак, среди львов появился предатель, и все эти расспросы ничего конкретного не дали. И все же кто это мог быть?

Советник решился подать голос:

— Ваше величество, если позволите, думаю, стоит проверить охотников.

— Охотников?!

— У них на, мой взгляд, была такая возможность и, смею заметить, не раз.

Таул пристально посмотрел в глаза своего собеседника, так что по его спине даже пробежал смертельный холодок.

— Уж не намекаете вы на то, что все это сделал Мио?

Прямой вопрос повелителя явно обескуражил советника, но придав, себе насколько это было возможно, невозмутимый вид, он произнес:

— Я не могу обвинять именно его, тем более, что он ваш сын, ваше величество.

При этих словах в глазах вожака полыхнул недобрый огонь.

— Мои дети первые, кто должны соблюдать наши законы, и если кто-то из них совершил нечто противное воли Древних или против своего племени — будет наказан куда суровее кого бы то ни было.

В ответ Лан лишь низко склонился и поспешно произнес:

— Прошу, помилуйте вашего недостойного служителя, ваше величество. Я не желал никоим образом оскорбить вас. И никого из вашего рода, тем более я готов жизнью поклясться, что его высочество Мио тут совершенно ни при чем, но в его отряде вполне мог появиться предатель и его нужно отыскать как можно скорее для безопасности как нашего логова, так и самого вашего сына.

Таул слегка смягчился и более спокойно произнес:

— Немедленно займитесь этим. Кем бы он ни был, он не должен уйти от заслуженной кары, — с этими словами он встал со своего места и вышел из зала совета, оставив там

своего советника.

Тот, проводив вожака, все так же склонился в почтительном поклоне. Как только за тем закрылась тяжелая дверь, не спеша выпрямился, после чего едва заметно усмехнулся и поспешил покинуть зал.

Мио стоял над давно остывшем пепелищем. Среди пепла все еще белели не до конца растасканные мелкие безмолвные кости его младшего брата. Это был обычный конец тех, кто перешел в мир Древних, так и не обретя имя. Их придавали священному пламени, а после просто оставляли так и, не унеся их пепел к священной скале, откуда, как верило его племя, начинался путь в обитель Древних. Он не мог быть удостоен такой чести, и его останки оставались на волю ветров, которые должны были развеять его, не оставив от потерянному ни единого следа его существования в этом мире.

Юный лев чувствовал невероятную скорбь, хотя по обычаю было запрещено оплакивать безымянных, он ничего не мог с собой поделать. Вдруг он услышал шаги — кто-то приближался. Подняв голову, он увидел свою мать. Подойдя к пепелищу, она тоже скорбно склонила голову и закрыла глаза.

— Прости, — тихо прошептал Мио через какое-то время едва слышно.

Львица подняла голову и так же почти шепотом произнесла:

— Тебе не за что просить прощение ни передо мной, ни перед кем бы то ни было. Котята порой умирают и это нельзя изменить, особенно если они слишком слабы. Похоже, я оказалась никудышной самкой, раз не смогла выносить его достаточно крепким.

Она посмотрела на своего старшего сына, и тот не удержавшись крепко обнял ее. Какое-то время они стояли молча, прижавшись друг к другу, но вот она высвободилась и чуть отстранилась.

— Не стоит так делать. Не хватало еще, чтобы нас кто-то увидел и обвинил тебя в излишней мягкости, неподобающей взрослому льву.

Не успела она это произнести, как они оба услышали чье-то приближение. Через несколько мгновений из-за ближайшего валуна вышло несколько львов, облаченных в броню внутренней стражи. Они окружили Мио, оттеснив от него Наки, и угрожающе выставили перед собой свое оружие, направив его на юного льва.

— Эй, что происходит? — с недоумением произнес тот, явно не понимая, что все это значит.

— По приказу его величества нам приказано арестовать вас и препроводить в темницу, — подал голос один из стражей.

— Что?! Почему?!

— Этого я не знаю, мне лишь был дан приказ. А сейчас прошу отдать мне ваше личное оружие и следовать за нами.

Совершенно пораженный и сбитый с толку Мио покорно отдал стражу свой охотничий нож, после чего смиренно побрел со стражами, оставив одну совершенно потерявшую от всего произошедшего дар речи львицу, которая, словно вдруг окаменев, молча стояла и смотрела им вслед, еще долго не в силах сдвинуться с места. Наконец, будто очнувшись, она вздрогнула и прижала свои передние лапы к груди, резко повернулась и почти бегом бросилась прочь.

Между тем Мио отвели в темницу и заперли в одной из клеток, оставив там совершенно

одного в одиночестве терзаться догадками о том, что все это могло значить. Время превратилось для него в бесконечную медленную пытку, конца которой не было. Иногда кто-то из стражей приносил ему скромную трапезу. Раз за разом он пытался узнать у них, за что его сюда поместили. Поначалу требовал встречи с отцом, но все его попытки были напрасны — его оставляли без ответа, откровенно игнорируя. Стражи лишь молча оставляли ему еду и, не проронив ни единого слова и стараясь не встречаться с узником взглядом, уходили прочь, словно они были призраками.

Постепенно отчаянье завладело Мио, так что он прекратил свои бесплодные попытки и лишь безучастно сидел в дальнем углу своей клетки, даже не поднимая головы, когда в очередной раз к нему приходил страж. Так было и в тот раз, снова скрипнула решетка в его клетке, и кто-то вошел. Мио ожидал услышать стук опускаемой на пол миски, но его не последовало. Кто-то стоял в его клетке, и он вдруг понял, что это вовсе не служитель темницы, и его нос также сообщил ему, что это был кто-то другой — и его запах был ему знаком. Когда он наконец понял, кому тот принадлежит, его сердце впервые за долгое время радостно подпрыгнуло в груди и стало биться быстрее.

Подняв голову, Мио увидел Лику, та стояла у решетки, скрытая серым плащом, словно взятым с чужого плеча. На миг их глаза встретились, затем Мио вскочил и порывисто обнял ее, крепко прижав к себе.

— Что ты тут делаешь?! И как смогла проникнуть сюда?! — произнес он хриплым голосом.

— Мне Кали помогла, слава Древним, что я успела вовремя.

Мио слегка раздраженно пробормотал:

— Кали... опять за старое взялась.

— Эй, сейчас не об этом стоит думать. По прайду идут слухи, что скоро над тобой свершится суд.

— Суд?! И в чем же меня обвиняют?

— В измене.

— Что?!

— Да, говорят, что ты предал племя химерам.

От этих слов Мио буквально лишился дара речи. Между тем где-то вдали послышалось приглушенное звяканье. От этого молодая львица вздрогнула и, испугано прислушавшись, замерла на месте. Спустя несколько мгновений, когда звук, настороживший ее, утих, она решительно схватила Мио и потянула к выходу.

— Скорее идем, нам нельзя терять время.

Но тут с Мио словно спала незримая пелена, и его душа стала медленно наполняться негодованием. Он решительно высвободил свою лапу из лап Лики и тихо, но твердо произнес:

— Нет, я так не могу. Если я сейчас сбегу, то навсегда потеряю честь.

— О чем ты? Ты вот-вот жизнь свою потеряешь. Владыка в такой ярости, что никого и ничего не желает слушать. Когда к нему попытались обратиться твоя мать и кормилица, он едва не накинулся на них и прогнал прочь, не дав и слова сказать, стоило им только твое имя произнести.

В ее голосе звучала одновременно и мольба, и гнев. Но Мио был непреклонен. Решительно он вытеснил Лику за пределы клетки, после чего захлопнул решетку и, повернув ключ, вытащил его и вложил в лапу Лики. После чего просунул свою лапу между прутьями и

ласково погладил ее по щеке.

— Послушай, не беспокойся обо мне, я справлюсь. Сейчас у тебя есть кое-кто более нуждающийся в твоей защите, чем я, — с этими словами он коснулся ее живота и, прижавшись к прутьям решетки, прикоснулся своим носом к носу своей самки.

— Ты должна покинуть прайд. Ты ведь знаешь, если меня лишат имени, что может произойти с тобой и с нашим малышом.

От его слов Лика сильно вздрогнула. Она отлично понимала, о чем говорил Мио — по ее телу пробежала дрожь, и все-таки она не спешила вот так просто отступить.

— Но...

— Молю, беги, пока еще это возможно. Возьми моего твердокрыла и скройся там, где ты и наш детеныш будете в безопасности. Клянусь, как только все разрешится, я найду вас.

— Если я спрячусь, как же ты нас найдешь? — ее голос дрожал так же, как и она сама, хотя она и постаралась произнести это с насмешкой.

— Найду, я всегда найду запах моей единственной самки. Хоть в этом мире, хоть за его пределами, в этом ты уж точно можешь быть уверена.

Тут снова что-то стукнуло, и послышались чьи-то далекие шаги и недовольное бормотание. Мио отпрянул от решетки и, нервно поведя ушами, громко прошептал:

— Скорее беги!

Лика не стала спорить. Бросив на него долгий, полный тоски взгляд, она поспешила скрыться в полумраке коридора темницы, а Мио, снова забившись в самый дальний угол клетки, погрузился в тяжёлые раздумья. И так, его обвинили в предательстве. Все время он подозревал это, и все же, получив подтверждение своим подозрениям, он оказался не совсем готов к тому, чтобы принять это. В его душе стала закипать ярость, переполняя его до такой степени, что он едва сдерживал рев, рвущийся из его нутра.

Снова потянулись бесконечные минуты ожидания, но вот на пороге его клетки снова показался неожиданный гость. На этот раз им оказался Рау. Какое-то время он молча стоял и пристально смотрел на брата, скрестив передние лапы на могучей груди. Мио не выдержал напряжения и раздраженно пробурчал:

— Зачем явился?

В ответ тот лишь презрительно хмыкнул, и Мио снова почувствовал, как к его груди подкатывает волна негодования.

— Чего молчишь? Тоже решил, что именно я тот самый предатель? — с этими словами он резво поднялся и с вызовом посмотрел на брата, сжав кулаки и слегка скаля клыки, но вот Рау, похоже, его негодование лишь позабавило.

— Если бы поверил, то точно не терял бы тут времени на такого, как ты. Да уж, братец, ты кто угодно, но точно не предатель, мозгов маловато для таких хитростей. Хотя мне вот интересно — откуда ты узнал про обвинения?

Слова Рау слегка остудили гнев Мио, так что он смущенно потупил взгляд и отвел глаза чуть в сторону. Едва слышно он пробурчал:

— Как однажды сказал один торговец — даже у стен бывают уши.

В ответ Рау лишь ухмыльнулся и продолжил:

— Ладно, пусть так. Что сейчас важнее, так это то, что влип ты основательно, братец. Отец и слышать ничего не хочет, он-то как раз совершенно уверен, что именно ты — тот, кто виновен в наших неудачах уничтожить химер.

— И с чего он это решил? — буквально прокричал Мио чувствуя, что уже не в силах

сдерживать свой гнев и обиду.

— С того, что нашлись свидетели, которые утверждают, что своими глазами видели тебя среди наших врагов, и то как ты с ними говорил.

— Это ложь, пусть посмеют сказать это глядя мне в глаза.

— Что же, скорее всего скажут, на суде. Наш отец решил устроить публичное судилище через два солнцехода. Собственно, за этим я и пришел, а еще сообщить, что собираюсь быть там твоим голосом.

— Голосом?

— Да, ведь по нашим законам ты его лишен, а потому решил предупредить тебя заранее, чтобы ты к времени суда хоть немного подостыл и вел себя более сдержанно, иначе уже даже сами Древние не в силах будут тебе помочь, — сказав это, Рау окинул младшего брата многозначительным взглядом, после чего сделал шаг, намереваясь выйти из клетки, но тут его остановил голос Мио.

— Прошу, выполни мою последнюю просьбу.

Рау приостановился и недовольно проворчал:

— Чего еще?

— Прошу, если меня не станет, не неволь Лику, позволь ей уйти.

В ответ Рау презрительно фыркнул:

— Уж о ком о ком, а ней тебе точно нечего беспокоиться. Похоже, она одна из первых, кто не поверил в твою невиновность. Вот уже пять солнцеходов как она исчезла из прайда, прихватив с собой твоего твердокрыла и одну из твоих кап.

Произнеся это, Рау решительно вышел из клетки, снова оставив Мио одного. Немного постояв, Мио снова отошел в свой привычный угол и обессиленно опустился на пол клетки. Теперь ему лишь оставалось ждать, ждать своей судьбы, уповая лишь на волю Древних. Единственным утешением для него было лишь то, что его самка, несмотря на свой невероятно упрямый характер, послушала его и ушла. Похоже, это был единственный светлый момент в окружающей его тьме.

И вот настал момент, когда за опальным принцем снова явились стражники. На этот раз они вывели его за пределы не только самой темницы, но и прайда. Проведя его по окольным путям логова, они привели его на рыночную площадь. Здесь уже собралась огромная толпа, похоже, поприсутствовать на судилище над Мио пожелали все обитатели логова. Мио провели к небольшому возвышению, на котором его уже ожидали его отец, старший брат и стоящий за вожак его первый советник. Оказавшись перед отцом, Мио опустился на колени и замер, молча опустив голову, как и полагалось тому, кого лишили права говорить.

Спустя несколько минут после этого Таул возвысил голос, и толпа в миг умолкла, так что наступила такая тишина, так, что было слышно, как шуршит песок на выложенной камнем отполированным временем площади под порывами легкого ветерка. Выдержав паузу, Таул начал говорить, произнеся все, в чем обвинялся Мио. Каждое слово отзывалось болью в его душе, словно это были не слова, а удары острого клинка. Наконец вожак замолчал и тут заговорил Рау, ставший голосом брата:

— Думается мне, что слова нашего владыки неоспоримы, как сама земная твердь. Все же, пусть явятся те, кто утверждает, что сам лично видел обвинённого, и стали свидетелями его предательства. И прямо здесь и сейчас перед лицом самих Древних, от имени которых и проходит сей суд, пусть подтвердят все свои слова. Если, конечно, не боятся гнева Древних.

Его слова поддержали одобрительным гулом все собравшиеся вокруг возвышения. Таул

же с невозмутимым видом подал знак советнику, но тот наклонился к самому уху своего повелителя и что-то стал ему нашёптывать. С каждым его словом вид у того становился все угрюмее. Наконец, когда советник закончил, он гневно прорычал:

— Как это их не могут найти?

— Виноват, ваша милость, но не было приказа заточить их, и они, похоже, просто ушли.

— Ушли? И вы не проследили за тем, чтобы воспрепятствовать этому, господин Лан?

Гневный рык заставил советника мелко затрястись, и он лишь молча склонился в низком поклоне. Между тем снова заговорил Рау:

— Итак, те, кто обвинял, исчезли. Как это подозрительно.

Но хоть новость об исчезновении главных обвинителей явно застала вожака врасплох, просто так останавливаться Таул был явно не намерен.

— Что же, пусть они и ушли, есть еще свидетели.

— Давайте выслушаем их. Надеюсь, они не испарились следом за прочими.

Тут на помост стали один за другим подниматься львы-охотники из числа группы, которой командовал Мио. Один за другим они отвечали то на вопросы вожака, то его советника, то Рау. Но ни один из них так и не смог напрямую сказать, что Мио был предателем. Все, что смогли от них узнать — это то, что у Мио была такая возможность и не раз, но на этом все. Наконец, когда все охотники были опрошены, Рау снова заговорил:

— Итак, все, что нам удалось выяснить, это лишь то, что сей обвиненный имел возможность сговориться с химерами. Однако нет ни единого тому доказательства, за исключением внезапно исчезнувших свидетелей. А этого, насколько мне известно, слишком мало, чтобы приговорить его к смерти.

В ответ вожак произнес:

— Но этого также мало для того, чтобы полностью очистить его имя.

— Согласен, а посему я вижу лишь один выход — отдать все на суд Древних.

Тут он сделал паузу и обвел всех окружающих пристальным взглядом.

— Я требую проведения священного испытания.

Не успел он замолчать, как по толпе собравшихся пробежал ропот. В основном он был одобрительным. Таул задумался на несколько минут, после чего произнес:

— Хорошо, да свершится воля Древних.

Затем он подошел к Мио и снял с его шеи висевший на ней небольшой кристалл на свитом из волос его матери и отца шнурке. Мио получил его в тот момент, когда получил свое имя. Чуть приподняв кристалл, так что тот ослепительно засверкал в лучах солнца, Таул сжал его в своей могучей лапе, и тот с треском раскололся, превратившись в тысячи мелких осколков. Это обозначало лишь одно — отныне Мио лишался своего имени и становился безымянным. Выдержав паузу, Таул громогласно произнес:

— Чтобы вернуть свое имя, ты должен подняться на священную скалу и принести оттуда слезу Древних. Если на то будет их воля, — с этими словами он разжал свою лапу и из нее высыпались мелкие осколки именного кристалла.

Налетевший порыв ветра подхватил их и унес прочь. Между тем Таул подал знак, и стражи, все это время окружавшие возвышение, где происходил суд, отступили, и Мио наконец смог подняться с колен. Все происходящее казалось ему таким нереальным, словно он был под оковами какого-то жуткого сна. Лишиться имени — похоже, этот приговор был куда суровее, чем даже если бы его решили просто казнить за измену.

Медленно он спустился с помоста и побрел прочь. Все вокруг молча расступались перед

ним. Так он подошел к воротам, те медленно распахнулись, и он вышел за пределы стен логова. В морду ему подул порыв горячего ветра, а спустя несколько минут раздался лязг захлопнувшихся за его спиной ворот. Медленно он сделал первый шаг, затем другой — отныне его судьба была в лапах Древних и только от них зависела его жизнь.

Необычный союзник

Мио медленно опустился на колени. Перед ним, всего в нескольких сотнях шагов, находился вход в обитель Древних. Вход напоминал гигантскую открытую пасть неведомого существа, готового проглотить любого, кто посмеет нарушить границы этого запретного для почти всех обитателей подлунного мира места. Усиливало это ощущение еще и то, что то там, то здесь по его краю торчали острые каменные выступы, словно заточенные клыки. Этот вход был началом тоннеля, ведущего в окруженное со всех сторон неприступными мертвыми скалами место, куда не смела ступить ничья лапа без позволения на то самих Древних. Даже служители не смели ступить туда без соизволения высших покровителей.

Мио медленно закрыл глаза и едва слышно зашептал воззвание к высшим владыкам, дабы они позволили ему войти в запретное место и обрести там свое имя. Закончив, он замолчал и, так не открывая глаз, замер в ожидании, когда ему будет дан знак того, что ему позволено войти в тоннель. Казалось, время остановилось, а сам молодой лев превратился в изваяние под стать окружающим его склонам. И вдруг до его слуха донесся какой-то едва уловимый звук. Поведя ушами Мио понял, что доносится он откуда-то из глубин тоннеля. Мио почувствовал, как по его телу пробежала дрожь. Между тем звук все усиливался, явно приближаясь к нему, и вскоре он уже ясно понял, что этот звук определенно напоминает звук множества шагов. Сердце его сильно забилося, дыхание участилось, а в голове пронеслось:

— Неужели я увижу самих посланников Древних!

И вот спустя непродолжительное время до его носа донесся резкий запах, на мгновение показавшийся ему до боли знакомым, но от охватившего его волнения он никак не мог вспомнить, что он значил и где он его уже встречал. Он вообще в тот момент мало чего мог адекватно воспринимать, настолько велико было его волнение. Наконец, Мио почувствовал едва уловимое колебание воздуха, идущее со стороны входа в запретное место. То, что издавало звук шагов, кем бы или чем оно ни было, приблизилось к нему. Зажмурив глаза еще сильнее, так и не смея их открыть, Мио склонил голову настолько низко, что нос уткнулся в пыль у его все еще преклонённых колен. Шаги стали звучать со всех сторон, похоже те, кто издавал их, кружили вокруг него, и тут он вдруг услышал голос:

— Вот уж кого я точно тут никак не мог ожидать увидеть! Неужто решили выразить свое почтение, ваше высочество? Да еще с таким благоговением! Я так польщен!

От этого голоса Мио словно молнией пронзило от макушки до самого кончика хвоста, а шерсть на загривке мгновенно встала дыбом. Почти мгновенно схватив свое незамысловатое оружие, сделанное им из лапы детеныша таратула, добытого им по пути сюда, он вскочил с колен, поднял голову и огляделся. Он стоял в окружении множества химер, тех самых, которых со своим охотничьим отрядом он выслеживал столько полных лунных ликов. Все они восседали на шипохвостах. Эти безмолвные имели невероятно свирепый нрав и мало годились на роль ездовых, но похоже, этим химерам они по каким-то непостижимым причинам решили подчиняться. Судя по тому, как уверенно себя вели их седоки, не боявшиеся быть ими съеденными, они безоговорочно признавали их власть над собой.

На самом огромном из них восседал предводитель всего этого сброда. Хоть Мио видел его только издали и всего несколько раз за все время, пока преследовал его отряд, он сразу его узнал. Огромный самец, на первый взгляд, принадлежащий к племени львов, но в

отличие от них, его морда выдавалась вперед намного сильнее чем обычно. Кроме того, у него не было никаких признаков гривы, а все его невероятно массивное и даже кажущееся из-за таких габаритов неповоротливым тело, покрывала бурая, украшенная черными полосками, косматая шерсть, намного длиннее чем у кого бы то ни было в этих землях. Его лапы снабжены слегка изогнутыми когтями такой длины, что напоминали короткие клинки, коими он без труда мог бы разорвать многих, не прибегая к помощи какого-то еще оружия. На нем была надета легкая броня, частично закрывающая его торс и спускавшаяся немного ниже, частично скрывая под собой его короткий, примерно в четверть от длины обычного львиного хвоста, также покрытый полосками хвост и часть относительно остального тела коротких, но весьма мощных задних лап.

Мио смотрел врагу в его маленькие, почти скрытые прядями нечесаной шерсти глаза и чувствовал, как кровь в его измученном долгой тяжелой дорогой теле буквально закипает от обуревавшей ярости и праведного гнева. Глухо зарывчав, он прыгнул на предводителя, целясь оружием в его незащищенную броней массивную шею. Однако достичь цели ему не удалось — сделав небрежное движение своей могучей лапой, предводитель с легкостью отшвырнул изнурённого льва, попутно переломив его хилое оружие. Сгруппировавшись, Мио смог приземлиться на все четыре лапы, не без труда удержав равновесие. Отшвырнул в сторону бесполезный обломок своего оружия, снова сделал отчаянную попытку добраться до своего врага, только на этот раз его попытку прервал шипохвост, на котором восседал предводитель.

Сделав выпад хвостом, снабженным длинным шипом, смазанным выделяющимся несколькими спрятанными в самом хвосте жилами ядом и по длине превосходящим почти вдвое своего обладателя, так что тот всегда держал его высоко над собой, при движении он с лёгкостью проткнул легкую броню Мио, весьма к тому времени потрепанную за время его пути сюда. Затем погрузил свое «оружие» в его тело, одновременно прижав к земле. Все тело несчастного пронзила жгучая боль. Тщетно он стал пытаться выдернуть шип из тела. От его попыток тот, казалось, лишь еще глубже погружался в его бок. Наконец остатки сил окончательно покинули его, а в глазах потемнело, и он погрузился в непроницаемую тьму забвения.

Мио пытался бороться с поглотившей его тьмой, в этом казавшемся бесконечном противостоянии. Он был подобен попавшему в ловушку зыбких песков пустоши. Он то выныривал из жарких глубин, грозящих испепелить его, на поверхность, где он наконец мог услышать долетавшие до него из каких-то неведомых далей звуки, то вновь погружался в жаркую тьму, лишившую его сил, когда даже каждый вздох давался ему с невероятным трудом. Казалось, он будет его последним вздохом.

Наконец тьма перестала быть такой жгучей, и он почувствовал, как кто-то бесцеремонно толкает его прямо в раненый бок, причиняя каждым прикосновением боль волной дурноты, отзывающейся в его измождённом теле. Он попытался зарычать, но звук из его груди напоминал лишь едва различимое ворчание. Однако в тот же миг толчки прекратились, а он словно через пелену услышал насмешливый голос:

— Ну надо же, какой живучий!

Этот голос вызвал в Мио горячую волну желания вскочить и немедленно вцепиться в плотку говорившего, но он не смог даже пошевелить кончиком хвоста. Между тем кто-то приподнял его голову и влил в его рот немного жидкости, по вкусу напоминавшей какой-то горько-сладкий отвар. Схожим с тем, которым его поила его кормилица в далеком детстве,

когда он был укушен ядовитым безмолвным, после того как увязался следом за Рау и отрядом охотников. Лекарство чуть приглушило ноющую боль, и он постепенно погрузился в тяжелый сон. Наконец он набрался достаточно сил, чтобы открыть слипшиеся веки и, с трудом приподняв голову, осмотреться.

Он увидел, что находится на полу какой-то грязной клетки. Он попытался встать, но сумел лишь с трудом перевернуться, после чего обессиленно распластался. Закрыв глаза, снова провалился в темноту тяжелого забытья. С этого момента он то просыпался, то снова проваливался во тьму, но с каждым новым таким пробуждением чувствовал, что силы хоть и невероятно медленно, но все-таки начали к нему возвращаться.

Изредка к нему в клетку приходил какой-то странного вида незнакомец. Он никак не мог понять, к какому племени тот принадлежал, ибо никогда в жизни не видел никого подобного ему. Незнакомец был невысокого роста, примерно в половину роста самого Мио. У него были странного вида лапки, намного меньше чем у Мио, и на них были весьма длинные и подвижные пальцы, заканчивающиеся короткими тупыми коготками. Голова незнакомца имела овальную форму с весьма вытянутой вперед клинообразной мордой, что отдаленно давало ему сходство с представителем племени фенеков. Вот только вокруг его глаз рос очень темный мех, словно тот носил маску, в то время как саму его мордочку обрамляла довольно светлая и длинная шерсть.

Все остальное его тело было покрыто весьма густым мехом темно-серого цвета с серебристыми подпалинами. Однако самым примечательным был его средней длины хвост, очень пушистый и покрытый широкими полосками серо-коричневого и черного цвета. Когда Мио достаточно окреп, он попытался расспросить незнакомца о том, кто тот такой, но он лишь сухо ответил, что он всего лишь такой же пленник, как и он сам, а зовут его Гарт. На вопрос же Мио, из какого тот племени, тот лишь ответил, что у него нет племени. Из-за этого Мио сделал лишь один вывод — тот тоже из числа химер.

Между тем один солнцеход сменялся другим в перерывах между визитами Гарта, когда тот приносил ему воду и пищу, а также обрабатывал его рану. К слову, делал он это весьма искусно. Мио предавался горестным размышлениям о своем положении. Теперь он ясно понимал, почему все попытки найти и уничтожить химер увенчались полным провалом. Никто бы и ни за что не мог себе представить, что те укрылись в обители самих Древних — это было просто немыслимо. Мио, воспитанный с самого появления на свет, так что никто не смеет безнаказанно нарушать волю владык, не мог осознать, как те не покарали святотатцев в то же мгновение, как нечестивцы ступили в это место. Мысли эти не покидали его голову, наполняя душу неясной тревогой.

Однако долго биться над этой неразрешимой дилеммой ему не позволили. В один из ничем не примечательных солнцеходов в его клетку вошел тот, от вида которого Мио снова почувствовал прилив невероятно сильной ярости. Не задумываясь, он с ревом бросился на вошедшего, собираясь впиться тому в горло. Но силы еще не окончательно вернулись к нему, и незваный визитер с лёгкостью перехватил его. Схватив самого за горло, буквально смял, прижав к полу клетки своей могучей лапой. Мио попытался освободиться, но смог лишь неловко трепыхаться, тратя силы на то, чтобы сделать вдох. Глядя на его жалкие попытки, мучитель хрипло рассмеялся:

— Надо же, а вы сильнее, чем я себе мог представить, ваше высочество. Мало того, что сумели выжить после укуса, так еще и находите силы продолжать попытки прикончить меня!

Он еще сильнее сжал горло пленника, отчего в глазах у молодого льва все поплыло. Он захрипел, и предводитель отпустил его горло. Мио закашлялся, сделал несколько судорожных вдохов, но не успел он окончательно отдышаться, как предводитель резко выпрямился и наступил на него могучей задней лапой, так что Мио снова почувствовал резкую боль в еще неокончательно зажившей ране. Несколько минут предводитель стоял, возвышаясь над ним, и насмешка играла на его губах, слегка обнажая огромные клыки. Какое-то время они молча смотрели в глаза друг другу, не произнося ни слова, и только сиплое дыхание Мио, с трудом вырывающееся из его сдавленной груди, нарушало почти абсолютную тишину вокруг них. Но вот наконец предводитель убрал лапу с Мио и сделал шаг назад, не сводя с него пристального взгляда, готовый в любой момент пресечь новую атаку со стороны пленника. Медленно юный лев привстал с пола, но прежде, чем ему снова броситься на своего врага, тот упреждающе произнес:

— Поберегите силы, ваше высочество. Вы не в том состоянии, чтобы не то что убить меня, но даже сколько-нибудь причинить мне вред.

Мио замер, отлично понимая, что тот прав, а между тем его собеседник продолжал:

— Хотя, не буду скрывать, что ваша живучесть меня впечатлила, и именно поэтому вы еще живы. Мало того, я пришел сюда, чтобы дать ваш шанс.

— Шанс?!

— О да, шанс присоединиться ко мне.

Услышав это, Мио замер на мгновение, не веря собственным ушам. Он даже слегка потряс головой, словно пытаясь стряхнуть какое-то наваждение.

— Это что, шутка такая? Прощу меня извинить, но оценить ее я точно не в силах.

— Вовсе нет, и на вашем месте я бы хорошенько подумал, прежде чем дать ответ.

Мио почувствовал, как его снова накрывает волна гнева. Услышать такое предложение, похоже, в тот момент еще никогда в своей жизни он не слышал худшего оскорбления.

— Чтобы я, представитель племени огненных львов востока, и примкнул к химерам, да...

Однако закончить ему не дали — все с таким же насмешливым тоном его прервал предводитель:

— Похоже, вы забыли, кто вы теперь. Позвольте же мне напомнить, у вас больше нет племени. Мало того, у вас отныне нет даже имени, поправьте меня, если я лгу.

Эти слова подействовали на Мио как нырок в горный ледяной источник. С трудом сделав вдох, он внезапно осипшим голосом произнес:

— Вы весьма осведомлены, но даже так, я никогда и ни за что не присоединюсь к вашему сброду, к тем, кто идет против воли самих Древних. Да я скорее войду в их обитель безымянным, если уж на то будет их воля.

Не успел он закончить, как воздух снова затрясся от хохота предводителя. Наконец, когда он справился с приступом безудержного смеха, произнес:

— Воля Древних. Что же, позвольте уточнить — кто как ни я и все члены моего отряда исполняют волю Древних как никто в этом мире?

Мио посмотрел на него — в его глазах читалось замешательство и одновременно такое негодование, словно еще никогда он не слышал ничего более мерзлотного. У него даже не нашлось что сказать от охватившего его возмущения. Казалось, слова застряли в его горле, словно он разом превратился в одного из безмолвных, а его собеседник тем временем продолжил:

— О да, все мы исполняем их волю, иначе почему же всем нам позволено здесь находиться, ваше высочество? А я вам скажу почему. Первый закон Древних: выживает лишь сильнейший. Он вам должен быть хорошо известен. Ну так вот, лично я вобрал в себя силу своих родителей в полной мере, как и положено по закону Древних. Прежде чем под моим началом встали те, кого вы называете сбродом и отверженными Древними, я по силе превзошёл всех в племени и своего отца, и моей матери. Что это, как не исполнение воли Древних, а, ваше высочество?

Он замолчал, а Мио не знал, что ему возразить. Он и до того задавался этим вопросом, но теперь, услышав его от того, кого все, кого он знал, называли отверженным, теперь он просто не мог игнорировать его. Однако и ответа у него не было, не только, чтобы озвучить его для своего собеседника, но даже для самого себя. Медленно он опустил голову, плечи его поникли, он весь сжался, словно неведомая тяжесть навалилась на него всей своей неотвратимой тяжестью, готовая вот-вот раздавить. Между тем предводитель, окинув его полупрезрительным взглядом, вышел из клетки, и прежде чем за ним захлопнулась решетка, он коротко произнес:

— Как следует обдумайте все это, прежде чем дать свой окончательный ответ, — с этими словами он наконец ушел, оставив окончательно сбитого с толку пленника одного.

Мио обессиленно прислонился к прутьям клетки и так и замер, не в силах даже просто думать — настолько опустошённым он себя чувствовал. Но все это было лишь началом его личного кошмара. По приказу предводителя, его клетку перенесли из отдаленной части лагеря в его центр, и там ему пришлось стать невольным свидетелем того, как привольно вели себя химеры в столь когда-то священном и, казалось, неприкосновенном месте. Мало того, то и дело он наблюдал, как в лагере появляются, а затем бесследно исчезают различные пленники, пригнанные сюда химерами.

То и дело он слышал крики и стоны несчастных, просящих помощи или молящих о пощаде. Все, что он мог — лишь метаться по своей клетке и рычать от бессилия. Но крики были лишь частью всего, что ему пришлось познать. Однажды он услышал восклицания какого-то очередного несчастного, когда он пригрозил своим мучителям карой Древних. В ответ предводитель химер подтащил его почти вплотную к клетке, где сидел Мио. Тот увидел юного представителя племени ланей. Молодой самец, судя по виду, едва переступил грань взрослой жизни и был намного юнее его самого. Его одежда представляла из себя какие-то покрытые грязью и пятнами крови обрывки, в его еще почти совсем по-детски огромных глазах, читался ужас, хотя он и старался изо всех сил не показывать его. Предводитель, приставив к его горлу клинок, произнес так, чтобы его услышала не только его жертва, но и сидящий в клетке пленник:

— Интересно, и кто же сейчас остановит меня? Сами Древние или быть может ваш владыка, поставленный ими над вами для вашей защиты, на которую вы так уповаете? Давай посмотрим, кто из них будет первым, раз уж ты так в них веришь, — с этими словами он без колебаний полоснул по его горлу.

Несчастный захрипел, а все, что оставалось онемевшему от ужаса Мио — стоять и смотреть в его угасающие глаза. Между тем предводитель равнодушно бросил обмякшее тело на землю и безразличным тоном произнес, обращаясь к одному из находящихся в тот момент рядом из своих подручных:

— Эй, займитесь им. Не хочу, чтобы его мясо стало чересчур жестким.

Затем он ушел прочь, а двое химер подобрали тело и, к немалому ужасу Мио, стали

резать его на куски, словно тот был простым безмолвным, которого разделявали для будущей трапезы. В этот момент в его клетку зашел Гарт и посмотрел на своего подопечного, с ужасом наблюдавшим за всем происходящим.

— Может, не стоит всё-таки вам на это смотреть? Хотя, находясь здесь, от подобного зрелища трудно куда-то скрыться.

— Подобное зрелище... что... что они собираются делать с его телом?

— Приготовить, что же еще?

От этих слов у Мио буквально пол поплыл под лапами. Покачнувшись, он медленно опустился на пол клетки и застыл на месте, не в силах пошевелиться. Ему казалось, что остатки его мира, та его часть, которую он все это время так отчаянно пытался сохранить, раскалывается на куски и уносится от него куда-то прочь. Гарт же молча покачав головой, как обычно поставил миску с едой и, снова посмотрев на замершего неподвижно Мио, долгим взглядом тяжело вздохнул и вышел прочь, оставив того одного.

Солнце уже почти ушло с небосвода, начали сгущаться сумерки, а Мио все сидел неподвижно, глядя в пространство отсутствующим, пустым взглядом. Но вот один из последних лучей отразился от края миски, стоящей неподалеку, и этот отблеск словно вывел его из оцепенения. Моргнув, он медленно перевел взгляд на миску с едой и тут ему вдруг показалось, что в ней лежат куски плоти того самого молодого самца лани, убитого на его глазах.

Невероятный ужас вдруг овладел им. С диким воплем он отшвырнул от себя миску, та отлетела от него прочь и ударилась о решетку, выплеснув все свое содержимое на землю за пределами клетки. Сама же миска с глухим стуком покатила по полу. Мио следил за ее передвижением, а когда она наконец остановилась, он лег на пол, сжался в клубок, как делал это в детстве, когда его что-то сильно пугало. В тот момент ему хотелось лишь одного — просто перестать существовать.

Когда Гарт снова пришел к нему, Мио все еще лежал неподвижно. За все это время он ни разу не поменял позы. Он просто лежал, глядя перед собой совершенно пустым, ничего не выражающим взглядом, и продолжал молчать в ответ на все попытки Гарта заговорить с ним. Так продолжалось один солнцеход за другим. Мио перестал есть и пить и, казалось, что его уход в обитель Древних — лишь вопрос времени. Вот только предводитель химер не собирался этого дожидаться и решил ускорить это, заодно обеспечив себя и своих подчиненных зрелищем.

По его приказу Мио вывели из клетки и, подтащив к какой-то яме, спихнули его туда. Он упал на песчаное дно и так и остался лежать неподвижно, по-прежнему не реагируя ни на что, словно от него осталась лишь пустая оболочка, лишенная души. Между тем над его головой яму закрыли тяжелой решеткой, так что выбраться теперь из нее было уже невозможно. Впрочем, пленник даже и не помышлял об этом, он вообще уже ни о чем не думал и, казалось, совершенно перестал что-либо чувствовать.

Но вот над его головой раздался свист, а затем снова кто-то явно подавал какой-то сигнал, но кому и зачем — Мио не понимал. Впрочем, ему было все равно, даже если бы его стали тут закапывать или еще что-то, подобное вряд ли бы заставило его хоть как-то реагировать. Он лишь закрыл глаза, полностью готовый встретить свой конец. Но тут до его ушей донесся едва уловимый шорох откуда-то из глубины ямы, а затем он почувствовал запах, и он был ему хорошо знаком. Что-то невидимое вдруг ожило в нем и заставило его посмотреть туда, откуда доносился звук.

К тому времени его глаза уже привыкли к полумраку, и он смог различить очертания норы, находящейся в дальней стене ямы. Звук становился все сильнее, заставляя пробудить в нем инстинкт охотника, который, похоже, не собирался так просто исчезать из его естества. А между тем из норы показались клешни, а сразу за ними — пара покрытых короткими жесткими волосками ног. За ними немедленно последовали остальные конечности, а с ними и часть массивного тела. Еще немного и из своего логова показался его хозяин. Это был взрослый таратул. Оказавшись за пределами гнезда, он стал поводить своими короткими усиками и вскоре учуял неожиданного гостя, оказавшегося на его территории, а стало быть тут же при обнаружении превратившегося в его добычу.

Медленно, все еще не спеша, безмолвный стал к нему приближаться, постепенно ускоряясь. И вот когда он уже собрался схватить жертву смертоносными клешнями, дабы разорвать и поглотить ее, все это время сохранявший полную неподвижность молодой лев подскочил, да так высоко, что сумел ухватиться за прутья закрывающей сверху ямы решетки, вызвав целый шквал криков собравшихся возле этой "арены" зрителей. Таратул оказался под ним на том самом месте, где еще секунду тому назад он лежал. С яростным ревом Мио приземлился ему на спину и изо всех сил впился безмолвному в его в тот миг оказавшуюся незащищенной шею.

Безмолвный оглушительно запищал, стал прыгать и бегать по всей яме, тщетно пытаясь сбросить с себя седока из жертвы, вдруг превратившегося в яростного хищника. Мио был безжалостен. Он рвал шею таратула, чувствуя, как рот заполняется его кровью, при этом он чувствовал, как его тело наполняет невероятное возбуждение. Ничего похожего он еще никогда не испытывал. Его словно окутало алой пеленой, из-за которой он ничего не видел и не слышал. Он рычал, продолжая рвать живую плоть, а затем стал проглатывать ее, ощущая как его тело покидает чувство всепоглощающего голода. Сколько это длилось: несколько мгновений или целую вечность — он не знал, но вот его жертва постепенно перестала сопротивляться, а вскоре и вовсе стихла. Мио сидел на трупе поверженного таратула, продолжая рычать и грызть его уже мертвое тело. Но вот его силы тоже иссякли, он замер на несколько мгновений, а затем почувствовал, как на смену алой пелене приходит тьма, в которую он стал стремительно проваливаться.

Когда он снова открыл глаза, то тьма уже не окружала его, но было кое-что куда хуже решетки. Оглядевшись, он понял, что снова находится в своей клетке. Отчаянье новой волной накрыло его с головой. Он закрыл глаза и почувствовал, как к нему кто-то вошел. Через мгновение до его носа долетел знакомый запах, а спустя еще мгновение что-то плюхнулось на пол рядом с его мордой. Это нечто источало приятный аромат, так что Мио поневоле почувствовал приступ голода.

— Эй, я тебе еду принес! — услышал он голос Гарта, но в ответ он лишь повернулся на другой бок, оставив его высказывание без внимания.

Между тем тот, подождав несколько минут, подошел к нему и, присев рядом, снова заговорил:

— Ты опять за свое, у тебя в роду случаем ослов не было?

И снова молчание было ему ответом, но похоже, это его мало беспокоило:

— Слушай, если так охота отправиться к Древним, мог бы просто позволить тараталу себя сожрать, а не загрызть его и снова пытаться уморить себя голодом. Или у твоего племени особая такая почетная форма — уйти к Древним? Вам там что, за это особые привилегии от них полагаются?

Мио наконец посмотрел на Гарта — в его глазах читалась злость, однако тот не собирався так просто отступить и упрямо подтолкнул к нему принесённый сверток. Но тот презрительно оттолкнул его прочь, так что тот отлетел в противоположный угол клетки.

— Что бы там ни говорил, я не стану есть себе подобных.

— Чего?!

Гарт с изумлением посмотрел на юного пленника, после чего слегка возмущенно фыркнул:

— Вот уж не ожидал, что кто-то подобно тебе несет яйца. На таких я бы точно не отказался посмотреть. Может, расскажешь мне о таких или еще лучше — покажешь?

Мио снова смерил его злым взглядом. Но тот в ответ подошел к нему вплотную и присел на корточки рядом.

— Итак, может все-таки расскажешь, чего ты решил добиться?

Мио молча опустил голову.

— Ладно, чего бы ты ни добивался, может для начала тебе стоит выбраться из этой клетки?

Мио поднял голову и пристально посмотрел на Гарта. В его глазах читалось удивление, а тот продолжал:

— Ты ведь охотник.

Мио молча опустил глаза.

— Что с того?

— Знаешь, где водятся прыгуны?

— Зачем они тебе? Они очень опасны.

— Если ты покажешь мне их гнезда, я помогу тебе выбраться из этой клетки.

Он замолчал и какое-то время они смотрели друг на друга, но вот Мио, так и не произнеся ни слова, снова отвернулся. Так и не дождавшись ответа, Гарт в конце концов ушел. После его ухода Мио какое-то время пытался забыться сном, но запах, который источал принесённый сверток, не давал ему этого сделать. Наконец не выдержав, Мио встал и медленно подошел к нему. Развернув его, он увидел горсть яиц, явно принадлежащих кому-то из безмолвных. Сами собой его лапы потянулись к ним, и он отправил несколько себе в рот.

Тот немедленно наполнился слюной, так что та даже стала капать ему на грудь. Проглотив их, он снова потянулся к свертку и стал отправлять его содержимое себе в рот, с жадностью проглатывая их, почти не жуя. Наконец, когда сверток совсем опустел, он почувствовал приятное тепло у себя в животе. Тяжело вздохнув, он по привычке улегся на пол, свернувшись клубком, и погрузился в глубокий сон.

Когда Гарт вновь вернулся к пленнику, он увидел, что тот сидит, прислонившись спиной к одной из стенок своей клетки, задумчиво глядя куда-то вдаль, а рядом с ним лежит пустой сверток, в котором он приносил тому еду. Когда он вошел в клетку, Мио посмотрел на него, а тот, подойдя ближе, поднял сверток и вопросительно посмотрел на него. В ответ юный лев молча кивнул, так и не произнеся ни единого слова.

Мио замер, услышав знакомые голоса. Быстро оглянувшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, он сделал несколько торопливых, но осторожных шагов и приблизился к укрытию предводителя химер. Прижавшись к сделанной из переплетения грубо обработанных волокон стене, он прислушался.

— И сколько еще прикажешь ждать? Они мне нужны сейчас, мне необходимо обладать тем, что поможет сокрушить власть старого льва и сделать его более стоворчивым, а для этого он должен перестать чувствовать себя в безопасности за стенами своего логова.

— Но я и так делаю все, что в моих силах...

— Значит делай больше. По твоим уверениям, я отпустил этого льва. Ты утверждал, что с его помощью наконец сможешь найти эти гнезда, а между тем прошло уже почти половина полного лунного лика и что же? А ничего, — почти прорычал предводитель и замолчал, однако через несколько мгновений продолжил. — Или до конца этой луны ты предоставишь мне достаточно прыгунов, способных преодолеть стены логова, или вместе с этим никудышным охотником отправишься к Древним. Пошел прочь!

Послышались торопливые шаги. Мио отпрянул в сторону, не желая быть обнаруженным, поспешно отступил в густую тень стоящего рядом с укрытием валуна. Едва он это сделал, как из укрытия буквально выскочил Гарт и поспешил прочь. Мио тоже не стал задерживаться и отправился к их с ним укрытию, где он жил вместе с Гартом, после того как его выпустили из клетки под поручительство Гарта. Когда он туда вошел, то застал там своего неожиданного покровителя и тот был явно не в духе. Бросив на Мио короткий взгляд, он буркнул:

— Где тебя носит?

Мио же невозмутимо произнес:

— Готовил припасы. Нам нужно уйти далеко на юг, чтобы найти гнезда.

Гарт смерил его внимательным взглядом, в котором читалось явное недоверие, но Мио спокойно выдержал его, не поведя и усом. Наконец, тот отвел глаза:

— Помнится, недавно ты утверждал, что нам нужно идти на запад, а сейчас говоришь это. Ты вообще знаешь, где их искать?!

Мио в ответ промолчал, Гарт же, проворчав себе под нос что-то неразборчивое, решительно пошел к выходу из их укрытия. Но прежде чем выйти, поравнявшись с молодым львом, остановился на миг и тихо произнес:

— Что же, остаётся надеяться, что они найдутся. Мне надоело обследовать лишь их пустые гнезда и не только мне одному. Так что для нашего же блага мы должны найти нечто более существенное, чем пустые коконы, иначе нам обоим не поздоровится.

Он снова пристально посмотрел на своего подопечного и наконец вышел прочь. Мио же последовал за ним. Пройдя на окраину лагеря химер, они сели на спины двух небольших плевалыщиков. Эти безмолвные использовались для ловли живой добычи, ибо обладали способностью при необходимости выплевывать весьма клейкую субстанцию. При попадании на добычу та мгновенно лишалась способности свободно двигаться. Кроме того, при попадании этой массы на незащищенную прочной броней шкуру или кожу любого существа, она производила на жертву одурманивающий эффект, облегчая охотнику поимку дичи. Как и шипохвосты, приручение и обучение плевалыщиков было весьма трудным

занятием, но Гарт, как уже успел за время их близкого знакомства убедиться Мио, был весьма искусен в том, чтобы приручать и обучать всевозможных безмолвных, более искусного мастера в этом он еще никогда не то что не встречал, но даже не слышал.

Между тем пристегнув к упряжи небольшие походные сумки, в которых находились необходимые для их похода припасы, они оба уселись верхом на округлые, покрытые мелкими жесткими волосками брюшка своих безмолвных, и отправились в путь. Пройдя по тоннелю, они оказались за пределами обители Древних. Тут Мио замер, приказав своему безмолвному остановиться. С тоской глядя в ту сторону, где находилось его родное логово, снова как уже тысячи раз до этого, он вспоминал о своем доме и об оставленных им родных, чувствуя теперь после услышанного им обрывка разговора невероятную тревогу за их судьбу, предчувствуя, что сейчас им всем грозит беда, предотвратить которую он был не в силах. Эти мысли наполняли его бессильной злостью, от которой он до боли сжал зубы.

Впрочем, долго предаваться своим мыслям ему не позволили — из задумчивости его вывел недовольный окрик Гарта. Тяжело вздохнув, он повернул своего безмолвного в сторону и приказал идти вперед, следом за плевалыщиком своего покровителя. Ехали они в полном молчании, Гарт пристально всматривался в поверхность земли под лапками их безмолвных. Мио же лишь плелся следом, глядя куда-то в пространство невидящим взглядом и, казалось, находился сейчас где-то далеко отсюда. В конце концов, это заметил его спутник и тут же выразил свое полное неудовольствие этим обстоятельством:

— Эй, может все же повнимательнее будешь искать? Между прочим, от этих поисков зависит не только моя, но и твоя шкура.

Он хотел было еще что-то сказать, но вдруг совершенно неожиданно, по-видимому испугавшись его громкого окрика, словно из-под земли в нескольких шагах от них выскочило существо, при виде которого он буквально взвизгнул от радости. Мгновенно забыв обо всем на свете, что было сил погнался своего плевалыщика за ним, из-за всех сил стараясь не упустить весьма прыткое создание.

Существо имело весьма причудливый вид: короткое тело, похожее на огромный стебель, и весьма длинные лапы, втрое превышающие длину всего существа. Оно передвигалось огромными прыжками, подпрыгивая на такую высоту, что едва было видно на фоне неба. Гарт безжалостно подгонял своего безмолвного, желая во что бы то ни стало догнать странное создание. Но вот после длительной погони, когда казалось, что сил плевалыщиков уже не хватит, чтобы продолжить эту гонку, существо, которое тоже к тому времени потратило немало своих сил, опустилось на землю и вдруг изменило свой цвет, приобретя оттенок самой земли и буквально слившись с ней. Если бы те, кто догонял его, заранее не увидели то место, куда оно приземлилось, то возможно пронеслись мимо, не заметив его. Но на беду существа они его увидели. Приблизившись, Гарт отдал приказ своему плевалыщику применить оружие. Тот немедленно выпустил клейкую струю, и существо беспомощно задергало своими лапками, стараясь убежать, но не смогло даже сдвинуться с места.

Между тем Гарт спустился со своего усталого безмолвного и почти вплотную приблизился к обездвиженному существу. Не скрывая своей радости, он стал изучать его. Затем убедившись, что им попался именно тот, кого они разыскивали столько солнцеходов подряд, он призвал своего спутника и вместе с юным львом они, используя веревки, привезенные с собой, связали существо. После этого надежно закрепив концы пут на упряжи своих безмолвных, они потянули своего пленника за собой.

Оказавшись снова в лагере химер, пойманного безмолвного поместили в давно

приготовленный для него загон. После чего Гарт наконец смог продемонстрировать его предводителю. Тот с сомнением посмотрел на существо:

— И по-твоему на этом мы сумеем преодолеть стены логова?!

— Да, как только я приручу его.

— Ну что же, отлично. Надеюсь, это не займет много времени, мы и так слишком много его потратили на это дело.

— Да, но нужно наловить еще, одного уж точно будет недостаточно, а для этого мне понадобится гораздо больше ловцов.

В ответ предводитель снисходительно кивнул и вышел прочь из загона, оставив Гарта хлопотать над своим новым питомцем. В то время, как Мио, наблюдая за ним, чувствовал себя так, словно совершил нечто настолько мерзкое, что вдруг превратился в самого гнусного предателя за всю историю сотворенного Древними мира. И от этого осознания, которое буквально рвало его естество на части, ему хотелось рычать и выть, одновременно круша все вокруг. Однако все, что он мог — лишь молча наблюдать за всем происходящим, не в силах хоть что-то изменить.

Все последующие солнцеходы почти все химеры по приказу своего предводителя были заняты ловлей новых экземпляров прыгунов. Занятие это оказалось весьма нелегкое, и некоторые охотники при этом были ранены не желающими вот так просто оказаться в плену прыгунами. Но не это было самой главной проблемой. По каким-то непонятным причинам уже пойманные прыгуны вдруг стали погибать, что приводило Гарта в полное недоумение, а вот предводителя буквально обуревало бешенство. Так как сколько они не ловили столь необходимых для их планов безмолвных, их количество не увеличивалось, а наоборот уменьшалось.

Гарт буквально потерял покой и сон, не понимая, что происходит. Однажды так и не сумев в очередной раз уснуть, он отправился в загон к прыгунам и там совершенно неожиданно для себя обнаружил Мио. Его появление застало юного льва врасплох, так что он даже замер от неожиданности. Гарт увидел в его лапах небольшой сверток — нахмурившись, он буквально выхватил его, так что тот не успел ничего сделать. Открыв его, он сразу почувствовал, как в нос ему ударил сильный терпкий запах. В нем находились семена пылеона.

Они были весьма мелкими, похожие больше на пыль. Он с недоумением посмотрел на Мио, не понимая, зачем те ему понадобились, но тут он услышал шорох. Оглянувшись, он увидел одного из прыгунов, лежащего на спине и беспомощно дергающего задранными кверху лапками. Подойдя к нему и наклонившись над несчастным существом, он увидел едва заметные семена вокруг его дыхалец — небольших отверстий на его брюшке, через которые прыгун дышал. И тут Гарт все понял — семена попали тому в его дыхальца и забили их, так что несчастное существо не могло больше дышать и просто задохнулось. Глухо зарычав, Гарт подступил к Мио, вид у него был такой, словно он самолично готов того загрызть.

— Ты что, берл тебя побери, натворил?!

Он подступил к Мио вплотную, сверля взглядом, а его губы то и дело подергивались, обнажая короткие клыки. Однако Мио сохранял абсолютное спокойствие, по крайней мере внешне. Невозмутимым тоном он произнес:

— Я не позволю навредить моему племени и сделаю все, чтобы защитить их. Можешь идти и доложить обо всем своему хозяину, мне на это наплевать.

В ответ Гарт снова глухо зарычал, но Мио лишь отвернулся от него и, не произнося

больше ни слова, вышел прочь из загона. Он вернулся к их с Гартом укрытию и сел возле входа, молча глядя на звезды над своей головой и ожидая, что вот-вот за ним придут. Несмотря на то, что он был уверен, что остаётся в этом мире свои последние мгновения, впервые за долгое время у него было легко на сердце. Однако время шло, а за ним никто так и не пришёл. Незаметно для себя он заснул, прислонившись к грубой поверхности стены укрытия.

Разбудил его яркий свет утреннего солнца. Поднявшись, он помедлил и заглянул в укрытие — Гарта там не оказалось. В растерянности Мио побрел к загону с прыгунами, но едва он попытался туда войти, как услышал грозный окрик Гарта, велевшему ему убираться прочь. С того дня Гарт буквально поселился в загоне, не оставляя своих подопечных ни на миг и не допуская, чтобы Мио к ним приближался. Когда же он покидал загон, то держал Мио под постоянным присмотром, буквально не давая тому без его ведома и шага сделать.

С тех пор пойманные химерами прыгуны перестали погибать, к немалому ужасу Мио, понимающему, что это для его племени означало только одно — скорое и неминуемое уничтожение. Это не давало ему покоя, но он ничего не мог с этим поделать. На охоту за новыми прыгунами его теперь брали очень редко, ибо уже известных гнезд, которые обнаружили недалеко от того места, где был пойман первый прыгун, было более чем достаточно.

Все чаще он оставался в лагере, выполняя всевозможную грязную работу для химер, цель у которой была лишь одна — унижить пленника. И вот однажды, когда он выполнил очередное такое "поручение" на одной из дальних окраин лагеря, возвращаясь к их с Гартом укрытию, в котором, к слову, ему все еще позволено было жить, хотя он был совершенно уверен, что его снова запрут в клетку. Но похоже, несмотря на все произошедшее, Гарт продолжал держать свое слово, данное ему, когда он дал согласие помочь тому найти прыгунов. И вот проходя вблизи укрытия предводителя, он внезапно увидел стоящего рядом с ним твердокрыла и с первого же взгляда он узнал его — это был ездовой безмолвный его старшего брата.

— Рау, здесь?! — невольно воскликнул он в пустоту, ибо рядом с ним никого на тот момент не оказалось.

Чувствуя при этом, как его мысли вдруг потеряли свою стройность, понеслись с невероятной скоростью в совершенно разные стороны, словно растревоженный рой жужелиц. Не в силах справиться с собой, он приблизился к укрытию предводителя и замер, прислушиваясь и стараясь понять, что происходит внутри. При этом судорожно сжал в кулаке рукоять небольшого костяного ножа, которым ему было позволено пользоваться, ибо с его помощью невозможно было причинить сколь бы значительный вред кому бы то ни было. Все же, если Рау действительно в плену, Мио без колебаний был готов его пустить в ход, чтобы помочь тому, чего бы это ему самому ни стоило.

Из укрытия доносились приглушенные звуки разговора, и хотя говорившие явно старались говорить как можно тише, юный лев все же узнал их. Один точно принадлежал предводителю химер, но вот второй, он хоть и был Мио точно знаком, но все же он не был до конца уверен, что это голос его старшего брата. Осторожно приблизившись к опущенному на входе в укрытие пологу, он, все еще сжимая нож и готовый в любой момент напасть на врага, кем бы тот ни был, прислушался к голосам, напрягая свой слух до предела.

— Это более чем серьезно, глава служителей лунного лика вознамерился провести великий обряд воззвания, и вскоре собранные под его началом служители будут здесь. Тогда

наш секрет будет неизбежно раскрыт. Вам всем нужно уйти и скрыться на время.

Предводитель пренебрежительно фыркнул:

— Тоже мне проблема, пусть приходят. Вряд ли кто-то уйдет отсюда, уж это я могу совершенно точно гарантировать вам, так что зря волнуетесь. Можете совершенно спокойно возвращаться назад и ни о чем не волноваться.

— При всем моем уважении, я так не думаю. Мне стоит немалых усилий, чтобы продолжать усыплять внимание владыки, особенно после того, как пришлось убить одного из его младших детенышей. Также больших трудов стоило спихнуть вину за его гибель на голову Мио. А когда пропадет огромная группа служителей, да тогда сам владыка отправится сюда и всему конец, всем нашим планам и...

Мио стоял за пределами укрытия и чувствовал, как его бьет мелкая дрожь от охватившей его ярости. Он поверить не мог, что слышит слова собственного брата. Узнав же об убийстве младшего брата, он окончательно потерял всякое самообладание и с яростным ревом бросился внутрь укрытия. При этом он умудрился зацепить край полога и, потеряв равновесие, буквально ввалился внутрь, приведя в полное замешательство находящихся там. В полумраке он сумел различить две фигуры: одна из них была в тени, закутанная в дорожный плащ. Именно к ней и метнулся Мио с яростным ревом, сжав в лапе свой нож. Не прошло и пары мгновений, как он буквально сгреб фигуру, подминая под себя и нанося беспорядочные удары своим неказистым клинком, который после пары его ударов сломался. Юного льва это не останавливало — он продолжал бить обломком, норовя во что бы то ни стало добраться до горла своего противника.

Очнувшись от шока внезапного нападения, его противник, издавая истошный вопль, больше похожий на визг загнанного безмолвного, отчаянно стал пытаться сбросить его с себя и освободиться, но ему это никак не удавалось. Мио держал своего противника, подобно голодному таратугу свою жертву, и тут ему на помощь пришел сам хозяин укрытия. На голову юного льва обрушился всепоглощающий удар, а за ним еще один и еще. Они следовали один за другим, до тех пор пока перед его глазами не появилась алая пелена, а лапы помимо его воли не ослабли, так что его жертва наконец смогла вырваться. Тут он услышал снова его голос, срывающийся на визг:

— Что он тут делает?! Убейте его немедленно, слышите, сейчас же!!!

Мио попытался подняться, но на него тут же обрушился новый сокрушающий удар, который в то же мгновение отправил его в крошечную всепоглощающую тьму. Очнувшись он от того, что кто-то лил на его голову воду, которая живительной силой стекала по его морде и груди. Застонав, он попытался пошевелиться, но не смог — его передние лапы были крепко связаны где-то у него над головой, а сам он полустоял, полувисел на них. С трудом он открыл слипшиеся и опухшие глаза, и его тут же ослепил яркий свет. Глухо застонав, он зажмурился и, опустив голову, потряс ею, стараясь избавиться от шума в ушах и одновременно с этим понять, где он и что с ним произошло. Однако долго задаваться этим вопросом ему не пришлось — раздался голос Гарта:

— Ну что, живой?

Мио в ответ смог лишь выдавить из себя какие-то невразумительные звуки. И в то же мгновение он почувствовал невероятно резкий отвратный запах. Гарт сунул ему под нос пучок каких-то растений, от запаха которых Мио поневоле отпрянул, насколько это позволяло его положение.

— Эй, прекрати, что за дрянь?! — прорычал он, с трудом узнавая свой собственный

голос, настолько хрипло он прозвучал. — Где я, что происходит?!

Он стал дергаться, пытаясь освободиться, но разорвать сдерживающие его путы ему было явно не под силу.

— Можешь не стараться, — в голосе Гарта звучали нотки еле заметной издевки.

Однако Мио все же сделал еще несколько бесплодных попыток, но в конце концов безвольно повис в своих путах, и тут снова заговорил Гарт:

— Ну что, убедился? Без помощи тебе не выбраться, а помочь тебе могу только я.

Мио угрюмо смотрел на него. Ничего не говоря, но тот, похоже, и не ждал его ответа и лишь продолжил:

— Итак, для начала я хочу знать, хочешь ли ты еще побыть в этом мире или тебе не терпится отправиться в обитель Древних?

Мио пристально посмотрел ему в глаза и тут он вспомнил о своем брате. В его груди снова заклокотала ярость, он точно не был готов отправиться в пределы Древних. Этот недобрый блеск в его глазах не ускользнул от внимания Гарта, и он, довольно фыркнув себе в усы, снова заговорил:

— Отлично, вижу, пожить тебе еще хочется. Что же, я помогу тебе с выполнением сего желания, если ты поможешь мне. Ответ нужен немедленно, ибо времени у нас обоих немного.

— Времени?!

— Ага, предводитель намерен с первыми лучами солнца отправить тебя в обитель Древних. После того, как ты напал на его высочайшего гостя, он точно исполнит это. Тем более, что на этом весьма настаивает последний. Он прямо рвал и метал, требуя твою голову, иначе перестанет помогать. Сам понимаешь, на такое точно не отвечают отказом. Особенно после того, как ты потерял для него всякую ценность. Так что, повторюсь, времени мало, особенно у тебя.

Мио на мгновение закрыл глаза, но почти в то же мгновение глухо произнес:

— И что же ты хочешь от меня?

— Чтобы ты помог мне и моему грузу благополучно добраться до великой водной глади.

Мио с удивлением посмотрел на него. Ни разу за все время их знакомства он не замечал того, что Гарт желал покинуть отряд химер. Впрочем, сейчас его это точно волновало в последнюю очередь. Утвердительно кивнув Гарту, тот, не теряя времени, подошел к нему и, с немалым трудом дотянувшись до его пут, перерезал их. Как только его лапы освободились, юный лев обессиленно свалился, едва сдерживая рвущийся из его груди стон от сильнейшей боли во всем его теле, а особенно сильно затекших лапах. Однако медлить было нельзя — едва его конечности снова стали ему подчиняться, как он, пошатываясь, встал на лапы и последовал за Гартом.

Вместе они обошли лагерь, отправившись в сторону загонов, где содержались все безмолвные химер. По пути Мио с удивлением отметил необычную тишину вокруг, словно не было ни единого живого существа, кроме их двоих. Та же тишина встретила их и в загонах, что было совсем необычно, ибо, по крайней мере, при приближении к ним Гарта их обитатели всегда волновались, чувствуя своего покровителя, которого они знали зачастую с самого своего появления на свет. Однако, как только они вошли внутрь, и светильник Гарта озарил часть загонов, Мио понял, почему это происходило. Все обитатели, по крайней мере, те, кого он мог разглядеть, лежали на спине и были совершенно неподвижны. С недоумением он посмотрел на своего спутника, но тот молча прошел в дальний угол и

достал оттуда весьма увесистый сверток и без лишних слов вручил его Мио.

— Идем, — коротко скомандовал он.

Они покинули загоны и отправились к выходу из лагеря. На входе возле тоннеля Мио ждало еще одно невероятное открытие — химеры, которые должны были стоять на страже, лежали на земле. Сначала Мио решил, что те, как и безмолвные, мертвы, но тут один из них, заворочавшись, сильно всхрапнул. Тогда лев понял, что тот всего-навсего крепко спит. Знаком Гарт велел Мио взять оружие одного из стражей, а сам, подобрав копьё второго, поспешно вошел в тоннель. Какое-то время они шли молча, но вот Мио не выдержал и тихо спросил:

— Это ты их всех, что ли?

— Ну уж точно не Древние.

— А безмолвные они ведь все...

— Мертвы, — сухо произнес Гарт, но Мио все же успел заметить, как дрогнул его голос, и при этом его спутник с трудом сглотнул.

Помедлив несколько мгновений, он продолжил, словно стараясь объяснить свой поступок:

— Нам нужно как можно больше времени, а без них они не смогут устроить за нами серьезную погоню, по крайней мере, достаточно быстро. Да и к тому же теперь твоему племени они не смогут причинить тот вред, на который рассчитывали.

Гарт замолчал, а Мио какое-то время не решался нарушить молчание, но вот он тихо произнёс:

— Спасибо!

— Оставь свои благодарности при себе. Береги груз, иначе, клянусь Древними, если с ним хоть что-то случится, ты пожалеешь, что не остался дожидаться своего последнего вздоха.

Эта угроза из уст Гарта звучала забавно, так что Мио лишь насмешливо фыркнул в ответ. А между тем они наконец вышли из тоннеля и, оказавшись за его пределами, углубились в россыпь камней. По едва заметной тропе Гарт вел Мио куда-то вглубь неприступных скал, а тот просто шел следом, решив полностью довериться ему, тем более что выбор у него был невелик. Преодолев немало каменных преград, они оказались на небольшой площадке, и тут Мио увидел пару мирно дремлющих твердокрылов. Похоже, Гарт давно готовился к своему "отбытию" из отряда химер. Не дав Мио произнести и слова, он взял у него сверток и бережно, но надежно закрепил его на теле одного из безмолвных, после чего нетерпеливо поторопил Мио, слегка замешкавшегося. Когда тот сел на второго твердокрыла, они направили их на север, туда, где находилась великая водная гладь, к которой Мио предстояло сопроводить своего спасителя.

Мио смотрел на искорки, пробежавшие по поверхности их с Гартом временного укрытия, вдыхая слегка гнилостный запах, который оно источало, так как на очередной свой ночлег они расположились в упавшем и уже частично разложившемся гигантском стволе некогда могучего растения. Теперь же этот исполин был лишь прибежищем мелких безмолвных, помогавшим ему снова стать частью этого мира, да двух беглецов. Рядом спал, слегка похрапывая Гарт, Мио же, напротив, не мог никак заставить себя заснуть, несмотря на усталость. Снова его мысли были заняты старшим братом — снова и снова у него в голове не могло уложиться то, что тот оказался предателем, объединившимся с их злейшим врагом,

которого, как думал всегда Мио, тот стремился уничтожить во что бы то ни стало. Но все, что он узнал, говорило об обратном, и именно это юный лев никак не мог понять. Хотя именно теперь было совершенно ясно почему все попытки по уничтожению химер были провальными. Все буквально встало на свои места. Но именно поэтому все выглядело еще большей бессмыслицей, чем прежде. И снова, и снова он задавал себе один и тот же назойливо мучительный вопрос: Почему? Зачем Рау это было нужно?

То, что один из сыновей старого главы племени стремился занять его место, не было для него чем-то удивительным. Рано или поздно так должно было случиться, но то, как тот решил это сделать, буквально повергло Мио в полное недоумение. Он давно уже был лидером их боевых отрядов и уже многие лунные лики именно в нем видели будущего главы племени огненных львов востока. Он в любой момент мог бросить вызов и занять место их отца, и никто бы не стал этому противиться. Так зачем ему понадобилось объединяться с химерами? Но как бы он ни старался, не мог найти хоть сколько-нибудь разумный ответ. Однако пока он в очередной раз бился над этим неразрешимым вопросом, усталость все-таки взяла свое, и он незаметно погрузился в мир тяжелых сновидений.

Проснулся он от странного шума. Открыв глаза, он какое-то время настороженно прислушивался, звуки доносились из-за пределов их укрытия и напоминали суету множества безмолвных. На мгновение ему подумалось о погоне и что их каким-то образом настигли химеры. Приподнявшись со своего места, он посмотрел туда, где спал Гарт, но того там не оказалось, что еще больше встревожило его. Остатки сна мгновенно исчезли из его сознания, а сердце тревожно забило. Стараясь не производить лишнего шума, он осторожно подобрался к выходу, выглянул наружу и тут же с облегчением выдохнул.

Шум, который его разбудил, оказалось, происходил от небольшой стайки млечников, которые, похоже, пришли сюда в поисках корма. А шумели они оттого, что за ними, стараясь попасть в них копьём, бегал Гарт. Мио, раздосадовано выругавшись себе под нос, поспешил остановить не слишком удачливого в делах охоты, с помощью оружия спутника и остановил его как раз в тот момент, когда тот, загнав одного из безмолвных в небольшую расселину, образованную стволом и несколькими его ветвями, поднял свое копьё, чтобы прикончить того.

— Эй, прекрати, мало нам того, что за нами химеры, возможно, до сих пор охотятся, так еще не хватало ополчить против себя местных погонщиков!

Воспользовавшись моментом, безмолвный юркнул между их лап и поспешил прочь, забавно перебирая своими коротенькими лапками, больше напоминающими отростки его огромного брюшка. Гарт раздраженно отдернул свою лапу и недовольно проворчал:

— Нам нужно есть, а потеря всего одного никому особого ущерба не принесет.

— Я сказал нет. Кем бы ни были хозяева этих млечников, они находятся на земле моего племени, а стало быть, под моей защитой.

Он замолчал и какое-то время они напряженно смотрели в глаза друг другу, нервно подрагивая кончиками хвостов. Гарт недовольно фыркнул и, произнеся что-то неразборчивое, но весьма злобное, отошел в сторону. Мио же слегка расслабился и уже более миролюбиво произнес:

— К тому же, мы вполне можем утолить голод и даже пополнить наши запасы, не причиняя никому вреда.

— Это каким образом будем питаться, подобно безмолвным?

Вместо ответа на едкое замечание своего спутника Мио приблизился к одному из

ближайших млечников. Тот попытался отбежать в сторону, но Мио успел схватить его и слегка прижал, не давая убежать и ласково поглаживая, при этом чувствовал под своими пальцами его теплую мягкую на ощупь кожу. Он стал тихо уговаривать его успокоиться. Когда ему это удалось, он стал тихонько сжимать его округлые бока, и вот на кончике его брюшко, там, где оно заканчивалось, небольшим хоботком стала образовываться капля субстанции бело-желтого цвета, чем-то напоминающей сок некоторых растений. Когда капля стала достаточно большой, Мио осторожно взял ее.

Вещество было достаточно плотным, чтобы не растекаться у него в лапах. Отойдя от млечника, он откусил от массы часть и с наслаждением проглотил, почувствовав, как его рот заполняется сладковатой густой массой. Проглотив свою часть, он подошел к Гарту и протянул ему остатки лакомства. Тот с сомнением взял угощение и некоторое время с подозрением смотрел на странное вещество, но в конце концов, осторожно откусил от него часть и проглотил. Через мгновение с жадностью заглотив все остальное с наслаждением, облизав свои слегка липкие пальцы.

— Что это такое?!

— Молочко млечника, именно ради него местные и разводят их. Это, конечно, не мясо, но по питательности его вполне хватит, чтобы напитать наши тела нужной нам силой. Кроме того, мы сможем взять его с собой, оно довольно долго не портится, в нем даже порой сохраняют другие продукты. Мне казалось, тебе это должно быть известно, млечники не являются уж такой редкостью. Гарт смущенно опустил глаза.

— Я не успел изучить многих из местных безмолвных, а когда попал к химерам в плен, то их волновали лишь мои познания о тех безмолвных, которые могли им быть полезны в бою.

— В плен? Что-то не очень ты был похож на того, кого там удерживали силой.

— Представь себе, можно быть пленником, даже не имея цепей.

— Ну извини, после того, как ты так вольно обращался к предводителю, да еще то, что он так часто исполнял, что ты ему велел, как-то при этом совершенно было странно решить, что ты с ними не по собственной воле.

— Это все потому, что я смог расположить к себе, продемонстрировав, что буду им гораздо полезнее живым, чем мертвым.

— Но почему ты раньше не сбежал? Ведь то, что ты сделал при нашем побеге, мог спокойно сделать гораздо раньше?

— Потому что я не знал, куда мне бежать, я ведь не местный. Думаю, ты это давно понял, вряд ли ты хоть раз встречал представителей моего племени.

Мио с явным удивлением посмотрел на него, после чего смущенно пробормотал:

— Я думал, ты один из них.

Гарт в ответ нахмурился, однако предпочел промолчать по этому поводу и просто продолжил:

— Нет, я такой же истинный представитель моего родного племени, как и ты своего. Я прибыл сюда из-за великой водной глади из северных пределов. Хотел изучить новые виды безмолвных, которые существуют только здесь, но почти сразу оказался в лапах химер. Мне нужен был кто-то, кто мог стать моим проводником, кто-то, кому я мог довериться, ибо ошибка стоила бы мне жизни. Никакие заслуги бы не остановили в случае провала предводителя от того, чтобы отправить меня в обитель Древних. А мне еще как-то хочется побыть в этом мире.

Тут он замолчал, и какое-то время они сидели, молча наблюдая за млечниками, которые к тому времени совсем успокоились и теперь, лениво передвигаясь, собирали наросты на поваленном стволе вокруг них.

— Слушай, так почему, когда я спросил, из какого ты племени, ты сказал, что его у тебя нет?

— Потому что я покинул его давным-давно и с тех пор не возвращался туда. А так, чтоб ты знал, я представитель племени енотов серебряного леса.

Они снова замолчали и продолжили отдыхать почти до самого наступления ночи. Снова переночевав в поваленном стебле, уже на следующий день они занялись сбором припасов, состоящих на сей раз из выделений млечников, которые с новыми лучами солнца снова вернулись к их укрытию. Наконец, когда все, что только могло быть использовано в качестве емкости для их новых припасов было заполнено, они продолжили путь на север.

Наконец им стали попадаться жилые постройки, а не только временные укрытия погонщиков, а воздух перестал быть настолько сухим, что то и дело им приходилось смачивать их совершенно пересохшие носы. Проведя верхом на твердокрылах еще какое-то время, они достигли логова на берегу великой водной глади. Расспросив местных обитателей, они узнали, где можно найти тех, кто готов был перевести желающих на другую сторону. Однако тут они столкнулись с другим вопросом, о котором за все время своего бегства ни разу не задумались, думая только о том, чтобы их не настигли химеры. У них не было ни единого солнечного камня, а за предстоящее путешествие нужно было платить, и по местным меркам совсем немало. И этот вопрос им нужно было решать как можно скорее, ибо не то что на путешествие, но даже на остановку в убежище им были они нужны.

— Похоже, стоило позаимствовать у химер не только провиант и оружие, но сотню-другую солнечных камней, — с досадой произнес Мио, когда они, бродя по логову, приблизились к одному из местных убежищ и остановились около него, раздумывая, где им теперь провести ночь.

И тут его услышал вышедший в тот самый момент из данного заведения коренастый самец калана. На нем была весьма странная, не похожая на то, что носили местные обитатели, одежда, но весьма добротная. Сразу было видно, что ее хозяин явно не из тех, кто будет заглядывать в кошель за каждым камнем и точно знает цену всему. Мио уже встречал подобных представителей этого племени всего пару раз, и то, когда по воле случая попадал в места подобных этому, расположенных в основном около водных путей. Как правило, это были торговцы, прибывших из-за пределов великой водной глади. Похоже, и этот был из их числа.

— Господа, позвольте, если вам нужны солнечные камни, вы можете продать что-то из своего имущества, например, ваших твердокрылов. Насколько я могу судить, они принадлежат к весьма редкому виду и могут стоить пару-другую больших горстей камней.

Мио и Гарт переглянулись, после чего Мио обратился к неожиданному собеседнику:

— Хорошая идея, может, вы тогда подскажите, где можно найти торговца, который готов был бы их у нас купить?

В ответ тот не торопясь спустился с крыльца и подошел к твердокрылам. Те с беспокойством стали перебирать лапками, однако калан со знанием дела успокоил их и стал внимательно осматривать, то и дело стирая с их панцирей дорожную пыль. Наконец, он снова заговорил:

— Ну, если сойдемся в цене, я мог бы купить их у вас.

— И сколько же вы готовы заплатить?

— Давайте зайдём в убежище и все как следует обсудим в спокойной обстановке. Само собой, угощение и напитки за мой счёт. Кстати, меня зовут Танек, я торговец, как я думаю, вы уже догадались, и специализируюсь на безмолвных. Идёмте.

Переглянувшись, Гарт и Мио слегка поколебались, но все-таки приняли приглашение. Внутри в общем зале они расположились за одним из столов, и когда по знаку их внезапного знакомого им принесли напитки и легкие закуски, они начали торг, продлившийся несколько часов. Но вот наконец они сошлись в цене, и пока Мио ушел за их немудреным имуществом, не входящим в сделку, Гарт остался принять оплату. Когда Мио принес их вещи, среди которых был и сверток, которым Гарт дорожил больше всего, он уже пересчитывал поблескивающие в свете зажжённых к тому времени светильников камни, одновременно складывая их в небольшой поясной кошель. Мио устало опустил на стол их вещи, но сделал это слегка небрежно, отчего Гарт даже испуганно охнул, когда его драгоценный сверток слегка стукнулся о поверхность каменного стола:

— Эй, сколько раз просил быть поосторожнее!

В ответ Мио лишь буркнул нечто неразборчивое. Но вот наконец Танек ушел, а они, тут же наняв себе большую комнату на двоих в этом же убежище, за многие солнцеходы смогли предаться полноценному отдыху. На следующий день Гарт, не желая терять времени понапрасну, занялся поиском того, кто мог бы отвезти его в его родные земли, а Мио остался в убежище, стараясь понять, что ему делать дальше. Так продолжалось один солнцеход за другим. Гарт все никак не мог найти желаемого, ведь уже близился сезон больших дождей, и к этому времени движение на водных путях обычно прекращалось, ибо было весьма небезопасно и мало кто отваживался в это время совершать достаточно долгое путешествие по великой водной глади.

Но упорный енот не прекращал поиски и порой возвращался, лишь когда на небе появлялся лунный лик. Мио не раз предупреждал его об опасности таких прогулок, ведь в больших логовах подобно этому, где частыми гостями были торговцы с полными солнечных камней кошельками. Промышляли и те, кто был не прочь взять с них свою "дань". Но похоже Гарт не слишком прислушивался к этим словам — как и следовало ожидать, последствия не заставили себя долго ждать.

И вот однажды Мио в одиночестве мирно дремал в их комнате, растянувшись на ложе, как вдруг его легкий сон был прерван каким-то странным приглушенным, не то стоном, не то всхлипом. Вздвогнув, он прислушался, но лишь смог разобрать какой-то неясный шорох, доносившийся из-за пределов убежища откуда-то с улицы.

Помедлив мгновение, он решил выглянуть и проверить, что там происходит. Открыв ставни, стал внимательно всматриваться в полумрак, который уже царил к тому времени за пределами убежища. И тут он увидел неясные тени, которые весьма странно себя вели, словно их отбрасывали сцепившиеся ползуны. И именно от них исходили странные звуки и шорохи. Немного поколебавшись, Мио все-таки решил проверить, что там могло быть. Ловко вспрыгнув на подоконник, он едва слышно спрыгнул вниз, благо их комната располагалась не слишком высоко над землей. Крадучись подошёл к теням и в темноте он вполне ясно увидел мелькнувший полосатый хвост, и он точно знал, кому тот принадлежал.

Молнией он бросился туда и уже через мгновение схватил кого-то весьма юркого. Не теряя ни минуты, он отшвырнул того в сторону и подступил к следующему, все еще пытавшемуся с кем-то или чем-то справиться. Однако незнакомец, очертаний которого из-за

темноты он не мог ясно рассмотреть, вдруг зашипел и выхватил клинок, блеснувший в неясном лунном свете, и стал беспорядочно размахивать им, метя во внезапного противника. И только природная ловкость и немалая смекалка, выработанная кропотливыми тренировками позволила Мио не только избежать ранения, но и нанести в ответ нападающему сокрушительный удар, отчего тот буквально отлетел к противоположному зданию, где однако, хоть и пошатываясь, встал на лапы и, больше не желая продолжать схватку, припустил куда-то в темноту, куда уже успел скрыться его напарник.

Переведя дух, Мио посмотрел туда, где увидел мелькнувший полосатый хвост — там оказался его обладатель, и он был совершенно неподвижен. Подняв Гарта с мостовой, он отнес его в их комнату и там, потратив какое-то время, смог привести того в чувства. Тот, едва открыв глаза, схватился за свой бок, после чего обреченно застонал и, обессиленно упав на ложе, стал буквально завывать, словно был смертельно ранен.

— Эй, что с тобой, может врачавателя позвать? — с тревогой произнес Мио, растерянно глядя на него и не понимая, что происходит.

В ответ же Гарт лишь жалобно простонал:

— Кошель, они забрали его.

Мио молча опустился на свое ложе. Он все отлично понял — те грабители лишили Гарта всякой надежды вернуться к себе. Найти злодеев не было ни малейшего шанса. Постепенно Гарт стих и, судя по ровному дыханию, наконец смог уснуть. Мио тоже лег и вскоре также заснул.

Все последующие солнцеходы Гарт приходил в себя после пережитого нападения. Он почти не выходил из комнаты, благо, что они оплатили ее заранее и какое-то время можно было об этом не беспокоиться. Но о всяком возвращении домой ему можно было забыть, если не навсегда, то на весьма долгое время, ведь снова было нужно искать солнечные камни на оплату пути. Взяв себя в лапы, снова засобирался в логово. Но прежде чем уйти, он впервые за все время достал свой драгоценный сверток и осторожно развернул его. И тут Мио увидел то, над чем буквально трясся его спутник. В свёртке лежали яйца, принадлежащие разным видам безмолвных.

— Все это время ты вот это охранял и берег?!

Мио был в равной степени изумлен и возмущен, вспомнив, сколько раз Гарт рисковал их жизнями для спасения этого "сокровища". Стоило только возникнуть угрозе того, что сверток может быть поврежден.

— Великие Древние, какие-то яйца, поверить не могу!

— Ты не понимаешь, я потратил многие и многие лунные лики на то, чтобы собрать их. Это, можно сказать, дело почти всей моей жизни. Но... — он замолчал, судорожно сглотнув, словно что-то мешало ему говорить, но сделав глубокий вдох продолжил. — Но теперь это мой последний шанс попасть в мой родной мир. Я хочу поискать в этом логове, возможно, кто-то купит что-то из этого и мне этого хватит на дорогу.

Последние свои слова он произнес с такой горечью, что Мио мгновенно забыл о своем раздражении. Хоть он и считал Гарта странным, а сейчас вообще не удивился бы, назови его спутника кто-то ненормальным, но все же он был обязан ему своими жизнью и свободой. Так что пошел с ним, решительно отменяя в сторону любые его возражения.

— Еще не хватало, чтобы на тебя снова напали.

Гарт не стал особо возражать. Взяв заветный сверток, они отправились на поиски того, кто мог по достоинству оценить его содержимое и заплатить достойную цену. Проведя

почти весь солнцеход в поисках, они незаметно забрели туда, где располагались платформы, на которых находились те, кто путешествовал по великой водной глади. Хотя на самом деле здесь были лишь своеобразные водные загоны для водоходов безмолвных, с помощью которых, собственно, и происходило передвижение по водной глади. Также здесь находились пливуны — то, в чем путешествовали те, кто отправлялся к иным берегам. Пливуны представляли собой панцирь еще одного невероятно гигантского обитателя водных глубин, который он сбрасывал по мере своего роста и которые после этого вылавливали те, кто превращал их в такие своеобразные водные повозки.

Оказавшись у кромки воды, Гарт остановился с тоской, глядя куда-то вдаль. Мио не мешал ему, отлично понимая, что тот испытывает. Но вдруг до них донесся голос. Оглянувшись, они увидели поднимающегося с одной из платформ пожилого представителя племени выдр, коих среди местных жителей было большинство, и в основном именно им принадлежали все местные водные пути. Следом за ним едва поспевая, шел еще один представитель выдр, но на фоне весьма грузного своего собрата, он выглядел весьма тщедушным и немного потрепанным. Между тем первый громко и причитал, заламывая лапы и нелепо закатывая глаза к небу:

— Ну почему именно теперь, чем я так разгневал Древних?! — сокрушался тот во всеуслышание.

Гарт, помедлив мгновение, подошел к нему и окликнул:

— Что у вас случилось, уважаемый?

Тот остановился и обреченно взмахнул лапами.

— Ой, не спрашивайте, господин хороший. Мои водоходы внезапно захворали, не иначе проклятые конкуренты отравили и это накануне отплытия. Я просто разорен, мне придется вернуть все камни, а главное — моя репутация. Никто больше не захочет ехать со мной, я просто разорен, это конец!

— Погодите, может все не так плохо? Покажите мне их.

— Вам, а вы что же, смыслите в безмолвных?

— Ну кое-что да. В конце концов, вы ведь ничего с этого не теряете.

Слегка поколебавшись тот все-таки, махнув лапой, велел следовать за ним. Все вместе, Мио также отправился с ними. Пройдя по одной из платформ, они попали в небольшие загоны, где содержались водоходы. Безмолвные, способные плавать на очень большие расстояния, и одновременно тащить за собой груз. Какое-то время Гарт внимательно разглядывал их, то и дело дотрагиваясь до их тел. Мио впервые видел этих безмолвных. Они чем-то напоминали твердокрылов, но в отличие от них, они обладали плоскими обтекаемыми телами бурого цвета, а лапки напоминали инструмент для рыхления земли — плоские и очень широкие. Загребая ими воду, они могли развить весьма приличную скорость. Но вот наконец Гарт вышел из водоема, в котором те находились, и посмотрел на хозяина:

— Ну что скажете, господин мой?

Гарт, выдержав паузу и напустив на себя весьма таинственный вид, наконец изрек:

— Дело действительно обстоит весьма серьезно, но все-таки небезнадежно.

— Значит ли, что вы сможете их вылечить?

— Думаю, это мне под силу, однако у меня есть требование.

— Если вы сможете мне помочь, я сделаю все, что только возможно, клянусь Древними.

— Я хотел бы, чтобы вы доставили меня на ту сторону великой водной глади к

северным землям.

Хозяин ответил ему не сразу. На какое-то время замолчал, нахмурившись, но в конце концов согласился, протянув свою лапу в знак заключаемой между ними сделки, а Мио и второму выдре отводилась роль свидетелей.

— Будь по-вашему, господин мой. Если вы сможете вылечить моих малюток, я доставлю вас хоть к самому краю мира, да и знающий смотритель в пути не будет лишним. Учитывая то, что мой нынешний не справился с обязанностями даже здесь, на суше.

Пожав друг другу лапы, они распрощались, и Мио с Гартом отправились к себе. Впервые за долгое время Гарт наконец повеселел. На следующее утро, когда Мио проснулся, того уже не было. Все последующие солнцеходы он возвращался в убежище, уже когда совсем темнело, а уходил, едва лучи солнца начинали освещать мир. Но вот пришло время им прощаться, и накануне они, сидя за столом в общем зале, неспешно наслаждались своей последней совместной трапезой. Гарт увлеченно рассказывал о своем далеком доме, а Мио молча слушал, но вдруг Гарт неожиданно прервал свой рассказ и произнёс:

— Поедем вместе.

— Что?!

— Едем со мной, лучшего охранника мне не найти. Боюсь до того, как я окажусь дома, мне не раз еще будет угрожать опасность не меньшая, чем тогда, когда меня лишили моего кошелька.

— Но, Гарт, я не могу. Здесь мой дом, мое племя и...

— И что? Не хочу тебя обидеть, но ты по-прежнему остаешься лишенным имени. Насколько я понимаю, вернуть его у тебя, по крайней мере, пока нет ни шанса. А без этого ты не сможешь вернуться в свое племя. Скажешь, я не прав?

Мио в ответ промолчал, ему просто нечего было сказать. Да и если он каким-то чудом проберётся в обитель Древних и добудет именной кристалл, что уже на грани чего-то сказочного, при наличии там химер. Оказавшись в своем родном прайде, он снова столкнётся с Рау, и доказать его предательство он не сможет, просто никак, а тот точно сделает все, чтобы на этот раз уже гарантированно отправить его в приделы Древних. В этом у него не было никаких сомнений. А Гарт между тем продолжал:

— Послушай, я ведь говорю о том, чтобы ты просто сопровождал меня, а затем можешь вернуться. К тому времени многое может измениться здесь, по меньшей мере, о тебе забудут. А сейчас, если ты попытаешься добыть себе именной камень, то наверняка попадешь снова в плен к химерам, — подытожил тот.

Мио же молчал, отлично понимая, что Гарт совершенно прав и все-таки отправиться в чужие земли было для него нелегкое решение. Однако промучившись всю ту ночь в раздумьях и взвесив все за и против, он дал свое согласие. Присоединившись к Гарту, когда тот уже собирался покинуть убежище, к немалой радости последнего.

И вот он уже стоит на краю плавучей платформы, на которой был закреплен пловун, наблюдая за мерным движением лапок водоходов, тянущих за собой тяжелую ношу куда-то за край земли, где небо встречалось с бескрайней водной гладью.

Воздух стал иным — Мио ясно это чувствовал. Его нос улавливал едва различимый запах, которого не было прежде. По его усам пробегали слегка уловимые импульсы — верный признак того, что скоро все изменится. Он поднял голову и, прищурившись, посмотрел на яркий лик солнца над своей головой. На небосклоне не было ни единого облачка, и все же он точно знал, что скоро это спокойствие сменится бурей, так что от бывшего спокойствия не останется и следа.

Вот уже почти два полных лунных лика они находились в пути, преодолевая казавшуюся бескрайней великую водную гладь. Они переплывали от одного островка суши до другого, расположенных на разном удалении друг от друга, так что их путь порой занимал всего несколько солнцеходов, а иногда так долго, что им едва хватало припасов. Все эти осколки земной тверди, щедро разбросанные волей Древних, были заселены всевозможными племенами: кто-то был ему ведом, но чем дальше на север они продвигались, тем чаще он встречал представителей племен, о которых никогда не слышал и тем более никогда не встречал. То и дело к ним на плавун поднимались новые пассажиры, а старые наоборот, покидали его, сменяя друг друга. И все это время Древние были благосклонны к ним, но совсем скоро все должно было измениться.

Опустив голову, Мио пересек плавун и вышел на небольшую площадку в его задней части, где в это время находился Гарт, наблюдавший за своими подопечными — безмолвными, все это время тянущими за собой плавун, подчиняясь его приказам. Подойдя к своему спутнику, он тихо, так чтобы его было трудно услышать кому-то из тех, кому не предназначались его слова, произнес:

— Я чувствую приближение бури, нужно предупредить нашего хозяина.

— Бури?!

Гарт с сомнением посмотрел вверх, прикрывая лапой глаза от яркого света.

— Ты уверен?!

— Точно так же, как то, что мы сейчас посреди водной глади. Это не самое лучшее место, чтобы встретить ненастье. Нужно найти укрытие и как можно скорее.

Словно в подтверждение его слов внезапно подул ветер, своим порывом заставив воду вокруг плавуна покрыться большой рябью, а водоходов слегка сбиться с ритма ровного движения лапок. Похоже, и они почувствовали приближение ненастья. А им Гарт доверял как никому другому во всем мироздании. Решительно он отправился в ту часть плавуна, где находилось место хозяина, Мио же шел за ним по пятам, не отставая ни на шаг. Пройдя за полупрозрачную перегородку, которой было обозначено место хозяина плавуна и его команды, они его застали о чем-то говорившим с одним из пассажиров.

— Господин, простите за вторжение, но нам нужно кое-что срочное с вами обсудить.

Тот, бросив на них пристальный взгляд и слегка нахмурившись, но все же принесся извинения своему собеседнику, заверил того, что их беседа продолжится позднее и вежливо выпроводив того, после чего слегка раздраженно произнес:

— Надеюсь, это действительно нечто важное.

— Думаю, если всех нас волнует то, чтобы добраться до конца нашего пути благополучно — это весьма важно.

— Ну и в чем дело?

— Скоро разразится буря и нам стоит поискать надежное пристанище.

Тот снова пристально посмотрел на своих неожиданных визитеров, словно стараясь удостовериться, не решили ли они подшутить над ним. В конце концов, отвел глаза и, подойдя к небольшому походному столу, склонился над разложенной там картой. Какое-то время он внимательно ее изучал, с каждым мгновением становясь все мрачнее. Наконец он выпрямился и, глядя куда-то в сторону окна, которым служило отверстие в пlyingуне, задумчиво произнес:

— Ближайшая суша находится намного в стороне от нашего пути. Если мы туда отправимся, то не успеем в срок- клиенты будут весьма недовольны.

— Простите, если мы этого не сделаем, то недовольство, быть может, вообще некому будет проявлять. Да и нам самим, оказавшись в пределах Древних, тоже будет уже на это совершенно наплевать.

Мио замолчал, и в воздухе повисла тягостная тишина. От напряжения юный лев даже невольно стал нервно подергивать кончиком хвоста. А между тем за пределами стен пlyingуна все сильнее дул порывистый ветер, и его завывания становились все более и более тревожными.

— Ладно, хорошо. Направьте водоходов на северо-запад, господин Гарт. Судя по карте, мы должны будем достигнуть острова Тарун, где и сможем переждать бурю.

Гарт молча кивнул и поспешил выполнять приказ, Мио последовал за ним. Оказавшись на площадке смотрителя, Гарт стал отдавать приказы, заставляя безмолвных сменить направление движения и отправиться туда, где они могли укрыться от предстоящей бури. А между тем еще совсем недавно совершенно чистое голубое небо заволкло непонятно откуда взявшимися тучами, которые с каждым мгновением, словно поглощая друг друга, становились все больше и темнее. Да и ветер стал дуть так сильно, казалось, что ему вполне по силам опрокинуть огромный пlyingун. К этому времени стало почти совсем темно, тучи окончательно перекрыли собой солнечный свет. Ветер уже достиг такой силы, что раскачивал из стороны в сторону пlyingун, одновременно вздымая такие волны, что они уже без особого труда проникали внутрь пlyingуна, заполняя его водой. Команда едва успевала вычерпывать ее обратно, одновременно пытаясь успокоить не на шутку перепуганных пассажиров.

Тем временем Гарт изо всех сил старался сохранить контроль над водоходами, но сделать это было все труднее с каждым новым порывом ветра, так как тот не давал тем продолжать движение. Мало того, вскоре сам пlyingун стал толкать на них с такой силой, что тот просто начал топить их своей массой, увлекая за собой. От этого те буквально потеряли остаток покорности и стали рваться прочь, причем каждый в свою сторону, отчего пlyingун еще больше стал терять устойчивость. Вскоре после этого ремешки на нескольких безмолвных, которыми те были пристегнуты к пlyingуну, порвались, и тех унесло прочь, не успел Гарт и глазом моргнуть.

Их товарищи, что все еще оставались на привязи, уже совершенно не могли справиться с абсолютно потерявшим стабильность пlyingуном. Гарт, видя фатальность ситуации, принял решение — перегнувшись через ограждение площадки, рискуя быть смытым в бурлящую пучину, дотянулся до креплений и отстегнул всех безмолвных. Уже через мгновение тех унесло прочь налетевшим порывом ветра. Сам Гарт при этом едва не отправился следом, но его вовремя схватил находившийся рядом Мио. Обменявшись многозначительными взглядами, они отправились вглубь пlyingуна, присоединившись к тем, кто изо всех сил

старался спасти их пловун от полного потопления.

Сколько длилась эта отчаянная борьба — никто из них не мог сказать точно. Как вдруг все они почувствовали просто чудовищный толчок, от которого буквально все без исключения полетели кубарем. Раздались крики ужаса и боли: кто-то во всеуслышание взывал к Древним, похоже, полностью уверенный, что пришло время их последнего вздоха в этом мире. Но ничего не произошло, мало того, сам пловун, похоже, перестал двигаться. По-прежнему за его пределами завывали порывы бешеного ветра, но пловун при этом перестало заливать потоками воды, лишь из отверстий служившими тому окнами, все еще летели фонтаны брызг, но не более того.

Все внутри сжались, не понимая, что их теперь ждет, не смея даже пошевелиться или произнести хотя бы слово, разве что порой кто-то едва слышно бормотал воззвания к Древним, моля о спасении. Между тем постепенно ветер стал стихать, в окна снова стали проникать робкие лучи солнца. Они стали согревать совершенно промокших и измученных обитателей пловуна. Но вот наконец несколько из присутствующих, немного придя в себя, решили осмотреться — среди них были и Мио с Гартом.

Выбравшись из недр пловуна, они оказались на границе песчаного берега. Оглядевшись, они увидели совершенно пустынный берег, и где-то вдали виднелись заросли каких-то высоких растений. Обойдя пловун, они увидели, что тот застрял между нескольких торчащих из воды огромных каменных глыб. Именно благодаря им они избежали участи, когда их пловун был бы полностью выброшен на берег или разбился о другие камни, в изобилии торчащие из воды вокруг. Отойдя от пловуна, они обошли участок берега, отойдя от него на приличное расстояние в ту и другую сторону, но так и не обнаружили никакого признака того, что здесь кто-то обитал.

— Может, нас выбросило с другой части острова? — растерянно пробормотал Гарт, озабоченно оглядываясь по сторонам.

Мио в ответ промолчал, а спустя несколько минут произнес:

— Идем назад, если кто и может разобраться с тем, где мы оказались, то это наш хозяин.

Тот молча кивнул, и вместе они вернулись к пловуну. К этому времени из него уже выбрались все его пассажиры и, расположившись на берегу, пытались просохнуть, используя тепло уходящего солнца. Постепенно стало смеркаться, и тут у Мио вдруг возникло ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Осмотревшись, он удостоверился, что все вокруг заняты своими делами и совершенно не обращают на него никакого внимания, но чувство не проходило, оно не оставляло его. Когда все они устроились поближе друг к другу, чтобы хоть немного согреться, улеглись спать. Из-за этого странного и навязчивого ощущения он, несмотря на сильную усталость, едва смог уснуть, то и дело просыпался, тревожно вглядываясь в темноту и тщательно приносясь. Как бы ни старался, не смог никого рассмотреть или уловить незнакомый запах. Возможно, по причине того, что ветер дул с воды, не давая ему этого сделать.

Наутро все стали обсуждать, как им теперь быть — ситуация казалась совершенно безнадежной. Мало того, Таул, хозяин пловуна, с горестным выражением сообщил, что их забросило вовсе не на Тарун, а на неизвестный ему остров. Немного посоветовавшись, было решено осмотреть остров и поискать хоть каких-то его обитателей, к которым можно было обратиться за помощью. Весь тот солнцеход потерпевшие крушение провели в поисках, но не то, что местных обитателей они не нашли, но даже малейших признаков того, что здесь

вообще кто-то бывает. В тот вечер полное уныние и обречённость царили среди спасшихся, похоже, их спасение было лишь отсрочкой от появления в обители Древних. Единственное, что хоть немного их радовало — это то, что им удалось собрать сухие куски растений и с наступлением сумерек им удалось развести огонь.

Свернувшись калачиком, Мио уснул рядом с одним из таких огней, но сон его оказался недолгим. Сквозь него он слышал тихий шорох и в то же мгновение открыл глаза, готовый к отражению нападения. Не шевелясь, он стал прислушиваться, но долгое время ничего не слышал. Вдруг снова услышал разбудивший его шорох — он был похож на движение песка, словно тот где-то осыпался. Это было странно, ибо в ту ночь не было хотя бы легкого ветерка, и даже водная гладь была совершенно неподвижна и тиха. Внезапно что-то хрустнуло, будто сухой стебель под чьей-то неловкой лапой. Мио, не выдержав напряжения, резко привстал, разбудив при этом спящего рядом с ним Гарта.

— Эй, что случилось, чего не спишь? — недовольно сквозь сон проворчал тот, но в ответ Мио лишь тихо шикнул, призывая его к молчанию.

Недалеко что-то блеснуло и Мио был готов поклясться самой обителью Древних, что это был блеск чьих-то глаз, на которые случайно попал свет огня. Мио неожиданно для своего спутника вскочил и стремглав бросился туда, где он увидел отсвет. Во тьме мелькнула тень и метнулась от него прочь. Мио почувствовал запах чужака и уже точно знал, что преследует кого-то более, чем реального.

Тень метнулась в россыпь камней, пытаясь улизнуть, но юный лев не собирался дать незнакомцу такого шанса. Обогнув огромный валун, он увидел, как тот пригнулся к земле. Чувствуя, что тот вот-вот исчезнет, он сделал отчаянный рывок и сумел схватить чужака буквально за кончик хвоста, когда тот уже почти юркнул в неведомо откуда взявшийся лаз у основания огромного камня и ведущий куда-то вглубь земли. Тот пронзительно пискнул и отчаянно задергался в могучих лапах льва. Даже извернувшись смог его укусить своими крохотными, но весьма острыми зубами, но тот держал крепко. Вскоре, перехватив тело пойманного им существа, буквально сгреб того в охапку, тем более что тот оказался невелик ростом, да и весьма щупл по меркам Мио. Держа в лапах отчаянно вырывающегося незнакомца, он вернулся назад к своим спутникам, где все они уже не спали, разбуженные громкими звуками борьбы. Наконец Мио вынес странного незнакомца в круг света от огня, и все смогли того рассмотреть.

Чужак действительно был весьма тщедушного телосложения и чем-то напомнил Мио представителя племени тушканчиков, живущих на территории его родного племени. Вот только в отличие от них его шерсть была намного жёстче на ощупь и серого цвета, а длинный хвост не венчал пучок шерсти, который самки тушканчиков, как правило, красили в разные цвета — он был совершенно голым. Да и его морда лишена изящества, коим те отличались — намного грубее, а его удлинённый нос был украшен горбинкой, не добавляющей его внешности милоты. Одет незнакомец был в какие-то странные, скорее напоминавшие обноски, бесформенные одежды, а главное от него исходил хоть и едва уловимый, но все же тошнотворный запах.

— Похоже, сей островок все же обитаем. Кто ты такой и почему следил за нами? — угрюмо прорычал Мио, демонстративно приподняв свою верхнюю губу, так чтобы чужак увидел его клыки. Тот явно их заметил и слегка сжался, отчего стал еще более жалко выглядеть.

— Эй, не стоит так на него давить, он же все-таки ничего дурного не сделал, —

поспешил вмешаться хозяин пльвуна и, подойдя к ним, слегка отстранил Мио в сторону, после чего уже более мягким голосом обратился к незнакомцу. — Простите его, уважаемый, мой спутник вовсе не хотел вас напугать. Мы всего лишь хотели бы узнать — кто вы и как тут очутились?

Странный незнакомец с испугом покосился на недовольного Мио, после чего, слегка выпрямившись, заговорил весьма писклявым голосом:

— Я Тин из племени серых братьев.

— Замечательно, господин Тин. Я Таул, хозяин пльвуна. Нас буря сюда закинула, и мы ищем способ выбраться отсюда. Быть может, вы и ваше племя помогут нам с этим и мы сразу же покинем ваши земли и не будем больше беспокоить вас?

Тин не сразу ответил. Он несколько минут бегло осматривал окруживших его своими маленькими черными бусинками глазками. Но наконец, снова посмотрев на Таула, произнес:

— Я передам ваши слова моему вождю, а дальше ему решать.

— Хорошо, пусть будет так, мы смиренно будем ждать его решения, — произнес Таул и протянул свою лапу Тину, тот порывисто взял ее и поднялся с земли, куда его накануне почти швырнул Мио. После чего, не произнеся более ни слова и даже не попрощавшись, шмыгнул вновь в темноту, где мгновенно растворился без следа.

Вскоре после того, как он ушел, все снова улеглись спать, но многие от пережитого так и не смогли уснуть вновь. Среди них и Мио, на душе у него было беспокойно — все его естество наполняла тревога и предчувствие чего-то недоброго. А между тем на следующий солнцеход Тин так и не появился, как и на следующий, и еще, и еще. Один солнцеход сменял другой, но того так и не было, и это снова повергло было воспрывший духом спутников Мио в новое уныние. Несколько раз они пытались самостоятельно найти логово, где обитал Тин и его сородичи, но безуспешно. И тут словно сами Древние пожелали разжечь в их сердцах угасший огонь надежды — к пльвуну совершенно неожиданно приплыл один из водоходов Таула. Похоже, жизнь на воле того не прельстила, и он решил вернуться назад. Его появление подняло настроение всем, но больше всех обрадовался Гарт — он буквально не отходил от того, стараясь удостовериться, что его бывший подопечный в порядке.

— Значит, теперь мы сможем выбраться?

— Увы, одного его точно недостаточно, чтобы тянуть пльвун, не говоря уже о том, что его еще надо как-то вытянуть из камней, где он, похоже, застрял крепче некуда. Тут, боюсь, даже силы всех будет недостаточно.

— Да, но не стоит отчаиваться. Кто знает, возможно, и остальные плавают где-то поблизости.

— Да услышат тебя Древние, без их помощи мы точно не сможем выбраться, — горестно вздохнул Таул, с безнадегой глядя куда-то вдаль.

Весь остаток того солнцехода Гарт провел у кромки воды, стараясь призвать других безмолвных, но его попытки остались тщетными. Однако с наступлением темноты неожиданно появился тот, кого они уже и не надеялись увидеть. Словно тень в круг разведенного на ночь огня скользнул Тин и сообщил, что его вождь готов встретиться с ними.

— Великий Наударн готов выслушать вас, так что выберите — кто из вас отправятся к нему. Я проведу их, а остальные должны будут остаться и ждать.

Его слова звучали вполне разумно, но все же от них по спине Мио побежали

неприятные мурашки. Остальные, похоже, не ждали никакого подвоха и были просто в неопишемом восторге от того, что они наконец смогут обратиться за помощью и, возможно, даже получить ее. Быстро посоветовавшись между собой, собралась группа тех, кто пойдет на встречу. Конечно, это был хозяин пловуна и еще несколько уважаемых пассажиров. В последнюю очередь в группу включили и Мио по его настоятельной просьбе, граничащей с почти требованием. Когда его включили в группу, Мио на мгновение увидел тень недовольства на морде Тина, но вслух он ничего не сказал. Приказав следовать за ним, повел всех куда-то вглубь суши, прочь от берега.

Освещая себе путь взятыми из костров несколькими кусками горящих, словно факелы, растений, они долгое время шли за своим проводником. Наконец подошли к нескольким огромным растениям, и Тин остановился. К немалому изумлению присутствующих, он, ухватившись за то, что напоминало обычный торчащий из земли корень, потянул его, и в земле открылся лаз. Один за другим все спустились в него, последним в лаз, борясь с сильнейшим желанием не делать этого, спустился юный лев.

Снова они пошли за своим провожатым, идя по узким, вырытым в толще земли тоннелям, то и дело делающим различные повороты и минуя множество развилок. Мио пытался изо всех сил запомнить путь, но в конце концов окончательно запутался и ему ничего не оставалось, как просто следовать за Тинем. Когда все уже изрядно устали от этой казавшейся бесконечной дороги под землей, они вышли в небольшой зал, также вырытый в земле. Посреди него находилось нечто напоминавшее огромную грязную лужу. На берегу этого странного водоема Тин остановился и неожиданно пронзительно просвистел странную мелодию, словно подавая некий знак. Умолкнув, он впервые за все время их пути обратился к пришедшим с ним:

— Добро пожаловать в обитель нашего великого Наударна.

Все переглянулись, не понимая, о чем идет речь. Однако долго недоумевать им не пришлось — неожиданно поверхность лужи запузырилась, и из-под поверхности появилось несколько тонких извивающихся усика. Эти усики стали тщательно ощупывать присутствующих.

Поневоле они попятились, инстинктивно стараясь держаться подальше от этих странных усиков. Но тут их ждал неприятный сюрприз — оказалось, что их окружили чужаки. Судя по внешнему виду — сородичи их провожатого, и вид у них был весьма недружелюбный. В лапах они держали заточенные пики, сделанные, похоже, из каких-то костей. При попытке спутников Мио покинуть странный зал, они угрожающе наставили оружие на них, почти касаясь их острыми кончиками.

— Эй, что за дела? Мы вроде шли на встречу с вашим вождем?!

— Поэтому вы здесь, великий Наударн и есть наш светлейший вождь и вы получите помощь, только если он решит, что вы ее достойны, — невозмутимо произнес Тин с ехидными нотками в голосе.

Не успел он это произнести, как его сородичи стали подталкивать их к краю водоема. И тут усики обвили вокруг Таула, и не успел тот ничего сделать, как они утащили того куда-то в пучину грязного водоема. Поднялся ропот, но Тин, похоже, был непоколебим. Он невозмутимо произнес, едва заметно повысив голос:

— Не волнуйтесь, если ваш спутник окажется достоин, Наударн вернет его в целостности и сохранности, вам незачем опасаться.

Но его слова явно никого не успокоили, особенно Мио. Издав рев, он схватился за

оружие ближайшего к нему врага, и не успел тот опомниться, как он, оторвав его от земли, резким движением отправил прямиком в центр водоема, а его оружие осталось у юного льва в лапах. На мгновение все пришли в замешательство, явно не ожидая, что их пленник будет сопротивляться. Мио же, воспользовавшись этим, сам прыгнул в водоем и, оказавшись в мутной воде, нырнул в поисках Таула.

Действуя наугад, он стал шарить по сторонам лапами и вскоре наткнулся на нечто, что напомнило ему чью-то шкуру. Недолго думая, он ухватил это и потянул на себя изо всех сил, но нечто держало того, не давая поднять на поверхность. Тогда Мио стал тыкать своим отобранным оружием, лишь надеясь не ранить при этом того, кого собирался спасти. Вскоре он во что-то попал, вогнав острие в чью-то плоть, и реакция на это последовала мгновенно. Его буквально выбросило на поверхность и отшвырнуло в сторону, так что он приземлился на твердую поверхность за пределами грязного водоема, едва сумев вывернуться и приземлиться точно на лапы. Рядом с ним выбросило и Таула, от удара тот закашлялся, отплевывая грязную воду, которой успел изрядно наглотаться. Мио поднялся на лапы и помог тому встать.

А между тем существо, обитавшее в водоеме, стало неистово махать усиками, стараясь схватить обидчика. Мио же снова выхватил оружие у на свою беду оказавшегося поблизости собрата Тина и что было сил метнул его в воду и, похоже, достиг цели. Из глубин водоема поднялся целый фонтан, окатив всех потоком грязной воды. Тин буквально срывающимся на дикий визг голосом заорал, обращаясь к своим соплеменникам:

— Немедленно убейте их, они посмели причинить вред великому Наударн!

И тут же вокруг поднялся вопль полный ярости. На чужаков бросились все серые братья, но те не собирались просто так сдаваться, особенно Мио, глаза которого уже закрыла боевая ярость. Один за другим он отправлял серых братьев в глубины водоема, а там с ними уже расправлялось существо, все еще жаждущее покуситься с теми, кто его ранил. Наконец Мио и его соратникам удалось отбиться от врагов и, не дожидаясь, когда те позовут на помощь других или сами, собравшись с силами, примут меры к исполнению приказа Тина, ринулись прочь из зала.

По дороге Мио приказал всем держаться рядом и двигаться за ним. Какое-то время они петляли по темным тоннелям, не задумываясь о том, куда движутся. Главное в тот момент было — оторваться от преследователей, и вскоре им это удалось. Едва переведя дыхание, они смогли остановиться и какое-то время с замиранием сердца прислушивались. Однако не смогли уловить ни единого признака погони и только после этого они смогли облегченно перевести дух. Но уже спустя короткое время начали осознавать, что окончательно заблудились и теперь вряд ли смогут найти обратный путь. Они снова испытали ужас, осознав это.

— Что теперь делать, куда нам идти?

— Попытаемся выбраться, будем двигаться вперед. Быть может, сможем найти выход, наверняка их тут множество, — твердо произнес Мио, стараясь вселить в их сердца уверенность, что они обязательно выберутся. Хотя, откровенно говоря, он сам едва в это верил. Однако он привык держать себя в лапах, зная, что от него зависят остальные.

Немного отдохнув, они снова отправились в путь. Мио вел их вперед, полагаясь на свое отточенное временем львиное зрение, позволяющее ему хоть и не так четко, но все же видеть в темноте, которая окружала их, заставляя двигаться почти на ощупь. Вскоре они стали подмечать, что мрак вокруг них как будто перестал быть непроницаемым, а спустя

несколько поворотов и вовсе увидели бледный свет где-то вдалеке перед собой. И это больше пугало их, чем радовало.

— Что если мы сделали круг и вернулись назад?

— В любом случае нам придется это проверить. Мио, а ты что скажешь?

Юный лев тем временем пристально всматривался и вслушивался, то и дело принюхиваясь. Услышав вопрос, он, чуть помедлив, тихо произнес:

— Думаю, это все-таки другое место. Тут иные запахи, но все же стоит быть осторожными, это все еще территория серых братьев.

— И что же нам делать?

— Движемся вперед, но будьте готовы к схватке, возможно, нам снова предстоит драка. Если Древние будут к нам милостивы, мы сможем заставить их отпустить нас наверх.

Все переглянулись. Мало кому нравилась эта идея, но похоже, иного пути у них просто не было. Осторожно, стараясь не издавать лишнего шума, они вышли в ярко освещенный тоннель. Освещали его причудливого вида растения, растущие по стенам и потолку тоннеля. Какое-то время они спокойно шли и, похоже, никто не собирался им препятствовать, но вдруг до чуткого слуха Мио долетел странный, едва заметный звук. Он остановился так резко, что на него едва не налетел идущий за ним. Тот недовольно заворчал, но Мио резко поднял лапу, дав знак сохранять молчание. Все замерли на месте, боясь не то что пошевелиться, но даже дышать. Внимательно прислушивались, но никто ничего не смог различить. Казалось, кругом стояла полная тишина, однако Мио отчетливо слышал, что нечто приближается. Он попытался найти путь к отступлению, но не успел — из нескольких боковых тоннелей на них неожиданно выплеснулась целая лавина странных существ, с невероятной скоростью перемещающихся по всей площади то ли по потолку, то ли по стенам или по полу.

Эти существа чем-то напоминали песчаных прыгунов, безмолвных, обитавших в родных краях Мио. Эти существа обладали весьма тонкими гибкими телами и передвигались они, скручивая его в тугий комок и выстреливая собой вперед с невероятной скоростью. Так что за этим движением было почти невозможно проследить.

При виде их беглецы попытались спастись бегством, ринувшись назад, туда, откуда только что пришли, но не успели сделать пары десятков шагов, как всех их настигли. Прыгуны запрыгивали на них и обвивали своими гибкими телами, лишая возможности не то что бежать, но даже просто двигаться. От нескольких из них Мио каким-то чудом успел увернуться, но вскоре и он рухнул на пол тоннеля, обвитый сразу несколькими тварями. Беглецы лежали на полу и им ничего не оставалось, как лишь смиренно ожидать своей участи. Ведь от попыток освободиться прыгуны лишь сильнее сжимали тиски.

Все они уже решили, что станут пищей безмолвных, но тут из глубины тоннеля показалась группа тех, кто называл себя серыми братьями. Это повергло беглецов в полное отчаянье, ведь после того, что случилось у странного водоема, им вряд ли стоило надеяться на милость хозяев этих тоннелей. Однако Мио все-таки заметил, что хоть они и были похожи на Тина, но отличались от них.

На всех них была вполне добротная одежда, и на некоторых даже красовалась простая броня. Группа подошла к обездвиженным, и один из них обвел пленников внимательным взглядом, после чего издал короткий свист. Повинуясь ему, прыгуны отпустили своих жертв, но как только они это сделали, пленников связали члены прибывшей группы, оставив им лишь возможность идти, затем грубо подтолкнули, заставив идти вперед. Не произнося ни

слова, пленники подчинились.

Пройдя немалый путь, где по дороге им то и дело попадались другие представители племени, с любопытством и тревогой смотревшие на них. Но вот их наконец грубо втолкнули в просторный зал, где в его середине висел натянутый между искусно украшенных столбиков, сплетенный из каких-то волокон гамак и в нем полулежал полусидел, лениво взирая на окружающих, еще один из серых братьев.

Это, судя по седым бровям, нависающих над чуть мутноватыми, но все еще обладающими пронизательностью глазами, и такими же седым мехом, был тот, кто, как подумалось Мио, имел власть над остальными серыми братьями. Тот, кто ранее отдал приказ прыгунам, подошел к этому старику и, опустившись на одно колено, почтительно склонил голову и начал говорить:

— О великий, мы поймали чужаков, проникших в твои владения. Что прикажешь с ними сделать?

Не успел он закончить, как Мио возмущенно проревел:

— Проникли?! Да вы же сами нас заманили сюда уверениями, что поможете, презренные лгуны!

Тут он осекся от того, что кто-то из тех, кто все это время конвоировал их, болезненно ткнул его чем-то твердым в спину, попав в ребра.

— Как смеешь ты так оскорблять величайшего, ах ты... — но страж не успел договорить — старик поднял свою иссохшую от времени лапу и тот замер на месте, не смея больше произнести ни слова.

Выпрямившись в своем гамаке, он обратился к Мио, глядя ему прямо в глаза и буквально сверля его своим взглядом:

— Насколько мне известно, вы из числа тех, кто совсем недавно высадились на наши земли. Мы позволили вам остаться, но вам этого мало, и вы проникли сюда?

— Мы оказались здесь лишь потому, что нас сюда позвали.

— Позвали? И кто же это был? Ибо, насколько мне ведомо, ни я, ни кто-то из тех, кого я знаю, этого не делал?

— Некто, назвавшийся Тином, из племени серых братьев. Он сказал, что приведет нас к некоему Наударну, и тот, возможно, поможет нам выбраться с этого острова. Но нас едва не скоромили сидящему в какой-то грязной луже безмолвному. Это подло для того, кто почитает законы Древних.

При упоминании Мио имени Тина по залу прокатился ропот, и в нем юный лев услышал нотки презрения. Это показалось ему весьма подозрительным, так что он даже стал сомневаться, что Тин был тем, за кого себя выдавал. Между тем старик слегка откинулся в своем гамаке и, сложив лапки на тощей груди, некоторое время смотрел на пленников, слегка прищурившись и словно что-то напряженно обдумывая. Но вот наконец он снова заговорил:

— Что же, мне ведомо это имя. Это изгой и отступник, ибо он давно уже не почитает ни самих Древних, ни их законы, в отличие от нас. Он некогда попал в лапы подводному безмолвному, но по каким-то причинам тот не пожрал его, а отпустил. Скорее всего, побрезговал его гнилой плотью. После этого он отрекся от милости Древних и решил, что это существо является куда как могущественнее Древних, и именно ему нам и следует поклоняться.

Некоторых из нашего племени ему удалось совратить и обратить в единомышленников,

после чего он вместе с ними был изгнан прочь. Насколько мне известно, они поселились в глубине заброшенных тоннелей рядом с тем местом, где обитает то существо. Вскоре после изгнания у нас стали пропадать сородичи, в основном детеныши и юные самки. Подозреваю, что не без их участия. Несколько раз мы пытались уничтожить это существо и тех, кто ему поклоняется, но каждый раз многие погибали в пасти того, кого эти отступники превозносят и, это подточило веру моих соплеменников. Все что мне удалось — это насколько было возможно защитить моих подданных, затруднив этим отступникам возможность добывать жертвы для этого чудовища. Похоже, именно поэтому они вас решили принести в очередную жертву этому существу. Насколько я понимаю, что-то в их планах явно пошло не так, — он умолк, но вскоре продолжил. — Как я понял из ваших слов, вы случайно попали сюда и желаете покинуть наши земли?

— Совершенно верно, и наше желание больше чем великая водная гладь. Именно поэтому нас и прельстили речи этого отступника, — произнес Таул, решивший вмешаться в разговор.

— И в чем же вы хотите получить нашу помощь?

— Наш пловун застрял среди камней, а кроме того у нас пропали безмолвные, которые его тянули. Несколько из них совсем недавно вернулись и, возможно, остальные где-то недалеко. Нам бы поискать их, но для этого нужно средство, чтобы оно могло помочь нам передвигаться по водной глади. Если мы их найдем и вернем, то сможем вытащить наш пловун и в тот же миг мы покинем ваши земли, не теряя ни одного лишнего солнцехода и более не злоупотребляя вашим терпением.

Таул замолчал, а старик не спешил прервать паузу, но вот он наконец прервал затянувшееся молчание:

— Хорошо, у нас есть сборщики. Безмолвные, на которых мы собираем вокруг нашего острова съедобные водные растения, на них вы могли бы обследовать близлежащую водную гладь и поискать ваших безмолвных. Однако взамен я хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня и моего племени.

— Сделаем все, что только в наших силах.

Старик кивнул:

— Хорошо, тогда я хочу, чтобы вы уничтожили того, кого отступники нарекли Наударном. Пусть те, кого совратил отступник, увидят, что это всего лишь безмолвный, которого можно уничтожить, как всех прочих.

Пленники переглянулись. Эта задача казалась просто невыполнимой, но возражать никто из них не решился. Таул, опустив голову, дал согласие поникшим голосом. Как только это было сказано, старик отдал приказ проводить чужаков на поверхность.

Повинуясь его воле, пленников развязали, после чего проводили наверх, проведя по казавшимся бесконечными тоннелям и выпустив через очередной искусно замаскированный лаз. Когда они измученные смогли вернуться к остальным, над их головами уже начал подниматься солнечный лик.

— Гарт, ты уверен?

— О Древние, в тысячный раз уже тебе говорю, сколько можно? В конце концов, кто тут посвятил свою жизнь, да и всего себя, изучению безмолвных — ты или я? И хватит меня донимать. Лучше озаботься вопросом, как найти то место, а остальное оставь мне, уж будь

столь любезен.

Мио с сомнением посмотрел на слегка раздраженного енота, но больше ничего не стал говорить. Вместо этого он посмотрел вглубь острова и спустя какое-то время произнес:

— Ладно, попытаемся проникнуть через тот лаз, у которого я в тот раз поймал этого крысёныша. Да не в обиду будет это сказано серым братьям.

— Отлично, а дальше? Ты же вроде говорил, что не совсем ясно помнишь путь туда?

— А дальше будем полагаться на нюх, уж его запах я учую среди множества, — угрюмо проворчал Мио.

— Хорошо, тогда идем. Лучше туда спуститься, пока солнечный лик на небосклоне. Что-то подсказывает мне, что в темноте они себя чувствуют куда лучше. Не даром он к нам являлся сугубо при лунном лике, — произнес он и решительно зашагал к россыпи камней, находящихся чуть поодаль от того места, где находилась их вынужденная стоянка.

Подойдя к камням, он стал внимательно принюхиваться, почти припадая к самой земле. Наконец он уловил знакомый запах, от которого по его шкуре даже пробежал морозец, заставивший шерсть на его загривке слегка приподняться. Пройдя еще немного, он смог различить едва различимый след, среди слоя пыли покрывающий это место. Спустя еще некоторое время ему удалось нащупать край крышки, закрывающий лаз.

Недолго думая, Мио воспользовался крепким куском какого-то мертвого растения, валявшегося неподалёку, и смог поднять ее. Вместе в Гартон они спустились под землю. Отойдя от входа настолько, что свет, проникающий через оставшимся открытым лаз, уже не рассеивал мглу, они зажгли принесенные с собой куски сухих растений. При их свете они стали двигаться вперед, при этом Мио продолжал принюхиваться, стараясь не потерять слабый запах, служивший им путеводной нитью.

Несколько раз они теряли его и забредали в какие-то тупики. К счастью, Мио все-таки удавалось вернуться на правильный путь. И вот наконец он стал чувствовать, что запах становится все сильнее, и ему уже не приходилось подолгу принюхиваться, чтобы найти правильное направление. К тому времени их факелы уже почти прогорели, и они остановились, чтобы заменить их другими из своих запасов. На краткий миг они отвлеклись, сосредоточившись на переносе огня, дабы его не утратить, и тут Мио смог различить какой-то странный шорох. Не успел он что-то сделать, как в спину ему уперлось что-то острое, а весьма знакомый злобный голос произнес:

— Зря вы сюда явились, чужаки. Теперь вам точно не миновать праведного гнева Наударна.

Затем им было приказано подняться и идти вперед. Не произнося ни слова, они подчинились, и через какое-то время Мио и его спутник оказались в уже знакомом юному льву подземном зале с водоемом, наполненным грязной водой посередине. Их подвели к его краю, и как в прошлый раз Тин просвистел замысловатую мелодию. Когда вода в водоеме запузырилась, знаменуя приближение монстра, произошло то, чего тот точно никак не ожидал. Пришедший с юным львом чужак, которого он никогда прежде не видел, внезапно прыгнул в водоем, чем привел Тина и всех, кто заполнял зал его собратьев в полное недоумение. Но Тин быстро пришел в себя и, обращаясь к собравшимся, надменно произнес:

— Вот она, сила нашего великого Наударна. Никто и ничто не смеет противиться его воли!

Но не успел он это произнести, как стало происходить нечто странное — водоем стал буквально бурлить, словно кто-то поставил его на огонь, как котелок. Мало того, вода вдруг

окрасилась в буро-алый цвет, а вскоре после этого оттуда буквально вылетел Гарт совершенно мокрый, но тем не менее живой и невредимый. Он плюхнулся на земляной пол и через пару мгновений поднялся на лапы, слегка щурясь и потирая ушибленное плечо. Вода в водоеме не прекращала бурлить и даже начала покрываться какой-то зеленой пеной, но главное — оттуда показались те самые усики, которые Мио уже видел. На этом все не закончилось — из воды показалась огромная голова того, кто обитал в этом водоеме, и ничего подобного юному льву еще не доводилось видеть.

Огромная, перетекающая в тело, так что представляла из себя единое целое, слегка сплюснутая сверху и снизу голова, с огромными клешнями, растущими по обе ее стороны, а между ними — огромная разинутая пасть, зияющая, словно бездна. Следом за головой на поверхности показались конечности монстра. Перебирая ими и скользя по мокрому полу, оно стало выбираться из воды, все время извиваясь и непрерывно ощупывая все вокруг своими усиками. Мио попятился от края водоема, а Тин, стоящий за его спиной, попытался было помешать ему, но вдруг один из усиков внезапно метнулся в их сторону. Мио инстинктивно прыгнул к земле, а вот тот, кто стоял за ним, не успел среагировать и уже через мгновение оказался обвит этим усиком и притянут к огромной пасти чудовища. Не успел никто из присутствующих и глазом моргнуть, как оно откусило тому голову, а затем отшвырнуло прочь останки его тела.

Увидев жуткую смерть своего лидера, серые братья словно вышли из оцепенения. Они бросились врассыпную, по дороге сбивая и топча друг друга. Чудовище же продолжило свое движение, направляясь к Гарту, но прежде чем оно смогло достигнуть его, Мио схватил кем-то из убегающих брошенную пику и, подскочив к монстру, изо всех сил метнул ее в один из множества глаз чудовища, расположенных в нескольких местах на конце огромной головы. То истошно запищало, приподнявшись от земли, так что даже несколько из его лапок повисли в воздухе, но уже через мгновение рухнуло на пол зала, подняв целый фонтан брызг, и навсегда замерло.

Мио смог с облегчением выдохнуть. Устало опустился на мокрый пол и пока он переводил дух, Гарт подошел к мертвому безмолвному и с явным восхищением стал его рассматривать. А затем он сделал то, чего Мио точно никак от него не ожидал — подойдя к краю водоема, он вдруг нырнул в него. Юный лев в ужасе подскочил к краю водоема, тщетно стараясь рассмотреть в мутной воде очертания своего спутника и отчаянно зовя его по имени. Спустя время, когда юный лев уже собирался прыгнуть за ним следом, тот наконец вынырнул, отплевываясь:

— Эй, ты что, с ума спрыгнул? А ну вылезай оттуда сейчас же!

Но Гарт лишь отмахнулся:

— Да погоди, надо достать яйца.

— Яйца? Какие еще, во имя всех Древних...

— Они там, в гнезде, внизу. Я почти достал их.

— Но...

Однако тот не стал слушать, а набрав в грудь побольше воздуха, снова нырнул. Он повторил это несколько раз, прежде чем наконец вынырнул, держа в лапах заветный трофей. К тому времени Мио уже был совершенно уверен, что его спутник сам наглотался отравы, которая заставила гигантского безмолвного вылезти на сушу из его логова и теперь бредит. Он уже собирался во что бы то ни стало вытащить его, пусть даже и силой. К счастью, тот выбрался сам, бережно опустив свое сокровище у своих лап.

— Ты ненормальный, ты знаешь?

— Да, не думай, что первым мне это говоришь. Так что просто помоги мне его доставить к нашему пловуну.

Глядя на невероятно радостно возбужденного Гарта, Мио тяжело вздохнул. Он отлично знал, что если тот в таком состоянии, то не слышит и не воспринимает ничего и никого вокруг.

— Ладно, нам еще надо добыть доказательство нашей победы над великим Наударна, — произнес он, подойдя в мертвому безмолвному.

Немного поразмыслив, он воспользовался острием пики, вытащенной из его же тела, отделил от его головы пару усиков, затем с их помощью зафиксировал на теле Гарта бесценную добычу, так чтобы тот мог свободно двигаться.

— Отлично, теперь надо как-то добраться до вождя серых братьев. Ты знаешь, куда нам идти?

— Примерно.

— Примерно?!

— Ну да, знаешь ли, трудно что-то точно запоминать, когда за тобой гонятся, пытаюсь отправить на встречу с Древними.

Гарт хмуро посмотрел на своего спутника, но предпочел промолчать. Поплутав по тоннелям какое-то время, они наткнулись на пару стражей из племени серых братьев и, коротко рассказав им обо всем случившемся, были сопровождены ими к их вождю. Тот внимательно их выслушал, но все-таки высказал сомнение в том, что те говорят правду.

— Как знать, может вы решили провести меня и уверить в том, что выполнили свою часть уговора, а когда получите свое, то окажется, что и спросить нам будет не с кого.

— Вам, по-моему, будет не трудно это проверить. Вы же можете послать кого-то в ту часть, где обитают изгой и все узнать.

Старик задумался, а когда вновь прервал молчание, велел проводить чужаков наверх. Так они и вернулись к остальным, где им ничего не оставалось, как только ждать. К счастью, спустя несколько солнцеходов к ним прибыл неожиданный посланник из числа серых братьев и передал послание от своего вождя. В нем говорилось, что тот предоставит им несколько сборщиков, и те будут ждать их в небольшой бухточке на западной стороне острова. Так оно и произошло.

Следующих несколько солнцеходов Гарт со спутниками из числа серых братьев уходил на поиски водоходов. Они уплывали настолько далеко, насколько эти небольшие безмолвные могли удаляться от суши, и возвращался, лишь когда солнечный лик покидал небосклон. Пару солнцеходов им не везло, но вот он вернулся на спине одного из их водоходов, а затем он нашел еще несколько. Спустя какое-то время он смог найти и призвать большую часть их бывшего числа, и пришло время им вызволять свой пловун из каменных объятий.

Это оказалось нелегко — пришлось соорудить из подручных материалов некий механизм, походивший на гигантский рычаг, и даже частично разрушить камни, не желающие отпускать свою "добычу». Приложив силу не только водоходов, которых пристегнули к нему и заставили тянуть, изо всех сил, но и силам всех без исключения пассажиров и даже огромной группы серых братьев. Им удалось вытолкнуть пловун, и все смогли на нем снова разместиться. После чего Гарт направил безмолвных вглубь водной глади, прочь от острова, возвращая их на прежний курс. Теперь им только оставалось молить

Древних о том, чтобы без дальнейших приключений добраться до конечной цели.

Дождь снова начался уже казалось в сотый раз за этот солнцеход, падая колючими холодными каплями с унылого серого неба, а ветер, что не стихал, вот уже несколько солнцеходов к ряду то затихая, то снова набирая силу, кидал эти капли в тех, кто осмелился покинуть свои теплые жилища, пронзая их тела до самых костей ледяными колючками. Редкие путники, кутаясь в накидки и плащи, старались как можно скорее убраться с улиц прибрежного логова, где близость великой водной глади только добавляла промозглости, окутывая все вокруг липким холодным маревом.

Один из немногочисленных путников свернул с главной тропы, пролегающей почти в центре логова, привлеченный яркими огнями одного из местных убежищ. Пройдя в забрызганную капельками грязи потертую дверь, сделанную из плотно подогнанных друг к другу довольно прочных отшлифованных временем стеблей, он оказался в полутемном помещении, где ему в нос тут же ударила смесь запахов еды и дешевых ароматных курильниц, которые использовали местные жители почти повсеместно.

Скинув отсыревший за время долгого пути плаща в лапы услужливо подбежавшего какого-то детеныша-подростка, он подошел к одной из расставленных по залу жаровен и какое-то время, довольно жмурясь и вытянув над ней лапы, наслаждался благословенным теплом и смотрел на неяркое свечение, исходившее от углей, лежащих в недрах жаровни. Они освещали призрачным светом могучую фигуру молодого льва, то и дело кто-то из посетителей заведения бросал на него любопытные взгляды, ибо представителей племени львов почти никто из них не встречал, по крайней мере в здешних местах.

Согревшись, он отошел от жаровни и расположился неподалеку на большой, хотя весьма грубо сделанной, каменной лавке, стоящей за одной из опор, на которых держалась крыша данного заведения. Она частично скрыла его от любопытных глаз. Он же, в свою очередь, стал лениво осматриваться, перебегая взглядом с одной фигуры на другую. Вокруг находились обычные посетители, судя по их виду, различные местные ремесленники и торговцы. Последних, правда, было куда меньше, похоже, сказывалось то, что в этот раз сезон дождей уж очень затянулся, что явно не располагало к различным путешествиям даже по торговым делам.

И это ему очень не нравилось, он так надеялся отправиться назад в родные земли, но найдется ли тот, кто отвезет его туда — в этом он не был уверен. А между тем его мысли неожиданно были прерваны тем, что вдруг ему на глаза попался тот, кого он никак не ожидал увидеть в этих краях. Одна из кап-служительниц, что разносили среди посетителей напитки и еду, явно принадлежала к племени гиен. Он слегка потряс головой, словно стараясь избавиться от наваждения. Но молодая самочка вовсе не собиралась исчезать. Даже наоборот, выйдя из тени, приблизилась к одному из развешанных на опорах светильнику, отчего оказалась полностью залита его ярким светом.

«Как она тут очутилась?!» — пронеслось у него в голове.

Насколько он знал, ее сородичи жили там, откуда он сам был родом, и их племена не продвигались так далеко на север. Но тем не менее, представительница этого весьма скрытного племени была прямо перед его глазами, всего в нескольких шагах от него. Продолжая наблюдать за ней, за тем, как она грациозно двигается, ловко передвигаясь между столами и посетителями, он вдруг почувствовал жгучее желание, которого не

испытывал так давно, очень давно. Немного помедлив, он окликнул ее, а когда она снова оказалась недалеко от того места, откуда он за ней наблюдал, она тут же поспешила на зов:

— Чего желаете, мой господин?

Он окинул ее пристальным взглядом. Теперь у него улетучились всякие сомнения — она была из племени гиен. Молодая и стройная, разве что только несколько худощава. Но судя по поблескивающей в свете ближайшего светильника шерстке, вполне здоровая. Помедлив мгновение, он сделал заказ, а когда она принесла большую миску с поднимающимся над ней аппетитно пахнущим паром, он с наслаждением принялся уплетать один кусок за другим отлично приготовленного мяса. И все это время продолжал наблюдать за юной капой, то скрывающийся, то вновь появляющийся среди посетителей. С каждым мгновением он чувствовал, как интерес к ней все возрастает. Когда его миска опустела, он снова позвал ее.

— Желаете еще что-то, господин?

— Хотелось бы узнать, сдаются ли в данном заведении комнаты?

— Да, желаете занять одну из них?

— Да, пожалуй.

— Хорошо, это будет вам стоить десять камней за ночь.

«Однако!» — пронеслось у него в голове при упоминании об оплате, но тем не менее хоть это явно было в разы дороже, чем можно было найти себе ночлег, он все же согласился.

Запустив лапу в свой кошель, достал требуемые камни. Капа немедленно забрала их и спрятала в складках своей одежды, после чего взяла светильник с ближайшей опоры и услужливо произнесла:

— Следуйте за мной, мой господин.

Он поднялся со своего места и последовал за ней куда-то вглубь общего зала. Пройдя между столами, занятыми посетителями, они подошли к лестнице, ведущей куда-то наверх. По-прежнему идя впереди, юная гиена, легко ступая по почерневшим от времени ступеням, так что ее шаги не были слышны, вела его наверх. Под его же тяжелыми лапами те то и дело поскрипывали и слегка прогибались. Пройдя несколько пролетов, они оказались в небольшом коридоре.

Миновав несколько плотно закрытых дверей, они остановились перед одной, которая была слегка приоткрыта. Они вместе вошли в нее и оказались в небольшой, но весьма уютной и, что слегка удивило юного льва, чистой комнатке. Между тем за пределами убежища с новой силой разошлось ненастье. Слышались завывания весьма усилившегося ветра, тугие струи дождя били в стены и окна, то и дело стал слышаться далекий рокот грома и вспыхивали вспышки молний.

— Здесь вы можете освежиться, мой господин, — произнесла его спутница, пройдя в дальний угол и повесив светильник на небольшое крепление в стене.

На полу стояла переносная купель, сделанная из растрескавшегося и выцветшего до желтовато-белого цвета куска ствола какого-то растения, немного напоминающее юному льву те купальни, что он посещал когда-то, оказавшись в поселении фенеков. О, как же давно это было, казалось, что даже уже и не в этой жизни. Он не спеша снял свою одежду и погрузился в теплую воду.

Молодая самочка стала расправлять стоящее посреди комнаты ложе. Пока она этим занималась, он внимательно наблюдал за ее грациозными движениями и чувствуя, как желание медленно овладевает всем его естеством. Смыв с себя пыль и грязь, он вышел из

купели и, обтерпевшись тканью, лежащей на небольшой полке рядом с купелью, тихо подошел к капе сзади, не сводя с нее своих глаз, в которых все сильнее читалось его всепоглощающее желание.

Наконец, когда она почти закончила свое занятие, он подступил к ней вплотную и полуобняв наклонился к ее шее, прижал свой нос к ее шерстке, вдыхая ее пьянящий аромат. Как же давно он не чувствовал его, с тех самых пор, как покинул свое племя. Даже здесь, живя в доме Гарта, он ни разу не прикасался к самке. Енот на дух не переносил самок, и Мио, как его невольному гостю, приходилось с этим мириться. Но сейчас, чувствуя ее аромат и ее юное тело под своими лапами, прикрытое лишь тонкими одеяниями, так что они даже не скрывали ее тепла, желание буквально сжигало его изнутри с такой силой, что он едва мог сдерживаться, чтобы не накинуться на нее, словно изголодавшийся на такой лакомый кусочек.

Осторожно он будто невзначай расстегнул замысловатые застёжки на ее плечах, удерживающие ее одежды. Похоже, луны полного возлжания ничуть не притупили его навыков. Ткань предательски поползла вниз, а он, слегка выпустив когти, провел по ее оголившейся спинке, отчего по ее телу пробежала легкая дрожь. Она постаралась отстраниться от него и, повернувшись к нему, мягко уперлась в его грудь, явно стараясь отстраниться. Однако он не собирался так просто отступить. Осторожно проведя по ее телу, нащупав застёжки уже расположенные спереди, он ловко расстегнул и их, так что одежда сползла с ее плеч, обнажив почти полностью ее грудь.

Она попыталась остановить это и ухватила за ткань, после чего слегка попятилась, но споткнувшись о уже сползший до пола край своей одежды, пошатнувшись и, вскинув для равновесия лапки, отпустила одежду, от чего та немедленно сползла настолько, что полностью оголила не только ее груди, но и весь ее торс, остановившись лишь где-то в районе ее бедер. Она попыталась было отступить еще, но тут совершенно неожиданно могучий лев слегка толкнул ее повалил на ложе. Прижав к нему ее верхние лапки над ее головой, он медленно провел своим горячим влажным языком по ее обнаженным грудям.

Она слегка вскрикнула, протестуя против этого, но ее слова потонули во внезапно раздавшемся очень близко грохоте очередного раската грома. А между тем ее темные соски, украшенные скромным украшением, сделанным из пары маленьких водных камней на тонкой цепочке, переливающимися в свете нежно-голубыми красками, предательски набухли. Она изогнулась, снова стараясь высвободиться из могучих объятий, но это лишь помогло молодому льву окончательно стянуть с нее одежду, отбросив куда-то в сторону.

— Не волнуйся, я заплачу, просто расслабься, — прошептал он, продолжая свои ласки.

Слегка выпустив когти, он провел по ее напряженному телу, покалывая ими ее в особых местах, отчего она почувствовала, как горячая волна вождления вопреки воле заполняет ее всю без остатка, путая мысли и лишая воли к сопротивлению.

Между тем он снова и снова проводил своим горячим языком по ее грудям и ниже по обнаженному животу. Все попытки юной самки остановить его не приносили никакого результата, похоже, ее упорство даже еще больше распыляло его.

Она сжала свои бедра, стараясь не допустить их соития, но тот опустил свои лапы и, просунув под нее мягко, но сильно сжал ее ягодицы, отчего она поневоле ослабила их. В то же мгновение точным движением он раздвинул их, и не успела она опомниться, как почувствовала его налитый соками отвердевший фаллос внутри своего тела. Она снова вскрикнула и изогнулась, а в ее голове пронеслось:

«Как же он велик!»

А между тем он легкими толчками погружал его все глубже и глубже, отчего она то и дело вскрикивала от возбуждения. Но вот наконец она почувствовала, как в ее чрево исторгло его семя, а вскоре он лег с ней рядом на ложе, крепко прижав ее к себе. Через какое-то время она почувствовала его ровное дыхание. Она попыталась освободиться и уйти, но стоило ей пошевелиться, как тот, сонно что-то пробормотав, с новой силой сжал ее в своих объятиях и снова овладел ею. Еще несколько раз она попыталась ускользнуть, но каждый раз это заканчивалось лишь очередным их соитием. Наконец, совершенно выбившись из сил, она уснула.

Проснувшись она от того, что кто-то нежно поглаживал ее живот. Она открыла глаза и увидела склонившегося над ней юного льва. Это тут же заполнило ее сознание воспоминаниями о прошедшей ночи. А между тем лев тихо заговорил:

— Как тебя зовут?

— Тики, мой господин.

— Тики?! Это же имя для детеныша.

— Так и есть, я не успела получить иного.

— Не успела, что же помешало этому?

— Его больше некому было мне дать, — с этими словами она поднялась с ложа и, поспешно подняв свою одежду, начала торопливо одевать ее.

Все это время юный лев сохранял молчание. Одевшись, она, опустив глаза и стараясь не смотреть на него, учтиво поклонилась и поспешила покинуть комнату. Как только за ней закрылась дверь, Мио блаженно потянулся и, вытянувшись на ложе, прикрыл глаза и незаметно снова уснул. Проснулся он уже тогда, когда в окно заглянуло солнце, направив свои яркие лучи прямо ему в нос, отчего он чихнул и сел на край ложа. Немного помедлив и прогоняя остатки сна, он не спеша подошел к уже совершенно остывшей купели и, отфыркиваясь, умылся, после чего оделся и вышел из комнаты. Спускаясь по скрипучей лестнице, вдруг услышал чей-то сердитый голос. Приостановившись, он прислушался. Голос доносился откуда-то снизу. Спустившись в основной зал, он увидел Тики — она виновато опустила голову и, слегка прижав уши, выслушивала ругань какого-то коротышки, в котором Мио распознал представителя одного из местных племен, а именно красных панд.

— У меня и так дела идут кое-как, а ты еще решила, воспользовавшись моим к тебе доверием, раздавать ласки за просто так!

Коротышка был так возмущен, что местами начинал шипеть, казалось, что на раскалённые камни капает вода.

— Но, господин, он говорил, что заплатит и...

— Ну да, конечно, сколько раз говорил — оплата вперед без исключения. Будь это хоть сами Древние.

Неизвестно сколько бы еще продолжал он эту гневную тираду, но Мио решил прервать его. Окончательно спустившись с лестницы, он громко окликнул коротышку:

— Эй, уважаемый, как я понимаю, вы и есть хозяин этого славного заведения?

Тот тут же смолк и, изобразив на своей морде самое радушное выражение, на которое только был способен, посмотрел на юного льва.

— Да, ваша милость, доброго вам солнцехода. Надеюсь, вы остались всем довольны?

— Более чем и готов достойно оплатить услуги вашей капы, — с этими словами он отстегнул от пояса кошель и протянул его владельцу убежища. Тот со знанием дела взвесил

кошель на своей лапе, и его усики довольно затопорщились.

— Вы необычайно щедры, ваша милость, — почти промурлыкал он.

— Что же, ваша капа вполне этого заслужила. Я и впредь буду заглядывать к вам и хотелось, чтобы вы к тому времени откормили ее. Не люблю, когда самка гремит костями.

Коротышка поспешно закивал головой, с готовностью начав уверять юного льва, что когда тот придет к ним снова, Тики будет в самом соку, словно сладостный молодой плод.

Выслушав еще несколько любезностей от коротышки, Мио заказал себе еду, а удовлетворив свой аппетит, он надел свой плащ и шагнул за порог убежища, снова оказавшись на еще не успевшей полностью просохнуть после недавнего ненастья улице. Немного помедлив, он окинул все вокруг пристальным взглядом, сделал глубокий вдох и поспешил туда, где находились пльвуны и их владельцы, и где он надеялся нанять один из них и наконец отправиться назад в родные земли.

Однако кое-что его сильно беспокоило — после того как он столь щедро оплатил свои ночные утехы с Тики, отдав за это большую часть своих солнечных камней, он сильно сомневался, что оставшихся у него хватит на оплату пути. Однако он надеялся найти Таула и, напомнив тому о том, что тот обязан ему жизнью, выторговать хорошую скидку на оплату путешествия.

«В конце концов, пусть Тики хоть немного порадуетя своему существованию. Тем более это не продлится долго, ведь рано или поздно ее хозяин поймет, что его щедрый посетитель вовсе не собирается снова возвращаться в его заведение и для нее все вернется на круги своя», — думая так, он прошел почти через все логово и добрался до того места, где находились загоны водоходов.

Обходя их один за другим, он стал узнавать цену путешествия. К своему немалому огорчению, он понял, что оплата, по сравнению с прошлым их с Гартом путешествием, стала больше, так что ему точно не хватило бы даже на половину пути. С надеждой он стал расспрашивать о Тауле, но многие из погонщиков не знали о нем ничего, и только когда он обошел почти все загоны, нашел того, кто поведал ему, что тот уже долгое время не появлялся.

— Его загоны уже давно пустуют. Говорят, его нанял какой-то не то торговец, не то посланец. Еще до того, как пути стали безопасными, заплатив ему втрое больше обычного, и он отправился с ним в путь. С тех пор о нем не было никаких вестей. Я даже опасуюсь, что он вовсе не вернется, уж слишком суровые бури в этот раз наслали на нас Древние.

Эти новости окончательно повергли Мио в уныние. Похоже, ему ничего не оставалось, как отправиться обратно в жилище Гарта и просить того о новой сумме. От этих мыслей он испытал сильнейший приступ стыда, но ничего другого ему просто не оставалось. Окинув простирающуюся перед ним бескрайнюю водную гладь тоскливым взглядом, он понуро отправился назад, вглубь логова. Ему уже нужно было найти того, кто отвезет его назад и сделать это следовало до наступления темноты, не то придется снова останавливаться на ночлег в убежище, что чревато оставить там остатки солнечных камней. Он уже почти достиг того места, где, по словам тех, у кого он спрашивал по дороге, находились ездвые твердокрылы и их владельцы, и ему оставалось лишь сторговаться с одним из них, но тут он вдруг услышал странный шум. Не успел он поднять голову, как на него неожиданно налетели, да с такой силой, что он едва устоял на лапах. Инстинктивно он схватил нерадивого незнакомца, не давая тому продолжить его бег.

— Эй, отпустите! — заорал тот так истошно, словно его собирались съесть, никак ни

меньше.

Мио хотел что-то сказать, но тут из толпы послышался окрик, явно предназначавшийся к беглецу, велевшему тому немедленно остановиться. Мио почувствовал, как его неожиданный пленник снова попытался вырваться из его лап. Внезапно с его головы свалился до того натянутый почти до самого подбородка капюшон, и Мио увидел, что это был детёныш из племени тигров, едва достигнувший отроческого возраста. Однако главное, что поразило Мио — его странный окрас: белый, с едва заметными полосками серого цвета, а его глаза были цвета великой водной глади.

На мгновенно его сердце сжалось. Перед его внутренним взором тут же промелькнул образ Лики, он словно вдруг увидел их детеныша. А между тем снова послышался грозный окрик, и из толпы выбежал грузный самец из племени кабанов. Его глаза налитые кровью, явно не предвещавшие ничего хорошего никому, на кого он направит свою ярость. В голове Мио промелькнуло предположение, что возможно, маленький беглец украл у того кошель, и теперь тот жаждал во чтобы то ни стало покарать воришку. При виде здоровяка маленький беглец с новой силой рванулся и наконец высвободился из слегка ослабивших хватку лап Мио, после чего стремглав бросился прочь, стараясь затеряться среди прохожих. Но грозный секач явно не собирался позволить тому это сделать. Мио преградил ему дорогу и попытался заговорить с ним:

— Эй, уважаемый, не стоит так сердиться из-за пригоршни камней. Я могу восполнить вашу потерю.

Здоровяк окинул его презрительным взглядом и попытался грубо оттолкнуть, но Мио ловко увернулся и подставил тому подножку, отчего тот грузно свалился, окатив все вокруг целым фонтаном грязи, в изобилии находящейся под лапами после прошедшего не так давно дождя.

— Ах ты, тварь! — взревел тот, поднимаясь на ноги и бросился на Мио, яростно размахивая своим оружием — небольшим зацепом, состоящим из несколько скрепленных между собой жилами твердокрыла колючими панцирями тихохода — небольшого по своим размерам безмолвного обитавшего на отмелях великой водной глади и имевший в качестве своей основной защиты невероятной прочности панцирь, снабженный множеством острых отростков.

Удар такого оружия запросто крушил легкую броню и уж тем более кости врагов, попадая по незащищенным местам. На Мио как раз и не было никакой защиты, кроме простого походного плаща, призванного защитить своего владельца от холода и ненастья, но никак не от оружия, тем более столь грозного.

Едва увернувшись от зацепа, он лихорадочно оглянулся в поисках хоть какого-то средства, чтобы защитить себя, и увидел лежащий на земле массивный стебель. Схватив его, он едва успел выставить его перед собой, защищаясь от нового выпада здоровяка. Зацеп обвился вокруг стебля. Воспользовавшись небольшим замешательством противника, Мио что было сил рванул стебель на себя, увлекая следом за ним и не успевшего отпустить свое застрявшие оружие секача. Тот, потеряв равновесие, пролетел мимо Мио и со всей силы врезался в опору стоящего рядом с местом их потасовки начеса. Удар был такой силы, что опора треснула и подломилась, так что навес угрожающе накренился. Послышался недовольный окрик, похоже, самого владельца строения, явно недовольного всем происходящим. Однако пока секач барахтался явно оглушенный ударом, пытаясь вновь подняться, Мио снова заговорил:

— Эй, может все-таки вы успокоитесь и мы поговорим спокойно? Я...

Договорить он не успел — совершенно неожиданно на его затылок обрушился всесокрушающий удар, от которого у него мгновенно потемнело в глазах, а сам он рухнул на колени, стараясь удержать свое сознание.

— Как вы, господин Хард?

— Не важно, главное — не упустите его высочество. Если он снова убежит, его величество со всех нас шкуру сдерет.

— Не беспокойтесь, его найдут двое моих следопытов идут по его следу, а что делать с этим невеждой?

— Отправьте его в яму, потом им займусь. Пока надо нагнать наследника.

Прежде чем тьма окончательно поглотила Мио, он успел почувствовать, как кто-то грубо схватил его и куда-то поволок. Очнулся Мио в почти полной темноте, мрак вокруг рассеивал лишь едва теплящийся светильник, закрепленный где-то в углу небольшой каменной комнатки. Жаль только, что он не мог рассеять вонь, от которой его сильно мутило. Он попытался пошевелиться, но тут же обнаружил, что его сковывает надетый на его шею твердый обруч, который был вмурован в каменную стену каморки. И хотя его лапы были совершенно свободны, этот обруч надежно удерживал его на месте.

Все попытки снять его или вырвать из стены оказались лишь пустой тратой сил. Окончательно убедившись в невозможности освободиться, Мио затих и постарался расслабиться, насколько это было возможно в сложившейся ситуации. Он стал вспоминать все, что с ним произошло, но долго предаваться размышлениям ему не довелось. До его ушей донесся гул чьих-то шагов, а вскоре в его каморку зашел облаченный в легкую броню самец, по виду напомилавший представителя племени шакалов, насколько в неясном свете это мог понять Мио.

Представитель этого племени насколько успел узнать Мио, пока пребывал в доме Гарта, как и в его родных землях в основном занималось тем, что были наемниками и выполняли другую мелкую работу по охране тех, кто им платил, стараясь однако при этом не связываться ни в какие серьезные схватки. Этот, похоже, стал стражником и охранял пленников.

Страж молча поставил на грязный каменный пол грубую сделанную миску, в которой лежало нечто, что пахло немногим лучше окружающего смрада. Мио попытался заговорить с пришедшим:

— Эй, где я нахожусь?

Незнакомец смерил его презрительным взглядом.

— Там, где и полагается тому, кто пытался похитить наследника нашего правителя, — грубо пробурчал он и вышел прочь, снова оставив Мио наедине с его невеселыми мыслями.

«Значит он не ослышался, когда тот секач говорил, что им нужно догнать его высочество. Получается, тот белый тигренок — сын местного вождя».

Все это точно не сулило ему ничего хорошего, особенно, если его посчитают похитителем.

«И угораздило вмешаться во все это и винить во всем произошедшем никого, кроме как самого себя».

Но все-таки снова и снова вспоминая того детеныша он понимал, что и теперь бросился бы тому на помощь. Время тянулось мучительно долго, еще несколько раз ему приносили тошнотворную еду, к которой он так и не смог прикоснуться, несмотря на все нарастающий

голод. Но вот наконец пришло несколько закованных в легкую броню стражей. Один из них снял с шеи обруч и, направив на него острые пики почти касаясь его шкуры, велели ему идти с ними.

Покинув каморку и пройдя по кажущимся бесконечными все так же слабо освещенным коридорам, где то и дело появлялись такие же каморки, в которой все это время находился сам Мио, они наконец вышли наружу. Оказались в месте, что по виду напоминало внутренний двор, огороженный со всех сторон высокими каменными стенами. Мио внимательно огляделся, раздумывая: не попытаться ли ему вырваться и сбежать? Хоть стражей и было несколько, он без труда мог их раскидать, даже несмотря на то, что все они были вооружены, но вот преодолеть стены... Смерив их взглядом и решив, что ему не хватит прыти преодолеть их высоту, до того как будет призвана подмога, и его снова схватят. Так что он все-таки решил положиться на волю Древних и смиренно продолжать идти туда, куда его вели, лишь надеясь, что этот путь не закончится местом его казни.

Они снова вошли в какую-то арку и оказались в огромном коридоре, но на этот раз разница была не только в размере, но и в том, что здесь не было и малейшего признака смрада. Немного попетляв по его разветвлениям, они вошли в какой-то зал. Там в свете сияния солнечного лика на постаменте возвышался огромный камень, изукрашенный различными замысловатыми узорами свивающийся в причудливые знаки. При виде этого камня Мио поневоле вспомнил своего отца, восседающего на почти таком же камне. И как он на этом камне восседал, одетый в богато украшенную броню — огромный самец, принадлежавший к племени тигров. Его рыжая шкура, покрытая черными полосками, а также многочисленными шрамами, свидетельствующими о том, что их носитель не гнушался схваток, была украшена россыпью уже седеющих прядей, а сам он хмуро взирал на окружающих из-под густых, почти совсем седых бровей. Похоже, он был даже старше, чем отец Мио.

Пленника подвели к основанию постаменту и, слегка уколов кончиками пик, заставили опуститься на колени. Несколько мгновений владыка смотрел на покорно склонившего голову юного льва, после чего жестом приказал страже удалиться. Те немедленно выполнили его приказ, а когда за ними закрылись тяжелые двери, он наконец заговорил:

— Итак, вы именно тот, кто умудрился одолеть одного из моих самых сильных воинов, помешав тому исполнить свой долг наставника моего неугомонного отпрыска?

— Ваше величество, поверьте, я не знал, что тот детеныш — ваш сын. Мне казалось, что он попал в беду, и я лишь хотел помочь ему и решить все миром.

Мио старался придать своему как можно больше искренности. Между тем повелитель продолжил:

— Похоже, ваш поступок хоть немного вразумил моего непутевого детеныша. Он с таким жаром встал на вашу защиту, полностью признав, что все, что произошло между вами и его наставником, случилось исключительно по его вине. Такого поведения я лично от него ни разу не наблюдал, так что мне даже захотелось лично посмотреть на того, кто вдруг так сильно смог на него повлиять. Могу я узнать ваше имя?

— Вы преувеличиваете мои заслуги, ваше величество. А что касаясь вашего вопроса, к сожалению, я не в силах ответить на него, у меня нет имени.

Мио опустил глаза, чувствуя, как все внутри него сжалось. Владыка, сделав небольшую паузу, снова заговорил:

— Как бы там ни было, вы тем не менее смогли одолеть его главного наставника, чего

так же никогда не бывало доселе. Так что я хотел, чтобы именно вы стали его наставником. Возможно, именно вы сумеете вложить в его упрямую голову хоть немного разумности. Само собой, ваша служба будет мной хорошо оплачена, да и звание наставника вполне может хоть и не полностью, но все же заменить вам имя.

От этих слов Мио почувствовал, как в голову ему прилила горячая волна. Он с трудом верил в то, что все, что с ним происходит — реальность. И все же, если он согласится, это означало, что он на неопределённое время, а может даже на очень и очень долгое, не сможет вернуться назад в свои родные земли, найти Лику и своего детеныша. С трудом переведя дух, он с немалым трудом подыскивая слова произнес:

— Я бесконечно благодарен вам, ваше величество, но то, что произошло между мной и наставником вашего сына, была лишь чистая случайность. Так что думаю, я вряд ли смогу научить его чему-то большему, чем его нынешний наставник.

Мио замолчал и на какое-то время в воздухе повисла тягостная пауза. Юный лев видел, как начал хмуриться его собеседник, нервно подергивая усами. Похоже, он изрядно вывел того из себя.

— Что же, касаясь того, что ваша победа над Харлом была случайностью, это ведь легко проверить, тем более тот и сам не прочь это сделать, — произнес он слегка раздраженным тоном, что только подтвердило опасение Мио, что его отказ точно не пришелся седому тигру по нраву.

Он поднялся со своего места и жестом приказал Мио следовать за ним. Предчувствуя, что сейчас произойдет нечто мало для него приятное, он покорно последовал за владыкой. Выйдя из зала через небольшие двери, находящиеся в глубине зала за возвышением, они оказались на небольшой террасе. Там Мио увидел стоящего посреди площадки того самого секача, который преследовал юного тигренка. Тот был одет в весьма легкую броню, и, насколько мог судить Мио, при нем не было оружия. При появлении своего владыки тот склонился в почтительном поклоне.

— Итак, пришло время нам всем проверить: является ли то, что между вами произошло тогда на площади, случайностью или нет.

Секач недобро ухмыльнулся. Похоже, ему не терпелось поквитаться с Мио за свое позорное поражение, да еще на глазах его юного подопечного. Сжав кулаки, он подступил к Мио и, яростно взревев, попытался тому нанести удар, но тот ловко отскочил в сторону, отчего его противник пошатнулся, увлекаемый силой своего собственного удара. На этот раз, несмотря на всю свою злость, он действовал более разумно и смог устоять на ногах. Тем временем Мио оказался за его спиной и, выпустив когти, полоснул по его массивной шее — на его загривке появились кровоточащие глубокие царапины.

— Ах ты!!! — взревел он и попытался схватить Мио, но тот снова успел в последний момент отскочить, так что могучий секач схватил лишь пустое место.

Какое-то время они так и кружили друг вокруг друга, стараясь найти слабое место. Но вот наконец Мио представилась такая возможность — уже порядком уставший за ним гоняться Харл неловко размахнулся, стараясь ударить Мио, но тот, ловко поднырнув под его кулак, что было сил вонзил когти в его брюхо, рванув после этого на себя. По животу секача побежала кровь, тот захрипел и сильно пошатнулся. Но уже спустя несколько мгновений он выпрямился и уже снова попытался ринуться в новую атаку, но тут бой был остановлен самим владыкой.

— Довольно.

Харл замер на мгновение, но затем, наградив Мио испепеляющим взглядом, покорно поклонился своему господину и поспешил прочь с террасы, при этом что-то невнятно бормоча себе под нос.

— Вы доказали, что являетесь отличным бойцом, и мой сын не просто так восхитился вашим мастерством. Итак, вы примите мое предложение стать его наставником?

— Прошу меня простить, ваше величество, но я не могу.

Мио замер, ожидая, что сейчас на его голову обрушится весь гнев владыки. Тот, лишь помедлив немного, глубоко вздохнул и тихо произнес:

— Что же, раз так, не буду вас больше задерживать.

Мио со словами благодарности отвесил ему глубокий поклон и поспешил прочь. Не успел он еще покинуть пределы обители владыки, как к тому буквально ворвался, не обращая внимание на сердитые окрики младших наставников, его неугомонный наследник. Он замер лишь, оказавшись перед возвышением, где на своем месте восседал его отец, и вопросительно посмотрел на него. Тот же, помедлив мгновение и одарив его суровым взглядом, явно не одобряющим подобного поведения, твердо произнес:

— Если ты так желаешь, чтобы этот лев стал твоим наставником, тебе придется самому уговорить его.

Его слова слегка смутили маленького тигренка, но замешательство его длилось недолго. Снова сорвавшись с места, словно внезапно подхваченный порывом ветра пожухлый лист, он стремглав бросился прочь из зала, вновь не обращая внимание на возмущение тех, кто безуспешно пытался поспеть за ним.

Вскоре после своего невольного знакомства с местным владыкой Мио оказался за пределами логова, в котором он так надолго задержался. Стремясь как можно скорее покинуть границы логова, он не стал тратить время на поиск ездового твердо крыла и того, кто отвез бы его назад, в дом Гарта. Похоже ему снова придется злоупотребить его гостеприимством.

Он шел по пыльной дороге, погруженный в тяжелые мысли. То и дело ему на ум приходили мысли о маленьком наследнике — он должен был бы злиться на того за все, что ему пришлось пережить из-за него, но он не мог. Вдруг за его спиной послышались шаги. Оглянувшись, он увидел приближающегося всадника верхом на твердокрыле.

Мио посторонился, дабы всадник мог беспрепятственно проехать мимо, но тот вместо этого, обогнав его, неожиданно перегородил ему путь своим безмолвным. Приблизившись к нему, Мио понял, что всадник — это тот самый белый тигренок. Тихо выругавшись, он попытался обойти безмолвного, но когда он с ним поравнялся, тигренок спрыгнул с него и, подбежав к Мио, заговорил:

— Прошу, не уходите.

Мио остановился и окинул его пристальным взглядом.

— Возвращайтесь назад к вашему наставнику, ваше высочество.

— Но я хочу, чтобы вы им стали. Мне не найти более лучшего наставника, чем вы. Прошу, станьте им для меня.

И тут он сделал то, чего Мио никак не ожидал — тигренок, смиренно прижав уши, низко склонил голову.

— У вас уже есть отличный наставник, который может научить вас многому. Если вы, конечно, перестанете от него убегать, а будете прилежно перенимать от него все то, что он вам дает.

— Вы лучше его, вы доказали это.

Мио промолчал в ответ и, лишь обойдя безмолвного, снова зашагал прочь, но маленький проситель, похоже, не собирался так просто сдаваться. Он пошел за ним следом, стараясь не отстать. Какое-то время они так и шли молча, в итоге Мио надоело — он остановился и окинул своего юного преследователя хмурым взглядом.

— Возвращайтесь к себе. Я все равно не изменю своего решения и ваше упрямство ни к чему не приведет.

— Я не уйду, пока вы не согласитесь учить меня, пусть даже мне придется следовать за вами до самой обители Древних, — произнес тот упрямо и посмотрел Мио прямо в глаза, стойко перенося его тяжелый взгляд.

Мио устало вздохнул:

— О, Древние, и за что только мне все это? Зачем вам учиться у того, у кого даже имени нет?

— Мне это не важно, я должен стать самым сильным воином и готов учиться хоть у самих отверженных.

— Зачем, почему?

— Потому что я хочу доказать всем, что я сын своего отца.

— Что?!

Мио от удивления даже перестал сердиться, видя, с какой искренностью юный преследователь произнес эти слова, полные какой-то внутренней потаенной горечи и даже отчаяния.

— Все вокруг шепчутся, что я вовсе не его сын. Я хочу всем им доказать, что я сын своего отца и заткнуть их поганые рты, — последние слова он почти прокричал, и в его голосе перемешались злость и боль. Даже его дыхание вдруг стало неровным.

Что-то в его словах вновь тронуло потайные струны сердца Мио. Он не мог вот так просто отвернуться от маленького бунтаря. Помедлив мгновение, он подошёл к нему и опустил свою лапу ему на плечо.

— Хорошо, я, пожалуй, смогу кое-чему вас обучить, но взамен вы будете беспрекословно слушать и выполнять все, что я скажу.

Мордочка тигренка буквально засияла, он с готовностью закивал головой.

— Да, наставник.

Соблазнительница

В дверь постучали. Мио, слегка помедлив, разрешил войти внезапному визитеру, попутно гадая, кто бы это мог быть. Для визита его юного подопечного уже поздно, и их занятия на сегодня уже окончены. Впрочем, юный тигренок вполне мог пренебречь этим и явиться к нему в любое время. Он проделывал это весьма часто, не взирая на недовольство своего нового наставника. Однако, когда дверь выделенной ему правителем комнаты открылась, за ними оказалась совсем еще юная самочка из племени песчанок, одетая более чем скромно, в простую одежду, присущую прислуге не самого высокого ранга. За ней он увидел одного из членов внутренней стражи.

— Простите за беспокойство, но эта юная особа была крайне настойчива в желании немедленно вас увидеть. Она сказала, что речь идет о жизни того, кто вам весьма дорог, — произнес тот, склонившись в почтительном поклоне.

Мио с недоумением перевел взгляд на юную посетительницу, стараясь припомнить, где он ее мог встречать. Она казалась ему очень знакомой, но он никак не мог вспомнить, откуда он ее знает. А между тем страж удалился прочь, повинувшись знаку юного льва, одновременно с этим он пригласил неожиданную гостью войти. Как только за той закрылась дверь, он вопросительно посмотрел на нее. Она, прижав просительно лапки к своей едва начавшей обретать очертания детской груди, с жаром произнесла, сбиваясь и путаясь в словах так, словно их было больше чем она была способна выпустить из своего милого ротика, а ее огромные темные глаза наполнились слезами, готовых вот-вот пролиться не менее обильным потоком, чем ее сбивчивая и торопливая речь:

— Ваша милость, молю, спасите госпожу. Если вы не поможете, она вот-вот отправится в свое последнее путешествие!

Ее слова буквально ошарашили Мио, словно внезапный удар молнии с совершенно ясного небосклона. Он постарался остановить бесконечный поток мольбы и всхлипываний. Набросив на ее дрожащие плечи свой плащ, мягко, но решительно усадил ее у огня разожжённого очага и дал ей чашу слегка хмельного сока, настояв на том, чтобы она его выпила и постаралась взять себя в лапы. Когда ей это наконец удалось, он снова спросил, что произошло и кто она сама такая.

— Я Найя, служу в убежище господина Лацта на его кухне, помогаю готовить еду для его посетителей.

Эти слова заставили сердце Мио тревожно забиться, ведь это было то самое убежище, где жила Тики.

— Тики, что с ней? — произнес он охрипшим голосом, чувствуя при этом, что ему совсем не хочется услышать ответ.

Его юная гостья снова залилась слезами:

— Ее ранил один из наших посетителей, когда она его обслуживала.

От этих слов Мио почувствовал, как горячая волна гнева стала медленно охватывать его естество. Хоть он никогда и не озвучивал этого перед хозяином Тики, но все же она считалась его личной капой, за которую он платил немалое количество солнечных камней. По негласному соглашению она обслуживала лишь его одного, ведя спокойную жизнь в стенах убежища. То, что этот порядок был так нагло нарушен, привел юного льва в откровенное бешенство, так что он даже не сдержался и глухо зарычал. Найя испуганно

вздрагнула и сжалась на своем месте, отчего стала выглядеть еще меньше, чем была на самом деле. Мио сделал глубокий вдох и постарался обуздать свой гнев. Между тем Найя снова принялась говорить, да так быстро, что едва можно было понять ее речь:

— Не гневайтесь, милостивый господин. Посетителю пытались отказать, но этот могучий самец из племени медведей ничего не желал слышать, он бы просто разгромил наше убежище, если бы ему не уступили. Он даже несколько каменных лавок в общем зале успел превратить в кучку мелких обломков. А ведь они настолько тяжелые, что их от пола-то оторвать сможет не каждый самец из числа наших работников.

Хозяин старался предложить ему других кап и даже их количество не ограничивал ради того, чтобы тот отказался от Тики но все оказалось напрасно. Ему пришлось уступить, у него просто не было иного выхода, да и сама Тики вмешалась, дав свое согласие ради того, чтобы только этот посетитель успокоился. Он вроде бы и успокоился, когда она взялась его обслужить, вот только чересчур расплывшись во время их соития, он так сильно поцарапал ее, что оставил на ее теле слишком глубокие раны. Она даже лишилась чувств, и мы обнаружили ее на залитом кровью ложе только после того, как этот буйный посетитель наконец ушел.

Хозяин позвал врачевателя, не знаю, что тот сказал, но все это произошло пять солнцеходов тому, а он после того визита больше ни разу не приходил. Тики впала в беспамятство и уже несколько солнцеходов не может ни есть, ни пить и почти не реагирует на наше присутствие.

Последние слова она едва смогла выдавить из себя и снова залилась слезами. Помедлив несколько мгновений и стараясь осознать все услышанное, Мио решительно произнес:

— Возвращайся в убежище, я скоро буду. Я не дам Тики отправиться в обитель Древних.

Найя с благодарностью посмотрела на него и, едва заметно кивнув, беззвучно выскользнула из комнаты. Мио тоже не стал сильно задерживаться. Накинув плащ и взяв из тайника часть запаса солнечных камней, которые успел к тому времени накопить, будучи на службе у правителя, он поспешил прочь, направившись в сторону убежища, которое так часто за последнее время посещал в те моменты, когда у него выпадали паузы между его занятиями с юным наследником местного правителя.

Дорога была ему знакома настолько, что казалось, его лапы сами несли его туда, пока мысли были заняты обдумыванием всего, что произошло. И вот он наконец оказался перед знакомой обшарпанной дверью. Не задумываясь, он решительно распахнул ее и шагнул внутрь. Солнцеход еще был в самом разгаре, и в главном зале убежища почти не было посетителей. На шум открывающейся двери по привычке вышло несколько кап, в чьи обязанности входило встречать вновь пришедших посетителей. Однако при виде юного льва они вдруг как-то внезапно сникли, а одна из них поспешно юркнула вглубь зала, туда, где находились внутренние комнаты убежища.

Не прошло и пары минут, как в зале появился сам хозяин данного заведения. Он, попытавшись изобразить на своей мордочке радость, что у него вышло весьма неважно. Стоило только чуть пристальнее посмотреть на него, как сразу становилось ясно, что он сильно встревожен. Стараясь не смотреть в глаза своему постоянному клиенту, он пробормотал приветствие. Мио же буквально сверлил его взглядом, едва ответив на приветствие, потребовал немедленно провести его к Тики. От этих слов коротышка так сильно вздрогнул, словно его кто-то невидимый наградил неслабой затрециной, так что он даже как-то внезапно поник. С трудом переведя дыхание, он с едва заметная дрожью в

голосе произнес:

— Ну зачем так торопиться, добрый господин? Присядьте, поешьте. Уверен, вы не откажетесь от парочки наших новых блюд.

Мио слегка нахмурился и с плохо сдерживаемым раздражением ответил:

— Нет, благодарю, я хочу немедленно увидеть Тики, — с этими словами он было шагнул в сторону лестницы, ведущей к внутренним комнатам, но хозяин в отчаянной попытке как можно дольше оттянуть неизбежное почти пропищал:

— Прошу, подождите.

— В чем дело? — почти прорычал Мио, уже чувствуя, что начинает окончательно терять остатки терпения.

— Мой господин, вам нельзя ее видеть.

— Это еще почему? — спросил он, буквально буравя хозяина взглядом, так что у того даже начали мелко дрожать усики.

С трудом сглотнув и отведя глаза куда-то в сторону, он едва слышно пробормотал:

— Дело в том, ну... понимаете, она заболела. Да-да, заболела и, возможно, это заразно, не хватало еще вам заразиться от нее. Выберите лучше другую капу, уверяю вас, все они не менее искусны, чем она, и смогут вас порадовать, мой господин.

Похоже, хозяин убежища давно заготовил эту байку, дабы скрыть состояние Тики, и если бы она отправилась в обитель Древних, он мог легко объяснить это тем, что она просто-напросто не перенесла болезнь. И если бы Мио не стало заранее известно от Найя правду, он, пожалуй, мог бы и поверить всему этому, но теперь это была лишь напрасная попытка, которая не вызвала у него ничего, кроме новой волны раздражения.

— Немедленно проведите меня к ней, и я больше не желаю слушать ваши отговорки, — буквально прорычал юный лев, при этом вид у него был такой, что едва бы во всем мироздании нашелся бы тот, кто решился возразить ему, и, естественно, хозяин убежища был последним среди таковых.

Обреченно опустив голову, он молча побрел к лестнице, ведущей к внутренним комнатам его заведения. Вот только на этот раз следуя за ним, Мио не поднимался, а стал спускаться куда-то вниз.

Пройдя с десятков ступеней, они оказались в небольшом коридоре с рядом весьма скромных по сравнению с теми, что находились наверху комнат. Пройдя несколько, они оказались перед одной из них, вход в которую был закрыт плотной занавеской. Не теряя ни минуты, Мио решительно отдернул ее и вошел в тесную комнатку. Там он увидел ту, ради которой явился сюда. И глядя на лежащую на весьма потрепанном, неказистом ложе самочку, он едва верил своим собственным глазам.

Ее шерстка стала тусклой и местами свалаялась; ее щеки и бока там, где они виднелись из-под широкой повязки, сделанной из каких-то странного вида волокон, ввалились, а из груди с тихим хрипом вырывалось тяжелое дыхание; ее глаза были плотно закрыты, и она не только никак не отреагировала на внезапное появление в ее комнате гостя, но осталась неподвижна, даже когда Мио осторожно притронулся к ней, бережно взяв ее совершенно холодную лапку в свою. Глядя на ту, что за все это время стала ему весьма близка, он чувствовал, как в его душе борется боль и одновременная злость на грани ярости. Кое-как справившись с ними, он посмотрел на переминающегося с лапы на лапу у входа хозяина убежища.

— Пошлите за лучшим врачом немедленно. И перенесите ее в ту комнату,

которую я у вас снимаю для нас с ней.

— Но...

— Немедленно! — буквально рявкнул Мио, так что его голос, казалось, заставил содрогнуться стены комнатки.

Хозяин испуганно подскочил на месте и мгновенно скрылся из комнаты, не смея больше произнести ни звука. Однако уже через несколько секунд пришло несколько работников и, действуя весьма осторожно, перенесли бесчувственную Тики наверх, в комнату, в которой они с Мио провели столько сладостных мгновений. Вскоре после этого пришел и вызванный хозяином врачеватель. Осмотрев раненную, он обреченно покачал головой.

— Боюсь, что шансов на то, что она выживет, очень мало. Раны хоть и не смертельные, но весьма запущены, — изрек он неутешительный вердикт.

Но Мио не собирался вот так просто сдаваться. Заплатив врачевателю немалую горсть солнечных камней и посулив еще больше, он уговорил того все же заняться раненной. Пока врачеватель хлопотал над Тики, Мио вышел из комнаты, не в силах наблюдать за всем происходящим. Спустившись в общий зал, тяжело опустился на одну из скамей.

Какое-то время он задумчиво смотрел в пространство невидящим взором. Но вдруг его взгляд привлекло странно пустующее место у одной из опор, и на ней он увидел какие-то странные повреждения, будто кто-то с невероятной силой чем-то по ней ударил, оставив глубокие вмятины. Удивительно, как он вообще ее не сломал. И тут Мио вспомнил слова Найя о буйном посетителе, который был виновен в нынешнем состоянии Тики.

Немного помедлив, Мио принял хоть и казавшееся запоздалым, но все же важное решение, возможно, способное защитить Тики от подобного в будущем, конечно, если Древним будет угодно даровать ей его. Мио приказал одной из обслуживающих посетителей кап позвать хозяина, и когда тот явился, он смерил его тяжелым взглядом и тихо произнес:

— Я хочу выкупить у вас Тики, назовите вашу цену.

От этих слов хозяин внезапно оживился, да так, что даже его усики вдруг затопорщились, как было всегда, когда с ним заводили разговор об оплате.

— Право, не знаю, ваша милость. Она обошлась мне весьма и весьма недешево, — произнес он задумчиво, слегка растягивая слова, думая при этом, что если он продаст Тики сейчас, то потеряет весьма выгодного постоянного клиента в лице юного льва, крепко привязавшегося к его капе и приносящему ему все это время весьма неплохую прибыль. Однако вместе с тем он отлично понимал, что шансов на то, что та выживет — практически нет, а тут можно неплохо нажиться.

— Сколько? — коротко произнес Мио, не желая начинать торг и готовый в тот момент отдать все свои камни до последнего, что успел накопить, служа наставником. Главное хоть как-то сгладить свою вину перед Тики. Ведь он был так уверен, что она, будучи его любимой капой, и принося тем самым немалые суммы своему владельцу, будет в безопасности, оставаясь тут. Но увы, как же он оказался наивен.

Однако корить себя было уже поздно, оставалось сделать с этим хоть что-нибудь и немедленно. Даже если она действительно уйдет в обитель Древних — пусть уйдет, принадлежа ему. А между тем хозяин убежища все прикидывал, сколько же ему можно получить с юного льва, дабы не продешевить, однако и запросить слишком много, потеряв при этом все, он тоже не желал. Наконец он, словно придя к окончательному компромиссу между жадной наживы и осторожным расчетом, прочистил горло и неожиданно твердым

голосом произнес:

— Тысяча больших солнечных камней.

Услышав его слова, у Мио даже перехватило дыхание. За такую сумму можно было приобрести не только несколько весьма искусно обученных кап, но еще и небольшое стадо верховых безмолвных в придачу. Однако он не стал торговаться, решив, что это просто неуместно. Вытащив свой поясной мешочек, он высыпал его содержимое на стол перед собой, при их виде глаза хозяина запылали огнем не меньшим, чем их блеск.

— Остальное я принесу в ближайшее время, а пока что я занимаю комнату, в которой должна оставаться Тики, пока не поправится. Подойдет та, в которой она находится сейчас. И подыщите для нее того, кто будет при ней неотлучно, одной из ваших служанок, думаю, это будет вполне по силам. Любой из них за это все я оплачу отдельно, — коротко произнес он и решительно встал со своего места.

Хозяин поспешно сгреб камни в свой кошель, услужливо кивая головой. Сухо с ним распрощавшись, Мио вернулся назад в дом правителя, где его ждала служба. Потянулось тягостное время, где надежда боролась с полным отчаянием — именно так можно было описать то, что происходило в душе Мио. Возносящий в то время столько молебных воззваний к Древним, сколько не произносил ни до, ни после этого отрезка своего существования в подлунном мире. Несмотря на все старания врачевателя, казалось, Тики просто таяла на глазах и ее переход в обитель Древних был лишь делом времени, а все старания лишь отсрочивают этот момент и ничего более. Однако юный лев не был готов вот так просто опустить ее. И вдруг, когда казалось, погас последний робкий луч надежды, Тики подала явные признаки жизни, все еще теплящиеся в ее изможденном теле.

Всего на несколько секунд она пришла в себя и смогла открыть глаза, но и этого краткого мгновения хватило Мио для того, чтобы снова воспрять духом. И его надежда не оказалась напрасной — с того момента силы стали снова возвращаться в изможденное тело юной гиены, и вскоре она смогла прийти в себя и даже проявить характер, запретив пускаться к ней Мио, пока она полностью не восстановится. Эта новость несказанно обрадовала Мио, теперь он окончательно уверился в том, что Тики, пусть и медленно, но верно выздоравливает.

И вот наконец пришел тот миг, когда он снова смог обнять ее. Но их воссоединение, увы, было недолгим, по крайней мере, не настолько, насколько бы им хотелось. Правитель, которому теперь служил юный лев, став наставником его отпрыска, решил переехать в другую часть своих земель на время великой суши. Он и его приближенные каждый сезон отправлялись в западные леса, где оставались до самого начала великих дождей. Мио, как и остальным, предстояло отправиться туда, но тут перед ним возник вопрос: как быть с Тики? Оставить ее на столь долгий срок в стенах убежища, где она не так давно была ранена — он точно не хотел, но и взять ее с собой он не мог. Вот и теперь, лежа рядом с ней и лениво поглаживая ее, он с тревогой думал об этом. Словно почувствовав его напряжение, она привстала над ним и пристально посмотрела ему в глаза:

— Мой господин, что с вами, что вас так тревожит?

Мио постарался ее успокоить, сказав, что все в порядке, но она не отступала. И тут в голову Мио пришла неожиданная идея — кажется, он нашел способ, как поступить. От этой мысли он даже довольно усмехнулся, чем привлек внимание Тики. Она с удивлением посмотрела на него, а между тем он мягко привлек ее к себе и стал медленно водить кончиком своего носа по ее шее, одновременно щекоча ее своими усами. Она поневоле

засмеялась, прижавшись к нему, и он тихо прошептал ей на ухо:

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

— Все, что только в моих силах, мой господин.

— Уверен, тебе это вполне по силам, но будет очень трудно. Однако думаю, ты точно с этим справишься.

При этих словах он ласково провел по ее обнаженной спине, слегка выпустив когти и нежно касаясь ими ее шкурки, чем вызвал ее сладостный вздох.

— Есть один самец, который, похоже, в жизни никогда не знал близости с самкой.

— Разве такие бывают?! — с недоумением в голосе произнесла Тики, продолжая млеть под ласками своего собеседника.

— Как оказалось, есть. И мне хотелось бы это изменить, так что я хочу, чтобы ты соблазнила его.

Она не сразу ответила, похоже, эта идея ее не очень радовала, но она хотела отблагодарить его за все, что он для нее сделал. Чуть помедлив, она тихо прошептала:

— Хорошо.

Мио довольно ухмыльнулся и нежно прикусил ее ушко, снова вызвав ее сладостный стон.

— Отлично, рассчитываю на тебя, но учти — он невероятно упрям, а самое главное — сторонится самок больше, чем гнева самих Древних. С ним будет очень непросто.

— Я постараюсь все исполнить, мой господин — едва слышно пробормотала она, слегка изогнувшись и подставляясь под его ласки.

В ответ Мио прижал ее к себе, и их тела спустя несколько мгновений слились в единое целое, отдавшись совместному блаженству в объятиях друг друга. Прошло еще несколько солнцеходов, за которые Тики подготовилась к поездке, а Мио смог отпроситься у правителя для того, чтобы перед отъездом решить все свои дела.

Преодолев немалый путь, они вдвоем оказались в доме Гарта, и тот явно не был рад увидеть то, что Мио сопровождала миловидного вида самочка. Он сразу же помрачнел, явно недовольный этим обстоятельством, но узнав о том, что Мио привез ее в его дом, дабы она пожила в нем какое-то время, пока юный лев будет отсутствовать из-за своей службы, он совсем потерял остатки самообладания. Почти затащив Мио в одну из своих рабочих комнат, едва сдерживаясь, он стал бурно протестовать против такой перспективы, при этом не совсем было понятно — в гневе ли он или в полном ужасе от такой внезапной перспективы.

— Нет, нет и еще тысячи раз нет!!!

— Эй, успокойся, не съест она тебя! — произнес миролюбиво Мио, едва сдерживая рвущийся из его груди смех. Еще никогда он не видел своего друга в такой панике, что немало забавляло его.

— Мне нужно уехать, и я не могу взять ее с собой, да и к тому же этому жилищу точно не помешает присутствие женской заботы.

— Здесь вполне достаточно присутствия Пади.

— Да неужели, — с этими словами юный лев демонстративно наклонился над одной из многочисленных полочек, повсюду находящихся в комнате, и демонстративно провел по ней лапой, после чего показательно сдул с нее собранную им пыль.

— И потом, ты не забыл, что все еще должен мне?

— Что?!

— Только не говори, что вдруг забыл — именно благодаря моей рекомендации в стойла

правителя были закуплены безмолвные, выращенные тобой.

— Но они лучшие!

— Да кто же спорит, вот только узнали о них с моих слов, так что теперь мне нужна ответная от тебя любезность. Так что, по-моему, вполне могу на нее рассчитывать.

Гарт не нашелся, что возразить, и ему оставалось лишь смириться со своей участью. Пробыв в его доме еще три солнцехода, Мио уехал, передав его в лапки Тики, а предстояла ей совершенно нелегкая задача. Хоть не сбылось ее опасение о том, что самец, которого попросил соблазнить ее покровитель, был уродлив, и по этой причине не имевший связи с самкой в причудливости, равных ему она еще никого не встречала, хоть и перевидала их немало, служа в убежище. Похоже, он был затворником даже в стенах собственного дома, почти все время проводя в комнатах, где изучал что-то или пропадал в стойлах, где обитали безмолвные.

Она пыталась привлечь его внимание, надевая всевозможные наряды, которые подготовила перед тем, как отправиться сюда. Но в те краткие минуты, когда они оказывались вместе, а случалось это в основном во время их совместной трапезы, тот предпочитал, насупившись, созерцать лишь содержимое своей тарелки.

Тики изо всех сил старалась изобразить скромную и тихую самочку, во всем помогая престарелой служанки хозяина дома уже, явно с трудом справляющейся со своими обязанностями, в отличие от своего угрюмого господина, вполне довольная тем, что в доме появилась еще пара умелых и сильных лапок. Однако как бы она ни старалась, это явно не приносило нужного ей расположения упрямого енота. Одним Древним ведомо, сколько еще ее усилий пропали бы впустую, но тут Гарт внезапно заболел, явно переусердствовав в своих бесконечных изысканиях, которых по странному стечению обстоятельств стало еще больше после появления в его доме Тики. Он погрузился в них с таким рвением, не давая себе никакого отдыха, порой забывая и про сон, и про пищу. Что, конечно, не преминуло дать свои пагубные плоды, которые ему поневоле пришлось сполна вкусить.

Он стал нуждаться в опеке и тут уж ему ничего не осталось, как принять заботу своей юной гостью. Проводя с больным время, который теперь не мог скрыться от нее, Тики стала ловить на себе его откровенные взгляды, выдававшие его больше, чем тысяча слов. Однако он смотрел на нее украдкой и стоило ему понять, что Тики заметила его интерес, как он тут же начинал хмуриться и ворчать. В целом, его поведение вдруг напомнило ей юных и неопытных самцов из ее родного племени. Там всегда самки занимали главенствующее положение, будучи главными охотницами и воительницами, готовыми в любой момент встать на защиту и своего логова, и территории. Что касалось выбора партнера, именно самки решали с кем им быть, отчего самцам лишь оставалось скромно держаться в стороне, стараясь, чтобы на них обратила внимание та, что им понравилась.

По какой-то неведомой причине поведение енота было точь-в-точь таким же, и это внезапное открытие наполнило ее радостью, словно она вдруг смогла решить непосильную задачу. Похоже, она все же исполнит просьбу юного льва, и это не могло не радовать ее. Да и к тому же, снова почувствовать себя в том положении, которого ее лишили так давно, вырвав из привычного мира — это многого стоило. Постепенно она стала проявлять все большую настойчивость: то и дело в ее голосе стали проскальзывать повелительные нотки в общении с Гартом, особенно когда речь заходила о том, что ему было нужно вовремя принимать лекарства и соблюдать режим, пренебрегая его любимой возней с безмолвными.

Постепенно он перестал даже пытаться возражать внезапно ставшей напористой Тики,

ибо совершенно ясно осознал, что это просто бесполезно. Она буквально преследовала его, так что он не мог скрыться от нее нигде. И тут случилась еще одна неприятность — не успел он до конца избавиться от свалившей его хвори, как, возясь с безмолвными, неожиданно потянул спину. Стараясь избавиться от неприятного ощущения, он забрался в горячую купальню, но долго наслаждаться одиночеством у него не вышло — дверь отворилась, и в купальню вошла Тики. От такой неожиданности Гарт буквально онемел, а внезапная нарушительница, не теряя ни минуты, сняла свою одежду и вошла в воду.

— Эй, сюда нельзя! — попытался было возмутиться он осипшим голосом, через несколько мгновений придя немного в себя от неожиданности. Но Тики была невозмутима — она решительно зашла ему за спину и начала массировать его.

— Вы желаете выздороветь или нет? — строго произнесла она на его возмущение.

— Но ты же совершенно нагая...

— Никаких «но», мой господин. Если уж вам так неохота на меня смотреть, так я и не настаиваю, на затылке-то у вас глаз нет, так что просто сидите спокойно и не вертитесь — произнесла она почти в приказном тоне, так что Гарту ничего не осталось, как просто покориться ей.

Тем временем она продолжала массировать его тело. Он ощущал, как она прикасается к нему своей обнаженной грудью, и каждый раз его при этом накрывало горячей волной, так что он едва сдерживался, чтобы не вскочить и не убежать прочь. Хотя похоже, она бы ему этого точно не позволила, ибо крепко обхватила его своими задними лапками, словно чувствуя, что нечто подобное он может сделать. Но вот наконец эта сладостная пытка закончилась, и она милосердно отпустила его. Он поспешил прочь из купальни, стараясь не смотреть на свою мучительницу, но все же не удержался и бросил на нее короткий взгляд. Та смотрела на него, и на ее мордочке играла легкая улыбка, словно все это немало веселило ее.

Он почти бегом, путаясь и спотыкаясь о края ткани, в которую завернулся, покинул пределы купальни и отправился в свою спальню, только там кое-как сумел успокоиться. Когда улеглось его волнение после всего пережитого, он смог лечь на свое ложе. Однако вдруг понял, что у него совершенно прошла боль в спине.

— И как она только узнала? — сонно пробормотал он, чувствуя, как проваливается в объятия сна.

На следующий день, снова деля трапезу со своей гостьей, он едва мог смотреть на нее, снова и снова чувствуя смущение после всего произошедшего. А вот ее, похоже, это совершенно не заботило, и она вела себя спокойно, словно ничего необычного не произошло. Прошло еще несколько солнцеходов, постепенно яркие воспоминания стали понемногу притухать в сознании Гарта, но тут Тики снова решила сделать свой ход для достижения поставленной задачи. На этот раз он оказался еще более неожиданным и дерзким, чем инцидент в купальне.

В тот вечер Гарт как всегда лег спать, не ожидая никакого подвоха. Внезапно из объятий сна его вырвало ощущение, что кто-то бесцеремонно трогает его, запустив лапку в потаенное местечко, меж его бедер. Это почти мгновенно вырвало его из объятий сна. Он попытался подняться, но не тут-то было — кто-то прижал его к ложу, не давая и пошевелиться. Он попытался оттолкнуть того, кто вдруг оказался на нем сверху, но сон еще не совсем покинул его сознание. Все его движения были какими-то невероятно-скованными и вялыми. И тут над его ухом раздался шепот:

— Успокойтесь, мой господин.

От этих слов сердце его забилося, как испуганный легкокрыл. Казалось, еще немного и оно точно выпрыгнет из его груди. А между тем он снова безуспешно попытался вырваться из объятий неожиданной ночной гостьи, но не смог. Все, что ему оставалось — это лишь беспомощно лежать, глядя на силуэт совершенно обнаженной Тики, подсвеченный призрачным светом звезд, проникающих в комнату через окно. Она же продолжала ласково массировать его плоть, стараясь возбудить его, но все, что она смогла добиться — слабое шевеление его фаллоса, который едва смог налиться жизненными соками и слегка приподняться.

— Ну до чего же вы себя довели своим воздержанием, и чему тут удивляться, что у вас слабое здоровье, — укоризненно прошептала она.

Тут она осторожно погрузила едва отвердевшую плоть Гарта в свое лоно и сдавила его внутренними мышцами тела. От этого елот вдруг издал звук, напомнивший Тики тихий писк детеныша.

— Потерпите, мой господин, ваши соки надо заставить снова течь по телу, так что просто расслабьтесь, — буквально проворковала она, склонившись к его уху.

Откинувшись слегка назад, стала то сжимать, то вновь ослабевать свое лоно. Так продолжалось до тех пор, пока она не почувствовала, как в ее чрево пролилось его семя. Чувство было едва различимое, но все же она отпустила вконец измученного Гарта и легла рядом с ним, сладостно потянувшись. Гарт лежал неподвижно, все никак до конца не в силах прийти в себя. В его паху, казалось, бегала тысяча невидимых существ, при этом он совершенно неожиданно для себя ощущал невероятную легкость во всем теле, чего не испытывал, пожалуй, никогда в своей жизни. Немного придя в себя, он смог повернуться на бок, и тут его нос уткнулся в Тики. Он почувствовал ее пьянящий запах и, сам плохо отдавая отчет в своих действиях, он прижался к ее обнаженной груди, крепко обняв ее, что было сил. Прильнув к ней, словно действительно испуганный и сбитый с толку детеныш, а она стала ласково гладить его, будто стараясь успокоить, так незаметно он и уснул.

Когда он снова открыл глаза, Тики все еще была рядом и крепко спала. Увидев ее, Гарт отпрянул от нее, так что едва не свалился с ложа. Похоже, все произошедшее с ним ночью не было сном. Кое-как одевшись, он поспешил прочь. Он буквально влетел в свою основную рабочую комнату и, закрыв дверь на замок, долго сидел за рабочим столом, обхватив голову руками, стараясь привести мысли в порядок и понять, что и как с ним произошло минувшей ночью. Но все его мысли снова и снова возвращались к Тики, ее соблазнительному телу и запаху, при этом чувствовал такое желание снова оказаться в ее объятиях, что его даже стала бить мелкая дрожь.

Стараясь отвлечься, он погрузился в работу. Постепенно описание нового вида безмолвного, который вылупился накануне в его инкубаторе из одного из привезенных им яиц, привычно овладело им, так что он не заметил, как тихо щёлкнул замок его двери, и в комнату вошла Тики, неся небольшой поднос со стоящей там небольшой чашечкой с едой. Тихо подойдя к Гарту, она опустила его на край стола, и только погруженный в работу елот, почувствовав запах еды, заметил, что уже не один.

— Как ты сюда попала?!

Удивление и неподдельное замешательство Гарта поневоле заставило Тики улыбнуться.

— Просто взяла ключи у Пати, она же сказала, что вы пропустили завтрак, и это после того, как вы едва оправились от болезни.

Последние слова она произнесла слегка сердито, словно говорила с провинившимся детенышем. Это не ускользнуло от внимания Гарта и немало смутило. Похоже, пришла пора поставить дерзкую гостью на место, пока она окончательно не взяла над ним верх. Выпрямившись и нарочито стараясь не смотреть на нее, он постарался придать голосу твердость и отчетливо произнес:

— Послушай, конечно, я ценю твою заботу, но я уже не детеныш, слышишь. Я сам решаю, как поступать и что, и когда мне следует делать.

Он надеялся, что его слова осадят пыл его внезапной благодетельницы, возможно, даже обидят, заставив ту отступить. Но похоже, они лишь снова позабавили ее. Слегка наклонившись к нему, она тихо произнесла:

— Конечно, вы, мой господин, не детёныш. Будь вы им, я вас за подобное поведение отшлепала как следует.

Затем она совершенно неожиданно для Гарта нежно, но весьма ощутимо укусила его за край уха, так что он даже вздрогнул от неожиданности. А Тики, тихо засмеявшись, выпрямилась и не спеша вышла вон, оставив окончательно обескураженного Гарта наедине. Весь тот солнцеход он провел в тревожных раздумьях — теперь он точно знал, как она смогла попасть в его спальню, но что случилось с ним там: почему он не смог сопротивляться ей? Вывод напрашивался лишь один — похоже, она что-то подмешала ему. То, что он выпил или съел. Эта мысль не давала ему покоя, как и та, что если он не сумеет предотвратить повторение подобного, то она окончательно завладеет им. Так что за ужином он так и не притронулся к еде, что конечно, не ускользнуло от внимания Тики.

— Что с вами? Вы совершенно не притронулись к еде и даже не съели то, что я вам принесла ранее. Вы плохо себя чувствуете?

— Нет, просто не хочу, чтобы меня снова одурманили, как предыдущей ночью, — произнес он, угрюмо глядя не на нее, но его слова лишь снова заставили юную гиену весело рассмеяться.

— Итак, теперь вы решили объявить голодовку? И как долго она продлится, позвольте узнать? Чисто для того, чтобы не приходилось зазря готовить и переводить продукты.

— Столько, сколько это позволит мне оставаться в здравом рассудке и не оказаться снова в твоих объятиях.

Тики снова усмехнулась:

— Ну-у-у, уверяю вас, что это напрасная трата сил. Вы лишь ослабнете и облегчите мне это, да и кто вам сказал, что я просто не найду другой способ одурманить вас, мой господин? — с этими словами она встала из-за стола и не спеша вышла из обеденного зала, пройдя мимо вновь обескураженного уже в который раз хозяина дома, соблазнительно покачивая бедрами.

— Хоть из дома беги, — почти простонал Гарт, спустя пару минут немного придя в себя после всего услышанного.

Еще несколько минут он просидел неподвижно, с подозрением глядя на свою, к тому времени, окончательно остывшую еду. Наконец голод взял над ним вверх, и он не спеша, стараясь понять, не подмешано ли в нее чего-то, стал поглощать ее. Долго в ту ночь он не мог уснуть, вертясь с боку на бок и не находя себе места. Но при этом он не мог точно сказать даже самому себе, что не давало ему уснуть. Тревога, что едва он уснет, как к нему явится Тики, или же наоборот — что она как раз не придет.

Только перед восходом ему удалось заснуть, и на этот раз никто не прерывал его сон.

Так прошло еще несколько ночей, и он уже решил, что Тики решила отстать от него. Но едва он пришел к этому выводу, как она снова оказалась на его ложе и вновь повторилось то, что происходило в первый ее ночной визит. Разве только на этот раз это не было для Гарта совершеннейшей неожиданностью и он воспринял все куда спокойнее, что позволило ему вдруг почувствовать какой-то странный, едва уловимый запах, от которого по его телу разливалась приятная нега, не дававшая ему сопротивляться ласкам Тики.

Так продолжалось ночь за ночью и именно тогда, когда он меньше всего ожидал, в его спальне оказывалась ночная мучительница, не ослаблявшая своего натиска, пока он окончательно не оставался без сил, снова и снова засыпая в ее объятиях. Медленно, очень медленно его тело налилось жизненными соками, и его стало обуревать здоровое желание близости. Вместе с этим его скованность стала проходить, мало того, постепенно исчез и странный запах, который появлялся в его спальне вместе с ночным визитом Тики. Похоже, та перестала применять свой дурман, но даже без него он все так же был покорен ей, полностью принимая ее волю.

Вместе с этим его здоровье и даже дела укрепились, словно в нем вдруг открылся какой-то невидимый источник, закрытый до тех пор, не давая его жизни протекать более полно. Теперь он уже просто не мог себе представить свое существование без Тики, и вместе с этим в нем вдруг стал появляться страх ее потерять, ведь она была с ним лишь до тех пор, пока не вернется Мио и не увезет ее, забрав ее у него навсегда.

Подобное чувство испытывала и юная гиена, каждый раз поглаживая вновь уснувшего после очередных любовных утех на ее груди Гарта. Она не могла сомкнуть глаз, глядя на лик бесстыдно заглядывающей в их спальню луны. Тики думала о юном льве и если раньше она точно знала, что хотела остаться с ним, то теперь в этом совершенно не была уверена. Конечно, она по-прежнему была безмерно благодарна ему, но не более того — теперь она это осознавала как никогда. Гарт воскресил в ней чувства, которые она уже давно погребла в своей душе и, казалось, навсегда.

Он не просто заставил ее почувствовать себя полноценной самкой, как это было принято в ее родном племени, когда именно она решала, когда и как случится близость с избранным ею самцом, позволяя ему лишь то, что она сочтет нужным. Но вместе с тем, чувствуя каждый раз, как он словно еще слепой и беспомощный детеныш неумело, почти по-детски ласкает ее грудь, то и дело покусывая соски, словно требуя молока, в ней просыпались инстинкты матери. Матери, которой ей не суждено было стать никогда и не при каких обстоятельствах. Эти чувства были намного сильнее той благодарности, которую она испытывала к юному льву. И она разрывалась меж ними, не зная, как ей теперь быть и как продолжать жить.

Солнцеход за солнцеходом приближалось время сезона дождей, когда должен был вернуться правитель со всеми своими приближенными, в том числе, конечно, и с наставником своего единственного сына. И тут Гарт решил на то, что точно не сделал бы еще пару полных лунных ликов тому назад в той своей жизни, которую еще не преобразило появление Тики. Он стал поспешно распродавать все свое имущество, последним продав свой дом. После чего собрав нехитрый скарб, вместе с Тики отправились туда, где, как ему казалось, их никто и никогда не найдет и не сможет разлучить.

Первая кровь

Мио сделал глубокий вдох, чувствуя, как его грудь наполняет тяжелый влажный воздух, пропитанный незнакомыми запахами. Он никогда не бывал в местах подобным этим владениям повелителя племени могучих звездных тигров — одного из самых сильных среди своих братьев. Его владения были невероятно обширны и во много раз больше, чем земли его родного отца. Они были настолько велики, что с наступлением разных сезонов весь его дом переходил с одного места обитания на другое. Вот и сейчас, когда наступил засушливый сезон, они все это время находились здесь, в почти непроходимых восточных лесах, состоящих из множества растений: от маленьких, стелющихся по земле; до тех, что, взмыв ввысь, закрывали собой сам солнечный лик, погружая все, что находилось у их подножия в полумрак.

Мио огляделся в поисках своего юного ученика, наследника правителя племени. Вскоре он увидел, как мелькнула его светлая фигура среди нескольких охотников из племени леопардов, готовящих западню для дичи, которую им предстояло загнать сюда в ходе предстоящей охоты.

Юный тигренок пребывал в невероятном возбуждении. Это была его самая первая охота, и от того его непоседливость просто переходила все границы допустимого, чем усложняла и так нелегкую задачу Мио как его старшего наставника. В свою очередь, это добавляло и без того напряженной обстановке элемент немалой нервозности. Он поспешил к своему подопечному, где с хмурым видом уже в который раз сделал ему замечание. Но похоже, тот даже не услышал его, продолжая то и дело принимать деятельное участие в подготовке к ловле.

Наконец все было готово и часть охотников ушла вглубь непроходимых зарослей. Им предстояло найти и выгнать на основную группу своих товарищей дичь, остальным же оставалось лишь ждать. Тут Мио подошел к своему подопечному и увидел, что тот находится в весьма раздосадованном состоянии. На его вопросительный взгляд он с едва сдерживаемым раздражением сообщил, что ему не дали присоединиться к группе загонщиков.

— Отец, он запретил брать меня в группу загонщиков. Он решил, что мне там не место, но я не хуже их могу различать запахи.

Мио снисходительно хмыкнул. Спорить со своим порой не в меру горячим учеником было бесполезно, как и пытаться что-то ему объяснить, пока тот находился в таком настроении. За те несколько полных лунных ликов, что он был его наставником, он это хорошо понял. Между тем был дан знак главным ловчим и им вместе с остальными пришлось затаиться за краем ловушки, приготовив шипострелы. Мио замер на месте — для него ожидание в засаде было уже делом привычным, ибо на его счету уже немало охот. Однако тигренок явно был не в восторге от ожидания: его усики нервно подрагивали, он то и дело поводил ушами, словно стараясь что-то уловить, и подергивал кончиком своего хвоста в нетерпении.

Но вот до слуха Мио долетел едва уловимый звук. Нечто приближалось и слух его не подвел — скоро последовал сигнал смотрящего, сидящего на верху одного из росших недалеко от места засады могучих растений. Вскоре послышался сильный треск, нечто буквально проламывалось сквозь заросли. Все охотники напрялись и вот наконец из

зарослей выскочил бронегрыз в окружении загонщиков. Это был невероятно огромный экземпляр, этот безмолвный и так представлял из себя весьма грозное существо, которое многие предпочитали обходить десятой тропой, а этот — просто гигант.

— Как это понимать? Они же должны были пригнать молодого жальшика?! — едва слышно пробормотал сидящий рядом с Мио один из охотников, явно обескураженный происходящим.

Но искать ответ на вопрос было явно некогда. Огромный безмолвный буквально влетел в ловушку и со всей своей мощи набросился на огораживающие ее край заостренные колья. Они проткнули его твердую кожу в тех нескольких местах, где броня имела уязвимости и некоторые так и остались в ней торчать, сломанные его натиском. Эта боль привела безмолвного в неопишную ярость, и он стал метаться по ловушке, стараясь найти в ней спасительную брешь.

Но тут минутное замешательство прошло, и охотники стали стрелять в него из шипострелов, но шипы, выпущенные из них, не были предназначены для поражения такой добычи. Они лишь застревали в его бронированной шкуре, не причиняя никакого особого вреда, разве только приводя его в еще большее бешенство, заставляя того метаться еще сильнее. И вот его натиск увенчался успехом — он вырвал несколько кольев, огораживающих край ловушки и выскочив из нее, рванул прочь, сметая все на своем пути. Было не важно какое препятствие оказалось на его пути, он с легкостью ломал даже огромные стволы гигантских растений. Уже спустя несколько минут он исчез в зарослях и только удаляющийся треск свидетельствовал о его передвижении.

Когда звук окончательно стих, все наконец смогли перевести дух, и тут Мио внезапно обнаружил, что рядом с ним нет его ученика. Он с беспокойством стал искать его среди сбившихся в небольшие группы и бурно обсуждающих происшествие охотников, но и там тигренка не оказалось. Беспокойство Мио достигло невероятной высоты. Он почти был уверен, что тот ввязался в какую-то авантюру, воспользовавшись переполохом. Вернувшись на то место, где они не так давно сидели в засаде, он стал внимательно изучать следы и вскоре нашел то, что искал. Как он и опасался, они вели вглубь зарослей, ведущих прочь от места охоты.

Он шел по следам какое-то время, но скоро те оборвались, словно тигренок взлетел или провалился под землю. Напрасно он тщательно осматривал все вокруг, ища хоть какие-то признаки его присутствия. Мио остановился в растерянности. Что ему теперь делать: попытаться искать дальше самостоятельно? Но что, если юный авантюрист попадет в беду, как было уже не раз из-за его неопытности до того, как он сможет обнаружить его след, если вообще сможет. А если он отправится за помощью, то ему придется столкнуться с насмешками остальных, что не справился с детенышем. И первым, кто не преминет это сделать, будет Харт, тот самый секач, место которого он занял, и за что тот до сих пор держал на него обиду. Да и доложить правителю точно не упустит такой возможности при случае.

Однако пока он колебался, до его носа долетел запах — это был запах его подопечного. Стараясь не упустить сей едва уловимый путеводный след, он пошел по нему и вскоре оказался на краю какой-то небольшой прогалины, судя по звуку, расположенной на берегу водного потока. Там он увидел беглеца, тот стоял на поваленном стебле и куда-то внимательно всматривался. Мио едва слышно выругался и, стараясь не привлекать к себе внимание, стал пробираться к поваленному стеблю. Так и оставшись незамеченным своим

юным подопечным, он ступил на ствол и, только оказавшись за спиной юного наследника, он наконец подал голос:

— Может, потрудитесь пояснить, что вы тут делаете, ваше высочество?

Тот от неожиданности почти подскочил на месте и, резко повернувшись, несколько мгновений с неподдельным удивлением смотрел на своего наставника, возникшего рядом, словно призрак, а тот между тем, нахмурившись, продолжил:

— Вы должны находиться с остальными охотниками как минимум, не говоря уже о том, чтобы быть рядом со мной.

Тигренок пристыженно опустил уши, но вскоре, когда его удивление от внезапного появления Мио прошло, он снова, как было это уже не раз, попытался отстоять свою личную точку зрения на все происходящее. Вновь проявив свое легендарное упрямство, которое довело немало его наставников до полного отчаянья, заставив отказаться от обучения сего необузданного детеныша, и даже Мио не раз уже подумывал об оставлении сего поста, каждый раз останавливаясь лишь от того, что все же хотел понять, почему тот так себя ведет, то и дело подвергая себя и окружающих неоправданному риску. Однако каждый раз натыкался на глухую стену, сотканную из упрямства и самонадеянности. Вот и сейчас тот, быстро оправившись от впечатления внезапного появления своего наставника, вновь упрямо приподнял подбородок, не отводя взгляд и даже несмотря на угрюмый взгляд юного льва, упрямо произнес:

— Я не остановлюсь как все они. Добуду этого безмолвного и докажу всем, чего стою.

От этих дерзких слов Мио на миг почувствовал закипающую в нем злость. На миг закрыл глаза и, сделав глубокий вдох, постарался взять себя в лапы, затем назидательным тоном произнес:

— Все, что вы пока способны доказать, это то, что все еще являетесь маленьким детенышем, не способным ни на какие бы то ни было здравые, взрослые поступки. Мы сейчас же вернёмся назад и...

— Нет! — закричал он с таким жаром, что тот даже нашел отклик в сердце Мио, слегка погасив его раздражение.

Похоже, тигренок придавал слишком большое значение своей первой охоте. Несмотря на все еще kloкочущее в нем раздражение, тем не менее Мио все же отчасти понимал его. Он знал с каким трудом тому удалось уговорить своего отца отпустить его на эту охоту, а также за то время, пока он был его наставником, он не раз слышал обрывки пересудов приближенных правителя, касаемо маленького наследника. За спиной правителя шептались о том, что его наследник вовсе не является его сыном. Правитель был уже довольно немолод, когда у него появилась очень юная самка. Кроме того, долгое время она не приносила плода, а когда у нее наконец появился детеныш, у него совершенно неожиданно оказался необычный окрас, якобы это был знак ее неверности.

Мало того, вскоре после рождения наследника она погибла во время страшной бури, подобной которой не было не до, не после этого случая. Это также расценили как знак гнева Древних, обрушивших свой гнев на голову неверной. Все это не могло остаться вне внимания подрастающего наследника, и, похоже, именно поэтому он изо всех сил так старался доказать всем и каждому, что он сын своего отца. Однако именно это навязчивое рвение не раз ставило его в ситуации, когда он мог просто бесславно погибнуть. И как бы ни старались его наставники донести это ему, включая и Мио, они с таким же успехом могли спорить с каменной преградой.

Но ничего иного просто не оставалось, вот и Мио, снова тяжело вздохнув, приготовился в который раз разразиться поучениями в новой попытке достучаться до разума юного наследника. Внезапно он услышал странный шум, доносившийся откуда-то из-за спины тигренка. Не успел он проронить ни слова, как увидел, что из зарослей на них выскочил безмолвный, похоже, привлеченный криком тигренка и решивший поохотиться, воспользовался неосторожностью неожиданных посетителей его территории.

Он двигался так стремительно, что неминуемо поразил бы юного охотника, вмиг превратившегося в дичь. К счастью, отточенная реакция Мио помешала его планам. Не произнося ни единого звука, он бросился к тигренку и успел закрыть его своим телом, когда в него с невероятной силой врезался безмолвный, от удара которого у Мио перехватило дыхание и потемнело в глазах. Где-то над его ухом послышалось клацанье жвал, сомкнувшихся там, где еще мгновение назад была голова наследника. Все так же крепко прижимая к себе тигренка, он почувствовал, как полетел куда-то вглубь непроглядной тьмы под недовольный писк безмолвного, решившегося своей законной дичи.

Он не знал, сколько длился этот полет, но вдруг он почувствовал жгучую боль и невероятный холод, которые тем не менее рассеяли тьму. В следующее мгновение после этого он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Сделав отчаянный рывок, он сумел подняться вверх и там наконец судорожно вдохнул. Отчаянно моргая, он огляделся, стараясь понять, где он и что происходит. Вокруг него была вода и она бурлила, словно кипящий котел, но при этом она была просто невероятно ледяной настолько, что Мио уже успел продрогнуть до такой степени, что его тело стало неметь. Но главное — поток нес его куда-то в неизвестность. Стараясь хоть немного согреться и хотя бы замедлить свое движение по воле невероятно сильного течения, он стал что было сил грести против течения, попутно стараясь найти место, где бы он мог выбраться из него на твердую поверхность.

И вдруг сквозь рев воды послышался крик, он повторялся снова и снова. Вскоре Мио понял, что это голос его ученика. Он отчаянно звал его снова и снова. Мио попытался ответить, но его голос звучал глухо, так что вряд ли хоть кто-то мог его услышать. Тем не менее, когда по воле потока он выплыл, из-за очередного поворота он увидел тигренка, стоящего на огромном камне, словно остров, возвышающийся посреди бурного потока, и Мио несло прямо на него. Он попытался обогнуть преграду, но все-таки довольно болезненно поток столкнул их, и снова его изможденное тело пронзила боль, впрочем, она же придала ему сил.

С отчаяньем обреченного он ухватился за шершавую поверхность, стараясь удержаться изо всех сил до боли в лапах и вонзив в твердую поверхность свои когти. Но силы были неравны и поток все тянул за собой так, что его когти стали скользить по мокрой и скользкой поверхности. Тут ему на помощь пришел его юный подопечный. Буквально впившись когтями и зубами в его мокрую броню, он что было сил стал тащить своего полуоглушённого наставника наверх, не давая потоку смыть его окончательно. Никто из них не знал, как долго длилась эта неравная борьба, но вот их совместные усилия увенчались успехом, и Мио наконец оказался на твердой поверхности. Тяжело дыша, он распластался на поверхности спасительной тверди, хватая воздух полной грудью и не веря в то, что все это не бред отправившегося к Древним.

— Наставник, вы в порядке? — услышал он едва различимый на фоне рева потока голос.

Открыв глаза, он сел, поморщившись от пронзивший его при этом тупой боли от

перенесенных ударов. Ощущение при этом были такие, словно он побывал под лапами целого стада безмолвных, которые хорошенечко по нему потоптались. Однако пока было не время думать об этом, а между тем снова раздался сдавленный голос тигренка:

— Простите меня, прошу!

Мио посмотрел на своего ученика и увидел, что тот, прижав виновато уши, склонил голову, стараясь не смотреть на своего наставника, при этом он был весь мокрый, покрытый песком и каким-то мелким мусором. Вид у него был настолько подавленный и потрепанный, что Мио вмиг забыл о всем своем раздражении и ободряюще хлопнул его по плечу.

— Ладно, что произошло, то произошло. Нужно подумать, как отсюда выбраться, ибо на помощь нам точно не стоит рассчитывать, ну по крайней мере скорую. А поторопиться стоит, кто его знает, какие еще безмолвные тут водятся и кому из них придет в голову попробовать нас на вкус.

Он медленно встал на лапы и не спеша огляделся: вокруг них бурлил поток и переплыть его можно было даже не мечтать. Однако один из берегов был намного ближе, выступая вглубь потока узким выступом, и он был их единственным шансом выбраться. Не глядя на своего подопечного, он произнес:

— Видите вон тот выступ, ваше высочество? — произнёс он, указывая в том направлении лапой. Тигренок посмотрел в ту сторону и утвердительно кивнул.

— Отлично, это единственное место, куда нам, возможно, получится добраться.

— Но наставник, там течение еще сильнее, чем на широком месте, нас унесет.

— А кто сказал, что мы полезем в воду? Лично я досыта накупался, уж не знаю, конечно, как вы, ваше высочество.

— Но как тогда? — растерянно пробормотал тот, явно не понимая, что задумал его наставник. Однако тот не стал долго его томить и продолжил. — Один из нас попытается туда допрыгнуть, и это будете вы, ваше высочество.

— Я?!

— Да, вы заберетесь мне на плечи, и я постараюсь подтолкнуть вас как можно сильнее. Вы достаточно легкий, и если на то будет милость Древних, вы достигните суши. Справитесь?

Тут он перевел взгляд на тигренка, и на его мордочке читалось беспокойство. Он даже несколько раз нервно облизал свой нос, но вот по-видимому он справился с охватившим его волнением, и на его мордочке появилось выражение решимости, так хорошо знакомое Мио, однако теперь это было более, чем кстати.

Недолго думая, он присел, и тигренок ловко забрался ему на плечи, после чего Мио, несколько раз присев, подпрыгнул вверх, а его подопечный, при этом оттолкнувшись что было сил, выбросил свое тело вперед. Он пролетел над бурным потоком и приземлился на все четыре лапы, при этом инерция провернула его вокруг своей оси так, что он не удержался и кубарем скатился с пригорка на который попал, оказавшись в зарослях какого-то колючего растения, так что множество колючек пронзили его острой болью, но думать об этом у него не было времени.

Поспешно вскочив на лапы и выбравшись из зарослей, он поспешил на край потока. Посмотрев на камень, он увидел своего наставника, устало присевшего на краю камня. Торопливо махнув ему лапой показывая, что с ним все в порядке, он торопливо стал искать то, что могло стать спасительным мостом для него. К счастью, долго искать ему не пришлось — вскоре он нашел ствол поваленного гигантского растения. Не без труда он смог

вытащить его на край берега. Ствол был очень старым и местами его уже поразили паразиты, но все же он надеялся, что тот окажется достаточно крепок, чтобы выдержать вес льва. Он стал спускать один его конец вводу, отчаянно цепляясь за его поверхность и борясь с течением, которое норовило вырвать его из его лап.

Потратив немало сил, он смог подтолкнуть край к камню, где его ухватил Мио, и поднял на камень. Затем он осторожно ступил на него. Тигренок наблюдал за этим с замиранием сердца. Несколько раз его наставник слегка поскользнулся, и в тот момент его сердце, казалось, буквально останавливалось от ужаса. Но вот наконец Мио оказался на большой земле, где устало опустился на мягкую растительность, переводя тяжелое дыхание. Этот переход окончательно решил его остатков сил, так что закрыв глаза лишь на мгновение, он погрузился в глубокий сон и проснулся, лишь когда над ним оказался яркий лунный лик, заливающий все вокруг призрачным серебристым светом. Рядом с ним лежал, свернувшись калачиком, дрожащим от сырости и холода маленький тигренок. Мио прижал его к себе, стараясь согреть своим не менее продрогшим телом, а вскоре его снова сморил сон и проснулся он, уже когда на небе сиял солнечный лик.

Потянувшись, он сел, чувствуя, как у него ломит онемевшее от сна тело, так что казалось, что у него ноет даже кисточка на кончике хвоста. Пока он пытался размять свое затекшее тело, проснулся и его юный подопечный. Постанывая, он поднялся на лапы и болезненно поморщился. Похоже, его состояние было ненамного лучше, чем у его наставника, а кроме того, по урчанию его живота Мио понял, что тот еще и весьма голоден, но подкрепиться им было не чем. При них даже не было никакого оружия, чтобы добыть себе еду. Так что им лишь оставалось как можно скорее отправляться на поиски своего лагеря.

— Но как мы их найдем?

— К счастью, это не так сложно. Раз нас утащил поток, пойдем по его берегу против течения и как минимум дойдем до того места, где свалились. Надеюсь только, что у него нет притоков, не то плохи будут наши дела, — задумчиво произнес Мио, глядя вдаль, затем он решительно поднялся с земли, пошел вперед, а тигренок, понуро опустив голову, брел по его следам, погруженный в свои явно не слишком веселые мысли.

Они шли, довольно долго сохраняя полное молчание, но вдруг тигренок остановился и окликнул Мио, когда тот подошел к нему, вопросительно посмотрев на него, тот молча указал в сторону ближайших зарослей. Они были поломаны и смяты. Они оба подошли к ним и внимательно осмотрели, и тут на влажной земле они увидели несколько отчетливых следов.

— Похоже, тут побывал безмолвный и, судя по оставленному им следу, весьма и весьма крупный. Не отходите от меня далеко, ваше высочество. Во второй раз нам может уже не так повезти, тем более, мы совершенно безоружны, — произнёс Мио нахмурившись. Он уже собирался продолжить их путь, но его юный спутник не спешил следовать за ним.

— В чем дело, что с вами, ваше высочество? Нам нужно торопиться, ночевка в этом месте вряд ли отличная идея.

— Наставник, послушайте, это ведь тот самый безмолвный, которого мы пытались поймать.

— С чего вы это взяли?

— Тут следы его крови, и не говорите, что вы их не заметили.

— Это ни о чем не говорит.

— Но...

— Не время сейчас спорить. Если вы правы, нам тем более не стоит медлить. Не хотелось бы стать его жертвой отмщения.

— Но ими могут стать другие, мы не можем этого допустить.

— О чем вы? — произнес Мио, чувствуя, что начинает терять терпение.

— Судя по его следам, он двигается на юго-запад, а там находится логово, и его жители не знают о грозящей им опасности.

— Ну так поторопимся и расскажем о том в нашем лагере. В любом случае ничего иного нам не остается.

— Но наш лагерь наверняка еще очень далеко, а до логова он доберется куда быстрее. Мы должны предупредить жителей, это наш долг... Нет, это моя обязанность как наследника, — почти прокричал тигренок, и в его глазах полыхнул огонь, который был слишком хорошо известен Мио. Теперь его не смогли бы переубедить даже сами Древние, но тем не менее юный лев на удивление не испытывал привычного раздражения, столкнувшись с невероятной упрямостью своего подопечного. Даже наоборот, где-то в глубине он вдруг почувствовал гордость за него, ведь впервые он слышал речи не взбалмошного детеныша, а наследника главы племени. Но все же при всем при этом он не забывал и то, что он — его наставник и несет прямую ответственность за его жизнь.

Тяжело вздохнув, он произнес:

— Хорошо, мы отправимся туда, но наша миссия будет заключаться лишь в их предупреждении, а никак не в поиске и поимки безмолвного.

Тигренок с готовностью кивнул. Не теряя ни минуты, они отправились туда, где находилось логово, обитатели которого даже не подозревали, какая опасность им грозит.

Они двигались с максимальной скоростью, на какую только были способны, порой преодолевая всевозможные преграды, однако соблюдая осторожность, ведь несколько раз они слышали топот и треск, означавшие продвижения разъярённого безмолвного. Несмотря на то, что Мио все же надеялся, что тот свернет и отправится куда-то в другую сторону, судя по признакам, тот как раз-таки продвигался прямо к логову.

К логову, где обитали представители племени лемуров, они приблизились, уже когда солнце стало готовиться к своему ночному уходу. На входе их остановило несколько стражей, с подозрением глядя на потрепанных незнакомцев. Сбиваясь и буквально проглатывая слова, юный наследник принялся торопливо требовать личной встречи с главой племени. Но его не хотели слушать, похоже, решив, что он всего лишь какой-то сумасшедший бродяга. Неизвестно сколько времени еще длился бы спор, но тигренок, совершенно потеряв терпение, буквально вломился на территорию логова и бросился к жилищу, где обитал сам глава.

Подбежав к высокому и богато украшенному растению, в котором, как было заведено у этого племени, обитал вожак со всеми своими приближенными, он недолго думая начал карабкаться по нему вверх, стремясь попасть внутрь, минуя стражей на входе и новых долгих объяснений с ними, отлично понимая, что каждая минута была на счету. В ответ в него полетели шипы и копья, но тут вмешался Мио. Завязалась потасовка, чем воспользовался юный наследник, буквально влетев в отверстие в стволе, которое служило окном в одном из внутренних помещений. Те, кто был внутри, испуганно бросились врассыпную, а вскоре им на смену пришло несколько стражей внутренней охраны. Недолго думая юный тигренок буквально потребовал от них, чтобы его немедленно провели к местному владыке.

Совершенно сбитые с толку его напористостью и той неразберихой, что стала происходить из-за вмешательства Мио, они без возражений исполнили его требование. Проведя его по нескольким извилистым переходам, расположенным внутри ствола растения-жилища, они ввели его в довольно большое помещение, где в окружении нескольких милостивых самочек восседал сам глава. Бросив несколько торопливых слов приветствия, юный возмутитель спокойствия стал рассказывать о раненом безмолвном, который вот-вот должен был оказаться здесь. Благо разумно опустив момент, что появился тот благодаря неудачной охоте, проведенной накануне ловчими правителя звездных тигров.

— Вы должны немедленно отправить гонцов в мой лагерь и призвать сюда охотников, а главное приготовить своих для сдерживания этого безмолвного, пока не прибудет подмога. И самое главное — увезти ваших жителей, всех, кого возможно подальше, пока еще есть такая возможность.

Однако его слова, похоже, не слишком впечатлили местного правителя. С пренебрежением, которое он даже не стремился скрыть, он произнес:

— Никакому безмолвному не причинить нам вред, а вам, юный господин, стоит поучиться хорошим манерам.

— Да... — договорить он не успел, снаружи послышался жуткий треск.

Так и не закончив фразу, тигренок подбежал к ближайшему окну и выглянул наружу, стараясь понять, что произошло. А между тем в зал буквально ввалился всклокоченный лемур и громко произнес:

— Ваша милость, в логово вторгся огромный безмолвный.

— Ну и что? Вам что, нужно объяснять, как поступать в данном случае? — раздраженно произнес вожак, нервно подергивая хвостом. — Можно подумать, к нам раньше не являлись подобные создания. Закройте ворота и обстреляйте его дымниками.

— Простите, ваша милость, но ворот больше нет. Как и нескольких сторожевых стволов. Я даже опасаясь, что наши дозорные не успели их покинуть.

— Что?!

— Он снес их вместе с частью ограды. сейчас мы пытаемся остановить его продвижение вглубь логова, но думаю, вам и вашему семейству лучше покинуть пределы логова, а также объявить об исходе всем нашим собратьям, особенно самок и детенышей. Этого безмолвного мы вряд ли сможем остановить. Нам остается только надеяться, что он со временем сам уйдет, но прежде он принесет немало разрушений. Нужно попытаться, по крайней мере, спасти тех, кого еще возможно.

— Не говорите ерунды, — буквально прошипел окончательно разгневанный правитель, поднявшись со своего места. Он поспешно пересек зал и вышел прочь, за ним по пятам следовал посланник и юный тигренок.

Выйдя на огромное ответвление от основного ствола, служившее местом обзора, они стали внимательно осматриваться. На границе просматриваемого с этого места пространства они увидели, как под натиском какой-то невероятной силы рухнуло обитаемое растение-жилище, подняв тучу пыли. В воздух взмыло целое облако мелких безмолвных, стремящихся убраться как можно дальше.

— О Древние, что это значит? — пробормотал пораженный увиденным правитель.

Снова заговорил тигренок:

— Теперь вы сами видите, что вам не под силу остановить этого безмолвного. Может, все-таки отправите гонцов за подмогой, пока еще есть кому помогать?

При этих словах правитель метнулся прочь со смотровой площадки и вскоре скрылся в недрах жилого растения, а юный наследник помчался к выходу. Вскоре он уже оказался рядом с Мио, который к тому времени уже прекратил свою потасовку с местной стражей, в напоминание о которой у него в лапах оказалась пара коротких копий, одно из которых он вручил своему юному подопечному.

— Надеюсь, правитель послушал вас, ваше высочество, но пока попытаемся хоть немного помочь местным, дать отпор, — произнес юный лев, выслушав краткий пересказ наследника о его разговоре с вождем.

Тот согласно кивнул и вместе они бросились туда, откуда доносился невообразимый шум, состоящий из смеси треска и воплей. Оказавшись в гуще событий, они попытались собрать вокруг себя группу и хоть немного упорядочить действия защитников логова. К тому времени раненный безмолвный уже успел разнести не только ворота, но и свалить несколько жилых растений-домов. Все попытки местных остановить его привели лишь к тому, что многих из них тот успел ранить, а кое-кого и вовсе отправить в обитель Древних.

Все стремления поразить монстра заканчивались ничем — его прочную броню не брало ни одно оружие местных обитателей. А попытки отпугнуть его снарядами, сделанными из плодов местного растения, которые при контакте с твердой поверхностью трескались, выпуская в окружающее их пространства весьма едкое облачко спор. Похоже, больше доставляли неприятности самим защитникам, заставляя их глаза слезиться, а дыхание перехватывало от вдыхания этой смеси.

— Может, хотя бы получится отвлечь его, — произнес юный наследник.

Не успел Мио ему возразить, как он буквально выхватил из лап ближайшего к нему защитника шипострел, затем ловко взобрался на ближайший ствол и оттуда стал стрелять в беснующегося безмолвного. Какое-то время это не имело никакого эффекта, шипы буквально отскакивали от его бронированного тела. Но вот ему удалось попасть в щель между частями его защиты, и шипы впились в нежную плоть, расположенную под ними. Почти в то же мгновение с яростным визгом безмолвный, забыв обо всех вокруг него, стал пытаться свалить то растение, на котором засел нахальный враг. К счастью, растение оказалось весьма крепким и хоть и шаталось под его могучими ударами, все же оставалось стойко стоять.

Вдруг часть ствола, на котором сидел тигренок, внезапно надломилась и он полетел вниз. Увидев это, Мио бросился на помощь, но едва не попал под лапы беснующегося безмолвного. Спасло лишь то, что в последний момент его отшвырнул в сторону налетевший на него один из жителей логова, старающийся убраться от места схватки подальше и не особо смотревший, куда он, собственно, бежит. А между тем юный наследник оказался на шее безмолвного и, не теряя ни мгновения, стал изо всех сил колотить все еще находящимся при нем коротким копьем менее защищенную часть его тела, от чего тот стал дико брыкаться, стараясь сбросить его с себя, но тот впился в него когтями и держался на удивление крепко.

Удар за ударом сыпались на безмолвного, но внезапно его оружие сломалось. Увидев это, Мио в отчаянии даже прикусил нижнюю губу, судорожно соображая, что ему делать и как помочь своему юному подопечному. Однако произошло то, чего никто, особенно сам безмолвный, явно не ожидал. Отбросив обломок, оставшийся у него в лапе, юный наследник зубами вцепился в глазной отросток безмолвного, и тот, издав душераздирающий писк, внезапно поднялся на своих задних лапах, оголив единственное свое уязвимое место —

достаточно мягкое брюшко. Охотники воспользовались своим шансом. Тут же воздухе засвистело множество оружия и многое из них достигло своей цели. Безмолвный, снова издав визг, свалился на землю и, несколько раз перекувыркнувшись, замер. В воздухе повисла полная тишина, так что на мгновение Мио даже показалось, что он внезапно оглох, но уже через пару минут стали раздаваться восторженные вопли, означающие победу.

Тем временем с тела поверженного безмолвного смог наконец спуститься совершенно выбившийся из сил тигренок. Все еще сжимая в лапе откушенный им глаз безмолвного, он покачиваясь подошел к Мио. Юный лев одарил своего ученика одобрительным взглядом и положил тому на плечи лапы. Несколько минут они так и стояли друг напротив друга, а затем тигренка подхватили ликующие жители логова и какое-то время качали его. Между тем в полуразрушенное логово прибыли охотники из лагеря, за которыми все-таки было послано. Мио и наследника ждало долгое объяснение с Харлом, являющимся главой охотников, и лично как и Мио отвечающего за безопасность сына правителя и за время их отсутствия явно проведенным немало не самых приятных минут в своей жизни.

Переночевав в логове лемурув и на утро взяв с собой поверженного безмолвного, они отправились назад в свой лагерь. Там, следуя обычаю, они разделали поверженного принцем его первого безмолвного, приготовили и съели, оставив от того лишь куски его панциря. Через несколько солнцеходов они вернулись в свое логово и там их уже ждали. При въезде в него сына правителя все, кто встречал их, с почтением опускали головы, а простолюдины и вовсе опускались на колени, чего раньше не было. Мало того, не успел наследник переступить порог родного жилища, как почти в то же мгновение появился гонец с посланием от его отца, немедленно призывающего его к себе. Тигренок молча подчинился, а Мио остался ждать его возвращения, гадая, что все это значило и не собираются ли над его головой как над главным наставником юного наследника грозные тучи.

А между тем время шло, миновал уже не один солнцеход. Близилось время, когда им нужно было возвращаться в логово, расположенное на берегу великой водной глади, а его юный подопечный все не возвращался и от него не было никаких вестей. Да и все попытки Мио разузнать, что происходит, оказались безуспешными. Однако то и дело он стал слышать обрывки пересудов приближенных правителя и в них говорилось о наследнике. К немалому его удивлению, на этот раз говорили о нем с невероятным уважением и даже долей почтения, чего юный лев ни разу еще не слышал от кого бы то ни было. Но главное все стали к чему-то готовиться, к некому великому обряду, судя опять же разговорам, равному которому еще никогда не проводили с незапамятных времен. Ходили даже слухи, что на нем будет присутствовать один из старейших служителей Древних.

И вот настал тот миг, когда все приближенные главы племени, среди них был и Мио, как главный наставник наследника, по зову последнего были собраны в главном церемониальном зале, где собирались только по очень значимым для племени звездных тигров событиям. Переступая через порог зала, Мио испытывал смешанное чувство огромной благодарности за оказанную ему честь, но одновременно и тревоги, не зная, что его там ждет.

Войдя в него и пройдя на отведенное ему место, он увидел, что на месте правителя восседает какой-то незнакомый старец из племени тигров. Этот тигр был настолько стар, что вся его шкура была совершенно белой, словно снег на горных вершинах, время даже стерло почти без следа все его полосы. На нем одеты одежды, по которым Мио понял, что перед ним — служитель Древних. Похоже, это был именно тот самый служитель, о котором

он столько раз слышал за последнее время. Глаза старца были плотно закрыты так, что казалось, будто он спит. Когда в зал вошли все, кто должен присутствовать на церемонии, двери закрыли и какое-то время все сохраняли почти полную неподвижность и тишину. Казалось, что даже дышать все старались как можно тише.

Но вот вдруг послышался тихий шорох, словно легкий порыв ветра, и до слуха Мио донесся едва различимый звук. Он посмотрел в ту сторону, откуда тот доносился, и тут он наконец увидел своего пропавшего ученика. Он медленно шел откуда-то из глубины зала в окружении группы, судя по одеждам таких же служителей, как и тот, что занял место правителя племени. И среди них Мио смог рассмотреть самого правителя. Он шел в конце группы, замыкая эту процессию. Когда наследник поравнялся с Мио, тот увидел, что на нем красовалась новая броня. С первого же взгляда Мио понял, что сделана она из панциря поверженного юным наследником безмолвного.

Между тем тигренок, подойдя к возвышению, преклонил колено перед старцем, а сопровождающие его остановились на почтительном расстоянии и замерли, словно превратившись в каменные изваяния. Между тем старец наконец открыл глаза и тут Мио увидел, что тот совершенно слеп, его глаза были такими же белыми, как и его шерсть. Но тем не менее, он уверенно встал на лапы и, торжественно выдержав паузу, демонстративно поднял над головой что-то, что ярко блеснуло в лучах заходящего к тому времени солнца. Мио почувствовал, как волнение охватило его настолько сильно, что у него даже на миг перехватило дыхание. Он узнал этот маленький кусочек полупрозрачного вещества, висевшего на свитом из волос шнурке — это был именно кристалл.

Через мгновение старец повесил его на шею тигренка и громко произнес:

— С возвращением, Тиагрен. Твое племя готово вновь служить тебе, как было завещано великими Древними.

Юный наследник медленно поднялся и повернулся к собравшимся, и тут все присутствующие с почтением склонили свои головы и опустили на одно колено. Среди них был и сам правитель племени. Мио последовал их примеру при этом он внезапно вспомнил свой день обретения имени. Тогда после окончания церемонии его мать прислала к нему капю, и в ту ночь он впервые познал тепло обладания самкой.

«Интересно, а его еще достаточно юный ученик тоже удостоится такого дара?» — пронеслось у него в голове.

Мио опять постучал в дверь, но ответом ему была лишь мертвая тишина.

«Да куда все подевались?!»

Он уже собирался снова постучать, чувствуя как в нем стало нарастать беспокойство, но вдруг из-за двери послышались шаркающие шаги. Наконец она открылась и тут Мио предстал взлохмаченный, сонно щурившийся пожилой самец дикобраза.

— Что вам угодно? — проворчал незнакомец не слишком дружелюбным тоном, окидывая Мио подозрительным взглядом.

— Ну наконец-то, а то я уже решил, что все вымерли. Я приехал к вашему хозяину господину Гарту, он дома?

— Не знаю я никакого господина Гарта и убирайтесь из моего дома, пока я на вас не спустил шелкунов, — злобно проворчал незнакомец и с силой захлопнул дверь перед носом юного льва.

Мио стоял, словно пораженный молнией, не понимая, что все это значит. На миг он

даже подумал, не перепутал ли случайно дом, но тут за его спиной раздался знакомый голос:

— О, вы наконец вернулись, добрый господин!

Обернувшись на голос, он увидел стоящую за ним Пени. Это была уже давно немолодая самка из племени сурикатов, служившая в доме Гарта прислугой.

— Пени, может хоть вы ответите, что тут происходит, где Гарт и Тики?

— Здесь вы их больше не найдете, мой господин.

— То есть как?!

Ответ Пени буквально поверг Мио в шок. Он был ко многому готов, но что они оба вдруг исчезнут — такого он точно никак не ожидал. Сердце его вдруг сжалось в недобром предчувствии.

— Пойдемте ко мне, я вам все расскажу.

В полном недоумении Мио последовал за старушкой, и вскоре она подвела его к своему скромному жилищу, на вид столь же старому, как и его хозяйка. Проведя молодого льва в единственную большую комнату, служившей гостиной, она учтиво усадила его возле огня, весело потрескивающего в почерневшем от времени копти очаге, после чего предложила ему теплый напиток. Немного помолчав, начала свой рассказ:

— Господин Гарт уехал отсюда, распродав все, что у него тут было.

— Уехал?!

Мио едва удержался, чтобы не вскочить со своего места.

— Да, уехал. Уже где-то три полных лунных лика тому назад.

«Неужто из-за Тики он подался в бега, но где тогда она?!» — пронеслось у него в голове, а вслух произнес прерывающимся от внезапно охватившего его волнения голосом.

— А Тики, она теперь где?

— О, юная госпожа уехала с ним.

— С ним?!

Новая волна удивления накрыла его с головой. Он вполне мог понять, что старый затворник решится бежать прочь пусть и из собственного дома, только чтобы не жить в нем вместе с самкой, которых он так фанатично сторонился, но после этих слов он уже совершенно ничего не понимал.

— Да, совершенно верно, но главное — перед тем, как уехать, он велел мне передать это вам, когда вы тут появитесь, — с этими словами она достала из ящика стола, стоящего рядом с ней, увесистый поясной кошель с прикрепленным к нему посланием. С недоумением Мио принял кошель и, с волнением развернув записку, пробежал взглядом по ее содержимому. С первого же взгляда он узнал торопливый почерк енота.

«Прошу, простите меня, ваше высочество, мой поступок — верх бесчестия, особенно после всего того, чем я вам был и есть обязан. Однако с недавних пор я не могу себе представить своей жизни без Тики, и мысль о том, что она покинет меня, не дает мне жить. Так что мы уезжаем, я знаю, что вы понесли немалые расходы, связанные с ней. Надеюсь, это хоть отчасти их компенсирует. Прошу, не ищи нас. Прощайте!»

Мио снова и снова перечитывал строки, после чего обратился к терпеливо ожидавшей Пени, пока он прочтет послание.

— Скажите.

— Да, ваша милость?

— Тики, она добровольно с ним уехала, как вам показалось, он не увез ее насильно?

— Думаю, да.

— Вы уверены?

— Мой господин, ни в чем в этом мире нельзя быть уверенной. Но после того, как она так сильно преобразила господина Гарта и его жизнь, я бы скорее поверила, что это она его увезла или по крайней мере весьма повлияла на это его решение, нежели наоборот.

— Преобразила?!

— Еще как. Его словно подменили: из мрачного, степенного господина он вдруг превратился в весьма энергичного, и я бы даже сказала безумно влюбленного юнца, готового на все по первому слову госпожи Тики. Не знаю уж, как ей это удалось, но это так, могу поклясться чем угодно. Она просто околдовала его, никак иначе. А вот к добру это или нет — это уже, конечно, одним Древним только и ведомо.

Она замолчала, а Мио еще какое-то время тоже не произносил ни слова, обдумывая все ею сказанное. Словно придя к какому-то решению, он поднялся со своего места, после чего тепло распрощавшись с хозяйкой, покинул старый дом. Не задерживаясь, он отправился назад в дом правителя, по дороге он то и дело довольно ухмылялся себе в усы. Похоже, Тики более чем успешно выполнила свое обещание, и теперь он лишь надеялся, что они оба будут счастливы вместе, по крайней мере ему было приятно так думать.

Мио бесцельно шел по набережной, по пути наблюдая за выгружающими свои товары недавно прибывшими торговцами. Сезон дождей почти закончился и из-за великой водной глади снова стали прибывать торговые пловуны. А это означало, что совсем скоро ему снова придется вместе с домом повелителя племени звездных тигров отправляться в логово, расположенное в дебрях восточных лесов, но именно этого ему хотелось меньше всего. Да, он взял на себя обязательства обучить наследника правителя и все это время исполнял их, но теперь, после того как его ученик получил имя, все его естество звало вернуться назад в свои родные земли и попытаться вернуть себе утраченное имя.

Однако он все-таки был терзаем сомнениями — пришло ли это время. И тут он услышал голос, который звал его по имени, услышав его, он вздрогнул и замер на мгновение, не понимая, кому вдруг стало известно его имя. Имя, которого он был лишен вот уже столько полных лунных ликов. Помедлив мгновение, он обернулся и увидел семенящего к нему приземистого толстяка из племени капибар. На нём были одежды торговца и в его облике что-то показалось Мио знакомо, но вот что именно он никак не мог понять. Между тем тот подошел к нему и, стараясь восстановить сбившееся от его торопливого шага дыхание, поспешно отвесил ему почтительный поклон:

— Ваше высочество, господин Мио. Вот уж кого я точно никак не ожидал тут встретить, особенно после тех слухов, что я о вас слышал. Слава Древним, все это оказалось лишь рассказнями.

Мио с неподдельным удивлением окинул торговца пристальным взглядом после чего тихо произнес:

— Простите, мы с вами знакомы?!

— О, ничего удивительного, что вы меня не помните. Мы с вами познакомились на приеме у вашего отца. Меня зовут Тан, я тогда пришел засвидетельствовать ему свое почтение.

Услышав имя, Мио словно осенило. Именно этот торговец привез в его родное логово тогда еще в качестве дара правителю Лику, теперь он окончательно вспомнил его. На его морде появилось радостное выражение, что не ускользнуло от внимательного взгляда торговца.

— Да, были времена. Может, вы не откажете мне в чести разделить со мной трапезу? Если вы, конечно, не заняты?

— Нет, я не занят и с удовольствием принимаю ваше приглашение, господин Тан.

— Отлично, пойдёмте, я тут знаю вполне приличное убежище. Конечно, не сравнится с теми, что в вашем родном логове, но все же.

Вскоре они уже сидели за столом в убежище, где с удовольствием стали поглощать заказанные блюда. Какое-то время они говорили о нейтральных делах; Мио, как и подобало при таких встречах, поинтересовался у Тана, как идут его торговые дела, на что тот вдруг слегка нахмурился и, сделав небольшую паузу, произнес:

— Не то, чтобы они были уж очень плохи, но к сожалению, с некоторых пор все идет не так, как бы хотелось. Впрочем, вам, наверно, и самому это известно.

— О чем это вы?

— Да о подати в вашем родном логове, конечно. С тех пор, как химерам стало

позволено почти безраздельно властвовать над всеми торговыми путями на территории вашего племени, торговля стала не очень выгодной. Почему, собственно, мне и пришлось искать новые торговые связи уже здесь.

— Химеры властвуют над путями, неужели мой отец так и не уничтожил их?

Тан с удивлением посмотрел на своего собеседника, после чего произнес:

— Нет, ваша милость. Мало того, они теперь находятся в союзе с вашим племенем и им даже позволено находиться в главном логове на правах, порой даже превышающих те, что имеют коренные жители, и не скажу, что это идет делам на пользу.

От этих слов Мио почувствовал, как все внутри у него сжалось, а ярость начинает растекаться по его жилам. Он даже невольно глухо зарычал.

— Значит Рау все-таки добился своего.

— Рау?!

— Да, и он тот, кто стремился к этому союзу, одним только Древним ведомо, зачем он ему понадобился. Похоже, он окончательно потерял все остатки своей чести. Однако, как ему удалось склонить к этому отца, или?..

Внезапно его голос дрогнул. В его сознании вдруг пронеслась жуткая догадка, настолько поразившая его, что у него даже перехватило дыхание. Увидев его замешательство, Тан лишь покачал головой и постарался перевести разговор на другую тему. Проведя в убежище еще какое-то время, Мио, сердечно поблагодарив Тана за угощение, отправился в дом правителя. Следующих несколько солнцеходов мысли о его родном племени и том, что там происходит, не покидали его ни на минуту; ни при свете солнца, ни при лунном лике. Снова и снова он пытался понять, зачем Рау понадобился союз с химерами и главное каким образом он убедил их отца заключить этот мерзкий союз. Но ответа не было. Одно он понимал совершенно точно — это то, что он просто обязан вернуться назад и как можно скорее. Приняв окончательно решение, он настоял на встрече с правителем тигров, где преклонив колени и получив разрешение говорить, не тратя зря слов и времени, попросил владыку отпустить его со службы.

— Но почему так внезапно и как же обучение моего сына?

— Простите, ваша милость, но до меня дошли весьма тревожные вести, касаемые моих родных, я должен вернуться туда, это мой священный долг.

— Долг?! Странно это услышать от того, кто был лишен имени.

— Отчасти именно поэтому я и должен вернуться туда как можно скорее. Я обязан вернуть его себе, я и так слишком долго медлил с этим, больше откладывать это я не могу, иначе я окончательно лишусь всякой надежды и утрачу тех, кто мне дорог.

Правитель не сразу ответил, какое-то время он задумчиво смотрел на молодого льва, после чего, словно стараясь прибегнуть к последнему аргументу, дабы остановить его, произнес:

— Но как же ваше обещание, данное моему сыну?

— Ваша милость, я передал ему все знания, какими владел, теперь обучать его может лишь один учитель, равному которому для его высочества не будет даже среди Древних.

Старый тигр с удивлением посмотрел на Мио:

— И кто же он, назовите мне его?!

— Это вы, ваше величество.

Правитель удивленно поднял брови, но прежде чем он успел произнести хотя бы слово, Мио продолжил:

— Да, ваша милость, только вы способны стать для вашего сына тем, кто научит его быть владыкой, а именно это рано или поздно ему предстоит.

Правитель задумчиво нахмурился и какое-то время не произносил ни единого звука, но вот тяжело вздохнув, он прервал затянувшееся молчание:

— Что же, ваши слова, господин Наставник, конечно, имеют определенный смысл. И хотя мне трудно расставаться с тем, кто смог найти путь к сердцу моего сына и стать для него авторитетом, чего добиться до вас никто не смог. Но похоже, теперь действительно пришла пора и мне пройти этот путь.

— Рад это слышать, ваша милость.

— Ну раз так, у меня нет причин как-то препятствовать вам и остается лишь одно — пожелать вам доброго пути и покровительства самих Древних на вашем, судя по всему, весьма нелегком пути.

— Благодарю вас, ваша милость.

Мио отвесил правителю глубокий поклон и, поднявшись, вышел из зала. Теперь ему предстоял еще более тяжелый разговор с самим наследником. Зная его темперамент, он был уверен, что этот разговор будет намного тяжелее, чем с его отцом. И этот момент не заставил себя долго ждать. Уже на следующий солнцеход едва солнце начало свой путь, как в его комнату буквально ворвался юный тигренок и прямо с порога почти прокричал:

— Почему?

— И вам хорошего солнцехода, ваше высочество! — нарочито произнес Мио, наградив своего внезапного визитера слегка сердитым взглядом, явно не одобряющим такое поведение.

Юный нарушитель спокойствия оставил это без внимания и продолжил:

— Доброгo?! Как он может быть таковым, если вы решили бросить меня? — в его голосе слышалась смесь гнева и обиды, и даже некоторые нотки страха.

— Я вовсе не бросаю вас.

— Но мне сообщили, что вы отказались от службы в качестве наставника.

— Верно.

— Но...

— Я ухожу с этого поста, потому что мне больше нечему вас учить, ваше высочество.

— Но я...

— Я передал вам все, что мог. И там, в логове лемунов, вы прекрасно продемонстрировали это, оставшись без оружия один на один с опасным врагом. Вы сделали себя своим оружием. Оружием которое никогда не покинет вас, не сломается до самого конца и никогда не подведет. Именно этому я вас и учил все это время, теперь же обучение подошло к концу и мне пора продолжить мой путь, а вам предстоит пройти свой.

— Мой путь, — почти прошептал его юный собеседник и как-то внезапно сник, словно на его плечи вдруг легла непомерная ноша.

— Я не тот, за кого они меня принимают. Там, после той охоты, в одном из святилищ Древних, куда меня призвали, все вдруг решили, что я — воплощение основателя нашего племени. Мне дали это имя, но я не чувствую себя им. Прошу, Наставник, не уходите, вы мне все еще нужны и сейчас даже больше, чем тогда, когда мы встретились. Тогда я всего лишь хотел доказать, что я сын своего отца, но теперь...

— И теперь вам предстоит продолжать это делать, и единственный, кто сможет помочь вам достичь этого — это лишь ваш собственный отец.

Тигренок резко поднял голову и посмотрел прямо в глаза своего наставника и в них читалось недоумение.

— Да, ваше высочество, рано или поздно вы станете правителем вашего племени и стать достойным того имени, которое вы теперь носите. А обучить этому может лишь тот, кто сам им является. Сейчас вы должны стать его надежной опорой, перенимая все его знания и опыт, и только так вы навсегда вырвите из сердец ваших соплеменников все семена сомнений в том, что вы всего этого достойны. Ну, а мне пора уйти и сейчас я прошу вас отпустить меня.

Мио опустил голову, словно смиренный проситель, и на какое-то время в комнате повисла тягостная тишина. Но вот снова раздался голос юного наследника:

— Что же, похоже, удержать вас у меня все равно не выйдет. Так что мне остается лишь поблагодарить вас за все и пожелать доброго пути.

Голос его был полон печали. Мио медленно поднял голову и увидел, как тигренок, понуро опустив хвост и слегка прижав уши, направился к выходу из комнаты. Однако прежде чем скрыться за дверью, он снова посмотрел на своего уже бывшего наставника и с надеждой произнес:

— Но мы ведь еще увидимся?

Мио обнадеживающе улыбнулся, словно стараясь подбодрить его:

— Кто знает, все возможно. Если на то будет воля Древних, мы еще поохотимся, но на этот раз выбирать дичь буду я, а то от предыдущей у меня до сих пор зубы ноют, никогда еще не пробовал такого жесткого мяса, уж простите мне мою прямогу.

В ответ тигренок постарался выдавить из себя улыбку, после чего окончательно скрылся за дверью, тихо закрыв ее за собой. Мио же, печально вздохнув с чувством немалого облегчения, что все объяснения наконец остались в прошлом, занялся подготовкой к долгому путешествию. Получив остатки положенной ему оплаты, он отправился к набережной и там нанял самый быстроходный пливун, какой только сумел найти. Проведя в пути несколько сотен невероятно томительных солнцеходов в пути, к счастью, содержимое его кошеля позволило ему оплатить прямой путь без задержек, он наконец ступил на родную ему землю, туда, откуда отправился с Гартом в так затянувшееся путешествие.

Оказавшись на суше, он было собрался немедленно отправиться в свое родное логово, но был вынужден оставить эту затею. Он все еще был изгнанником, лишенным имени. Даже если он беспрепятственно сможет попасть туда, ни один из его соплеменников, не говоря уже об отце или иных его кровных родственниках, не станет даже говорить с ним. Во что бы то ни стало ему нужно добыть именно кристалл. Впрочем, если Тан был прав и химеры теперь находились в логове, то это могло значить, что если не все, то значительная их часть покинула священную долину, и он наконец сможет добыть кристалл. Впрочем, соблюдать осторожность все равно, конечно, следовало.

Обдумывая все, Мио пришел к тому, что он не готов снова пройти этот нелегкий путь как прежде своими лапами. Тем более, беря во внимание все его подозрения и страхи относительно дел, что творились в его родном племени, ему следовало закончить все как можно скорее, а потому ему нужно было найти для себя верхового безмолвного и достаточно выносливого. И тут совершенно неожиданно для него возникла проблема. Найти торгующего подобным товаром оказалось невероятно трудным делом, что немало удивило юного льва. Но даже найдя такового, оказывалось, что у них нет подходящего для его задачи безмолвного, да еще и его запросы почему-то настораживали тех, к кому он обращался. Так

что они вопреки здравому смыслу торговца, ставящего превыше всего свою выгоду, старались как можно скорее спровадить его, несмотря на то, что он готов был заплатить хорошую цену.

Прошло уже почти десять солнцеходов, а он все еще был занят своими изысканиями подходящего безмолвного. Но вдруг в какой-то момент он стал подозревать, что кто-то ведет за ним слежку. То и дело краем глаза он видел какого-то странного самца из племени фенеков, одетого уж очень нарочито неприметно, так что его даже можно было бы принять за бродягу, не будь одежды на нем хоть и весьма простыми, но все же вполне хорошего качества. Сперва он не придал этому никакого значения, но когда солнцеход за солнцеходом он все продолжал попадать ему на глаза, каждый раз поспешно скрываясь из виду, когда лев переводил на него взгляд, этот странный преследователь стал постепенно все сильнее раздражать его.

И вот наконец окончательно выйдя из себя, лев решил выследить его самого и выяснить, чего тот добивается. Проведя ловкий обманный прием и воспользовавшись переходами одного из оживленных торговых мест, куда он пришел для поиска очередного торговца ездовыми безмолвными и куда следом за ним явился и его назойливый преследователь, он сумел зайти тому за спину. Сделав молниеносный выпад, сгреб его в охапку, после чего силой затащил в один из глухих тупичков, расположенных между задними рядами торговых мест, где обычно никого не было, и приставил к его горлу небольшой клинок, который всегда имел при себе, пряча от посторонних глаз в складках своей одежды.

— Что, намеревался пошарить в моем кошеле? — буквально прошипел он ему прямо в ухо, почувствовав, как тот сильно дернулся. Поняв, что вырваться из могучих лап у него не получится, стал мелко дрожать.

— Нет, что вы, ваша милость, у меня ничего такого и в мыслях не было, — буквально пропищал он. Приподнял свои передние лапки вверх, показывая свою покорность и то, что у него нет в них никакого оружия.

— Тогда зачем преследуешь меня вот уже столько времени?

Тот испугано облизал свой внезапно пересохший нос и дрожащим голосом пропищал:

— Я... я всего лишь хотел предложить вам выгодно купить безмолвного у моего хозяина, ведь вы именно это ищете.

Мио слегка ослабил свою хватку и позволил странному преследователю выскользнуть из его лап. Он ожидал, что тот немедленно пустится на утек, но тот, лишь потеряв слегка помятое могучими лапами Мио плечо, остался на месте.

— Купить безмолвного?!

— Да, господин, у моего господина они самые лучшие в округе, если не во всем мироздании.

— Странный, однако, способ искать себе покупателей. Как-то не очень твои методы похожи на те, чем пользуются все зазывалы.

— Этому есть немало веских причин, ваша милость. Мой господин не продает безмолвных кому придется, а главное, он не желает иметь дело с химерами, потому нам и приходится тщательно подыскивать ему клиентов. Вот почему я так долго присматривался к вам, можно ли вам его рекомендовать, ведь ошибка может нам всем дорого стоить, если вы, конечно, понимаете, о чем я, милостивый господин.

Мио с недоверием осмотрел на зазывалу. Несмотря на всю странность обстоятельств тот вроде не выглядел подозрительным, впрочем это могло как раз свидетельствовать об

обратном, однако он решил продолжить их разговор.

— Ну допустим, и где же тогда лавка твоего господина?

— Он торгует прямо в своем доме и именно туда мы и сопровождаем тех, кто желает купить себе его безмолвных.

Мио на минуту задумался: идти за странным незнакомцем было весьма рискованно, но с другой стороны, обстоятельства были таковы, что откажись он сейчас и, возможно, ему еще долго придется искать себе ездового безмолвного. Так что, несмотря на все свои подозрения, он должен был признать, что данное предложение для него весьма привлекательно.

— Ну хорошо и где же тогда его дом?

Его слова заметно оживили зазывалу, и он торопливо произнес:

— Он находится за пределами этого логова. Если вы желаете, я могу проводить вас туда.

Его слова снова вызвали у Мио волну крайнего недоверия, и потому он лишь произнес:

— Опиши мне туда дорогу, я сам приду туда, если решу, что хочу посмотреть на его товар.

— Но...

— Или так, или никак вовсе.

Он решительно отвернулся и собирался уже было пойти прочь и даже успел сделать несколько шагов, но тут послышался окрик незнакомца:

— Хорошо, хорошо, мой господин, но если вы все-таки решите туда пойти, скажите, что вы пришли именно от меня, иначе с вами не станут даже разговаривать.

Мио снова развернулся к нему и окинул долгим взглядом. Волнение его собеседника скорее свидетельствовало о том, что тот опасается за свое вознаграждение, однако именно это свидетельствовало о том, что все это, возможно, действительно часть причуд какого-то весьма странного торговца, но выбирать ему не приходилось. Едва заметно кивнув в знак согласия, он снова подошел к фенеку. Следующие несколько минут незнакомец, стараясь не упустить никакой детали, описывал дорогу в дом своего нанимателя, после чего убедившись, что лев вполне понял, куда ему следует идти, уже в который раз произнес:

— Только прошу, не забудьте сказать, что вы от Ланса.

Мио снова кивнул и, коротко попрощавшись с фенеком, отправился прочь. Еще несколько солнцеходов он старался найти торговца с подходящим ему товаром, но так и не найдя ничего подходящего, решил все-таки посетить таинственного торговца уникальных безмолвных. Рассудив так, что если это была лишь разбойничья ловушка, то те, кто решил его туда заманить, должны были уже решить, что у них ничего не получилось и забыть о нем. И вот следуя описанию, он отправился к таинственному торговцу, по дороге он то и дело петлял, запутывая следы, внимательно прислушиваясь и осматриваясь, старался обнаружить слежку или еще что-то подозрительное, что могло оповестить его об опасности. Но ничего подозрительного он так и не смог обнаружить. Наконец он достиг своей цели и оказался перед весьма неприметным, но вполне добротным жилищем.

Снова в очередной раз осмотревшись, он постучал в дверь. Через несколько минут ему открыла опрятно одетая служанка. На ее вопрос, что ему угодно, он сказал, что прибыл от Ланса по поводу приобретения безмолвного. Та тут же впустила его внутрь, после чего услужливо провела вглубь дома и, заведя в одну из комнат, попросила немного подождать хозяина. После чего, поклонившись, вышла и прикрыла за собой дверь. Оставшись наедине, Мио огляделся и вдруг поймал себя на ощущение, что все вокруг ему невероятно знакомо,

даже запах в доме навевал странные, но очень знакомые ощущения, но что точно это было он сказать не мог. Между тем через какое-то время в комнату вошли, Мио в тот момент стоял у окна и смотрел в него, размышляя о том, что за странные ощущения вызывает у него это жилище, и тут за его спиной послышался приветливый голос:

— Простите за ожидание, добрый господин, хозяин дома скоро будет. Не угодно ли вам пока выпить прохладительного напитка?

От этого голоса по телу Мио вдруг пробежала легкая дрожь, он точно узнал его. Обернувшись, он тут же убедился, что слух его не подводит. Возле стоящего посреди комнаты небольшого стола стояла самочка из племени гиен, и он тут же узнал ее — это была Тики. Похоже, что и она тут же узнала его, на ее мордочке вдруг появилось выражение замешательства и даже тень испуга промелькнула в ее томных орехового цвета глазах, а из ее внезапно задрожавших лапок выпала небольшая чашечка и, расплескав свое содержимое, с тихим звоном покатила по поверхности стола. Однако упасть ей не дало ловкое движение юного льва, в последний момент подхватившего ее и тихо поставил назад на середину стола.

— Мой господин, — только и смогла она еле слышно прошептать. На несколько минут в воздухе повисла тягостная пауза, которую никто из них не смел прервать первым. Но тут из-за двери послышались торопливые шаги и дверь снова отворилась.

— Простите за ожидание я...

В комнату вошел Гарт. Подняв голову, он, как и Тики, перед этим буквально застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. Они оба лишь стояли перед своим внезапным гостем потупившись, словно пара провинившихся детенышей, пойманных на месте преступления. От их вида Мио едва сдерживал рвущийся наружу смех. Невероятным усилием воли он напустил на себя серьезный вид, но озорные искорки в глазах выдавали его с головой. Еще какое-то время он с явным наслаждением смотрел на вконец обескураженных беглецов. Но вот Гарт, слегка кашлянув, наконец решился прервать это затянувшееся молчание:

— Тики, прошу, займись обедом. Думаю, нам всем не помешает подкрепиться.

Та молча кивнула и поспешно юркнула за дверь. Мио проводил ее долгим взглядом, и тут снова заговорил Гарт:

— Итак, ты нашел нас.

— Было бы чего искать, — пренебрежительно фыркнул юный лев, скрыв тот факт, что их встреча была для него не меньшей неожиданностью, чем для них.

Однако его ответ снова весьма поразил енота, так что даже у него слегка затопорщились усики, что бывало весьма редко, только в минуты его крайнего волнения. Это не ускользнуло от внимательного взгляда Мио и снова он едва удержался от улыбки. Так сильно впечатлить своего давнего знакомого у него нечасто получалось. Гарт уже хотел что-то еще сказать, но Мио его опередил:

— Ну так может расскажешь, для чего все это было нужно? Весь этот побег "влюбленных", уж очень будет интересно послушать.

Гарт потупился и опустил глаза, стараясь не смотреть на Мио.

— Неужели не ясно? Я не хочу терять ее, — едва слышно пробормотал он, но вдруг, словно набравшись смелости, он резко поднял голову и буквально прокричал. Для пущей убедительности даже опершись о край стола обеими своими верхними лапками, хотя при этом он все же продолжал избегать прямого взгляда на юного льва. — Просту, назови свою цену, я сделаю и заплачу все, чего бы ты не потребовал, только отдай мне Тики.

Тут уж Мио не выдержал и тихо рассмеялся. Гарт наконец поднял на него глаза и в них

была смесь недоумения и даже гнева.

— Слушай, да успокойся наконец, не собираюсь я у тебя никого отнимать. Хотя твое предложение будет кстати. Мне нужен ездовой безмолвный и самый быстрый, сможешь мне такого дать?

Енот смущенно опустил глаза.

— Да, конечно, если это все, для чего ты тут, то...

— Чудесно, тогда может займемся подбором? А то я и так слишком много времени потратил на поиски.

Енот молча кивнул. Пробормотав, чтобы Мио следовал за ним, они пересекли дом и вышли с задней его части, попав во внутренний двор, где располагались загоны с безмолвными. Гарт стал показывать ему свой живой товар, рассказывая о его достоинствах. Постепенно этот разговор, кажется, даже успокоил Гарта, и его голос стал звучать уверенно и даже увлеченно, что бывало не раз, стоило только зайти речь о его любимцах. Наконец выбор был сделан, но к тому времени солнце уже стало уходить за горизонт. Гарт пригласил Мио провести в его доме ночь и отправиться в путь уже утром. Немного подумав, Мио согласился.

За трапезой, к которой его также пригласили присоединиться, все сохраняли молчание, обмениваясь лишь краткими фразами, и, казалось, в самом воздухе витало невероятное напряжение. Особенно Мио смущало то, как скованно себя вела Тики, казалось, что-то ее сильно тревожило, и это не давало Мио покоя. Эта тревога не оставила его и после того, как он оказался в отведенной ему комнате, где попытался уснуть перед предстоящим ему с утра долгим путешествием, обещавшим быть весьма нелегким. Он лежал на своем ложе и все думал о Тики, возможно, находящейся здесь против своей воли, и из-за того, что она, выполняя его просьбу, уж слишком увлекла собой енота. И это гложило его, тем более, что спросить ее напрямую он так и не смог, ведь Гарт просто ни на мгновение не оставлял их наедине.

И вдруг, когда лунный лик уже достиг середины своего ночного пути, в его комнату кто-то тихо постучал. Мио удивленно приподнялся со своего ложа — ночной визит для него был совершенной неожиданностью, но еще больше он удивился, увидев открытую дверь и стоящую за ней Тики.

— Тики?!

— Простите за мое вторжение, но вы не могли бы меня выслушать?

— Да, конечно, входи.

Тики молча прошла в комнату, где, немного помедлив, села в небольшое кресло, стоящее около горящего очага. Мио тем временем сел на край ложа, расположившись напротив нее и с тревогой глядя на нее, чувствуя, что она явно чем-то сильно встревожена. Он чувствовал, что что-то явно с ней не так.

— Тики, ты в порядке? — тихо произнес он, с тревогой глядя на нее и видя, как она от волнения перебирает пальцами край своей плотной накидки, которая, к слову, скрывала ее от шеи до самых пят.

— И да, и нет, мой господин.

— Что это значит? Неужели Гарт все-таки силой держит тебя при себе?

— О нет!

От волнения, переполняющего ее, она даже привстала со своего места, словно стараясь во что бы то ни стало убедить собеседника в своих словах. Мио поспешил ее успокоить —

взяв ее лапку в свои лапы, почувствовал при этом, как она дрожит. Мягко он усадил ее назад и тихо продолжил:

— Тогда что случилось, зачем ты здесь?

— Затем... затем, чтобы просить вас оставить меня с ним. Я знаю, что обязана вам жизнью, и я действительно безмерно благодарна вам, но сейчас... Если вы увезете меня от него, я не смогу, кажется, прожить ни единого солнцехода без него.

Мио с облегчением закрыл глаза, отпустив ее лапку, после чего слегка покачал головой, при этом он снова почувствовал, как его разбирает смех. Слегка прокашлявшись, он заговорил вновь:

— О Древние, я прямо чувствую себя каким-то злодеем из нелепой любовной истории, стремящегося во что бы то ни стало разлучить влюбленную парочку! — он открыл глаза и снова посмотрел на Тики, при этом на его губах блуждала улыбка. — Послушай, я не собираюсь вас разлучать.

— Правда?! О, мой господин, спасибо!

— Точно и между прочим хватит уже меня называть своим господином. Это давно уже не так. Кстати, это по праву должно принадлежать тебе, — с этими словами Мио достал из складок лежащего рядом с его ложем своего походного плаща небольшой туго набитый поясной кошель и вложил его в лапку ничего непонимающей юной самочки.

— Что это?!

— Это, то чем Гарт попытался выкупить тебя у меня, оставив его Пени перед тем, как вы бросились в бега. Думаю, он должен принадлежать тебе, это, так сказать, залог твоей свободы. Если этот ворчливый енот когда-нибудь сделает твою жизнь с ним невыносимой, сможешь их использовать по своему усмотрению.

— Но...

— Никаких «но», а сейчас тебе пора, не хотелось, чтобы наш общий знакомый вдруг решил невесть что на наш с тобой счет. Как по мне, и так с головой хватает всяких нелепейших недоразумений во всей этой истории.

Тики встала со своего места и медленно подошла к двери. Только оказавшись за ней, она посмотрела на Мио и, одарив его благодарным взглядом, тихо закрыла ее за собой, а юный лев еще долго сидел на краю ложа, обдумывая все произошедшее. А между тем юная гиена вернулась в спальню, где безмятежно спал ее возлюбленный, к счастью, так и не заметивший, что она его покидала. Быстро убрав кошель в один из своих ларей с вещами и скинув с себя одежду, она юркнула к нему под покрывало.

Он тревожно заворочался, но, почувствовав ее рядом, сонно прижался к ней и снова затих, а она долгое время лежала без сна, чувствуя горячее дыхание енота на своей шкурке и не веря в реальность всего произошедшего с ней. Впервые, пожалуй, с тех пор, как ее силой вырвали из ее привычного мира, уничтожив всех, кто ей когда-либо был дорог и заставив исполнять прихоти тех, кто платил ее хозяину за обладание ее телом, она чувствовала себя настолько счастливой и свободной, словно с нее внезапно спали невидимые оковы, мешающие все это время свободно дышать.

Этот долгий путь наконец подошел к своему финалу. Снова перед юным львом был проход, походивший на пасть неведомого существа. Оставив своего безмолвного в небольшом укрытии, найденным Мио незадолго до приближения к этому священному месту, он, слегка поколебавшись, решил все-таки следовать обычаю. Несмотря даже на то, что он

уже знал, что это место давно осквернено, но все же он опустился на колени и тихо произнес воззвание к Древним с мольбой позволить ему войти и обрести свой именной кристалл. Замолчав, он, как и в прошлый раз, замер, ожидая знака от повелителей этого места, знака, который бы означал, что ему позволено войти.

Минуты шли за минутами, но его окружала лишь звенящая тишина. И вдруг до его слуха донесся звук чьих-то шагов. От этого звука по его спине пробежал холодок, в голове вихрем пронеслись воспоминания о его первой встрече с химерами. Похоже, несмотря на его расчеты, они все-таки остались тут. Помня о том, чем закончилась тогда его встреча, и точно не желая повторения горестного опыта, он не стал медлить. Быстро поднявшись на лапы, он поспешно отступил от ведущей в тоннель тропы и, взобравшись на небольшой склон, затаился там, спрятавшись среди россыпи торчащих на поверхности склона камней. Он замер, а шаги становились все отчетливее, и вот из тоннеля показалась фигура. Еще несколько мгновений и она полностью вышла из тени прохода и оказалась на залитом закатными лучами солнца пространстве. Мио почувствовал, как на его глаза опускается алая пелена ярости, подобной которой он еще никогда не испытывал за всю свою жизнь.

Дождавшись подходящего мгновения, когда тот, кого он уж точно никак не ожидал здесь увидеть, оказался почти под ним, он, сделав гигантский прыжок, с яростным ревом выхватил свой клинок и обрушился на голову вышедшего из тоннеля, в котором он узнал своего старшего брата Рау. Его яростная атака была для того полной неожиданностью, так что Мио без особого труда смог свалить его на землю, навалившись сверху. Однако замешательство оказалось мгновенным — вывернувшись, тот отшвырнул его прочь и выхватил уже свой клинок. Мгновение и их клинки сплелись в смертельном танце под яростный рев обоих противников.

— Грязный предатель! Смотрю, зализал раны так, что и следов не осталось! — прорычал Мио, когда они после очередного выпада оказались почти нос к носу друг с другом. — Но ничего, это дело поправимое, теперь тебе уже никто из твоих прихвостней не поможет.

Его тирада заставила шерсть на загривке Рау подняться дыбом, а в его глазах полыхнуло недоброе пламя.

— Что, решил выслужиться, братец? Да вот только, чтобы с тобой расправиться, мне никто и не нужен. Ты пожалеешь, что решил явиться сюда за моей шкурой, клянусь Древними!

— Да неужто, а там в укрытии предводителя химер ты как-то не очень смелым был. Пищал как загнанный безмолвный, когда я кромсал твою поганую морду!

Рау с ревом сумел отшвырнуть Мио от себя. Тот, перекувыркнувшись через голову, снова вскочил на лапы, и оба льва стали кружить друг напротив друга, рыча и выискивая момент, чтобы снова вцепиться друг в друга. И вот, выбрав момент, они снова бросились, каждый намереваясь нанести последний для своего противника удар, но неожиданно их клинки налетели на какой-то чужой, и тут же раздался голос, в котором Мио узнал голос одного из старших львов из числа боевых отрядов их племени, когда-то обучавшего его и брата искусству боя.

— Прекратите оба, неужели вы не видите, что действуете во благо нашего общего врага? Ему только и осталось добиться, чтобы вы перегрызли друг другу глотки.

После этого оба молодых драчуна почувствовали каждый по мощному удару в грудь, нанесенному с такой силой, что оба они буквально отлетели в стороны, завалившись на

землю. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, тяжело дыша. Но вот снова раздался голос остановившего их льва:

— Отлично, а теперь идемте в лагерь, там мы все и во всем сможем спокойно разобраться.

Мио и Рау медленно поднялись на лапы и под присмотром их бывшего наставника отправились в лагерь, который оказался расположен недалеко от входа в обитель Древних, надежно скрытый от посторонних глаз расщелиной меж мертвых скал, где его и разбили. Мио, к своему немалому удивлению, увидел, что там находились если не все, то многие члены боевых отрядов.

— Почему вы все здесь?! — с удивлением озираясь по сторонам, обратился он к старшему льву.

— Потому что все мы решили следовать за нашим предводителем, ибо если ему больше нет места в племени, то значит и нам.

Этот ответ буквально поверг юного льва в шок.

— Как это понимать?!

— Да так, что теперь я, как и ты, изгой, братец. Разве что не лишен имени.

Мио злорадно хмыкнул.

— Это что, награда от химер за верную службу?

— Я не служу химерам и никогда не стану, а если ты еще раз это скажешь, то я сумею запихать тебе эти слова прямо в глотку! — прошипел он, снова сделав угрожающий шаг в сторону Мио, но перед ним тут же возник старший лев.

— Поберегите силы, ваше высочество, у нас у всех есть куда как более важный враг, разве нет?

Рау неразборчиво пробурчал какие-то угрозы под нос и со злостью плюнул себе под лапы, после чего угрюмо опустив голову, сел рядом с горящим костром, разведенным посреди лагеря. Туда же старший лев подвел и Мио, усадив поодаль от его старшего брата, предусмотрительно сев между ними, дабы при необходимости вмешаться, если те снова затеют драку.

— Отлично, и пока вы оба не поубивали друг друга на радость нашему общему врагу, может, все-таки попытаетесь поговорить и все выяснить без напрасного кровопролития?

— Мне не о чем говорить с этим предателем, — пробурчал Мио, искоса глядя на Рау.

Тот, недолго думая, парировал:

— Кто бы говорил. Как по мне, это именно тебя обвинили в предательстве, так что не тебе бросаться такими обвинениями.

Мио снова почувствовал, как его накрывает новая волна гнева, так что он даже не усидел на месте и снова вскочил на лапы.

— Ну да, обвинили, вот только благодаря твоим стараниям, может, поведаешь, что такого тебе обещали химеры, что ты решил заключить с ними союз и предать родное племя?

Рау снова грозно зарычал и уже было опять попытался наброситься на младшего брата, но его вовремя остановили на этот раз уже несколько львов, сидящих с ним рядом и внимательно за всем наблюдавшие.

— Если вы так и будете бросаться обвинениями, то мы никогда ничего не выясним.

С этими словами старший лев обратился к Мио:

— Ваше высочество, может, все-таки объясните, с чего вы решили, что Рау предатель и...

— Вот именно, где твои доказательства?

— Доказательства говоришь? Да я сам лично видел тебя в укрытии предводителя химер, пока был у них в плену, и стал свидетелем, как вы с ним договаривались. После чего знатно прошелся по твоей морде, что память отшибло, а то как требовал моей немедленной казни, грозя расторгнуть ваш с предводителем химер договор, тоже забыл? Что, не ожидал, что я вернусь?

— Да ты...

Рау уже хотел снова сказать что-то весьма колкое, но вдруг осекся и внимательно посмотрел на старшего льва.

— Порезы на морде? О Древние, так вот значит, как все на самом деле было! Ну конечно, кто же еще мог без усталости нашёптывать ему? Какой же я слепец. И он провел нас всех, словно слепых котят. Проклятье!

Рау даже прошелся взад-вперед от возбуждения, вот только Мио все еще не понимал, что происходит и с недоумением смотрел на него. Между тем старший лев тоже хмуро смотрел в огонь, не произнося ни звука. Наконец Мио не выдержал и прервал затянувшееся молчание:

— Может, все-таки поделитесь, о чем вы все?

Вместо ответа Рау снова подошел к нему вплотную и уже более спокойно произнес:

— Да о том, что все это время рядом с нами был истинный предатель, и именно его стараниями произошло падение нашего племени. Все это время именно его мы все без исключения считали самым преданным из всех членов нашего племени. Я даже теперь не уверен, жив ли еще наш отец, после того, как он так ловко избавился от нас с тобой.

Мио почувствовал, как при последних словах Рау все у него внутри сжалось, а к горлу подступил тугой комок, словно невидимая лапа вдруг сжала его горло, не давая свободно вздохнуть. Он молча сел на свое прежнее место и долгое время молча смотрел на огонь, пытаясь прийти в себя после всего услышанного. Постепенно сумерки перешли в ночь, на небосклоне появилась луна, заливая все вокруг призрачным светом, а он все сидел у огня, глядя в него невидящим взором. Так он встретил рассвет.

Но вот, словно очнувшись, он слегка вздрогнул и, сжав упрямо кулаки, медленно поднялся на лапы, после чего не спеша вышел за пределы лагеря и направился к входу в обитель Древних. Оказавшись у входа, он едва слышно произнес короткое воззвание и наконец вошел в тоннель. Пройдя по нему, он ступил на некогда неприкосновенную землю Древних, и тут его взору предстали останки некогда расположенного здесь лагеря химер. Молча он прошел через него и углубился в россыпь камней причудливой формы, внешний вид которых напоминал очертания застывших в каких-то немислимых позах фигур представителей разных племен.

Считалось, что это были нечестивцы, что осмелились без позволения Древних ступить сюда. Пройдя сквозь этот странный строй, Мио, привлеченный внезапным блеском отразившегося солнечного луча от поверхности одной из "фигур", подошел к ней и там, где у нее было условное изображение морды, он увидел то, ради чего он когда-то пришел сюда. Не спеша протянув лапу, он осторожно вынул из поверхности камня маленький овальной формы кристалл и какое-то время молча любовался его блеском в свете солнца только начавшего свой путь. Затем, спрятав кристалл в небольшой поясной мешочек украшенный таинственными символами, он молча развернулся и отправился прочь. Вернувшись к своему безмолвному, он уже собирался взобраться на него, но вдруг услышал голос брата:

— Ты куда?

Мио обернулся на голос:

— В наше логово.

— Зачем? Там повсюду химеры, ты просто отдашь себя в их лапы?

— Возможно, но там и наш отец, я должен увидеть его, только он может вернуть мне имя.

— Это безумие, он наверняка уже на пути в пределы Древних!

— Возможно, но я должен в этом убедиться, — с этими словами он взобрался на своего безмолвного и направил его туда, где располагалось логово племени огненных львов востока.

Примкнув к небольшой группе торговцев, Мио сумел проехать за ворота своего родного логова, которые вопреки традиции теперь охранялись не юными членами боевого отряда, едва приступивших к своему служению главе племени, а парой откровенно скучающих стражей из числа химер. Проезжая мимо них, он до боли стиснул зубы, изо всех сил стараясь удержаться от того, чтобы не кинуться на них. Особенно когда один из них, окинув его презрительным взглядом, словно тот был бродягой, просящим милостыню, пренебрежительно плюнул под лапы его безмолвному, заставив того слегка заволноваться и сбиться с нормального шага, заставив тем самым своего седока приложить усилия, чтобы успокоить его и вернуть в нормальный ритм движения, чем вызвал насмешливую гримасу последнего, явно довольного своей выходкой.

Покинув пределы врат, он оказался в логове, но и тут он то и дело натыкался на химер, ведущих себя так, словно это было их собственное логово. Одним только Древним было ведомо, скольких усилий стоило юному льву, чтобы оставаться в тени и не привлекать к себе лишнего внимания. Он бесцельно передвигался по логову, стараясь оценить обстановку и понять, как ему встретиться с отцом. Один из вариантов — записаться на один из приемов, которые тот проводил регулярно для решения всех возникающих у членов его племени и гостей логова вопросов. Ведь просто заявиться в открытую к воротам своего родного прайда он вряд ли смог, и чем больше он наблюдал за поведением химер, тем сильнее убеждался в этом. Заяви в открытую, что он сын правителя, его точно узнают и тогда вряд ли его жизнь будет долгой. К счастью, что те, кого он встречал, до сих пор не узнали его, хотя несколько раз он столкнулся с химерами, которые точно знали его, когда он еще был их пленником.

Немного поколебавшись и окончательно придя к решению, что это, пожалуй, единственный путь к его встрече с отцом, он отправился ко входу в его родной прайд. С замиранием сердца он свернул на знакомую тропу и направил своего безмолвного к заветному входу, но у ступеней, ведущих к входу в прайд, в ту его часть, где располагались рабочие покои господина Лана и где он мог записаться на прием к правителю, его ждала полная неожиданность. Там собралась небольшая группа, состоящая из членов его племени разных возрастов и статуса, занимаемого внутри племени. Судя по доносящимся от этой группы возгласам, полных недовольства и даже гнева, они были чем-то весьма недовольны. Стараясь все так же не привлекать к себе лишнего внимания, Мио подъехал чуть ближе и, остановившись невдалеке, стал наблюдать за всем происходящим.

— Так, когда наконец правитель сможет принять нас? Уже который раз прием отменен, — этот гневный вопрос был адресован уже немолодому представителю внутренней стражи прайда. Именно ему, похоже, выпало на долю справиться с недовольством собравшихся, хотя обычно такими вопросами занимался главный советник правителя — господин Лан.

К немалому удивлению Мио, на этот раз успокаивать обитателей логова выпало тому, в чьи обязанности всегда входило лишь молчаливо следить за порядком. Нотки растерянности в его голосе и в движениях выдавали то, что он точно не был готов к такой миссии.

— Послушайте, правитель примет вас всех, как только сможет.

— И когда же это произойдет, сколько нам еще ждать?

Страж попытался было что-то сказать, но внезапно за его спиной возникла фигура, при

виде которой Мио почувствовал, как у него на загривке под плащом с натянутым почти до самого кончика носа капюшоном, шерсть встала дыбом. Ведь за стражником возник никто иной, как сам предводитель химер. Грубо отстранив его, он медленно обвел собравшихся взглядом, и под его тяжелым взглядом из-под нечесаных прядей косматой шерсти все присутствующие почти мгновенно стихли, а тот между тем, выдержав паузу, почти прорычал:

— Правителю некогда принимать вас и выслушивать все ваши глупости, так что убирайтесь и займитесь чем-то более полезным!

По группе пробежал еле слышный ропот, но никто из них не посмел и слова сказать против. Медленно все стали расходиться кто куда, то и дело бросая короткие, полные бессильной злости взгляды в сторону как предводителя, так и по-прежнему стоящего рядом с ним стража. Немного помедлив и Мио отправился прочь, отпустив своего безмолвного самому выбирать направление неторопливого шага. Тем временем он постарался унять внезапно охватившую его мелкую дрожь и хоть немного привести мысли в порядок. Свободное присутствие химер в логове и так было невероятным испытанием для него, но к этому, по крайней мере, благодаря Рау он был готов. Однако то, что сам предводитель химер находился ни где-то, а в его родном прайде, было для него подобно нырку в ледяной горный источник и удару молнии одновременно. Он тщетно старался найти хоть какое-то разумное объяснение всему происходящему в его родном логове, но лишь добился головной боли и приступа тошноты.

Стало смеркаться. Было пора решать, где ему провести предстоящую ночь. Оглядевшись и сориентировавшись, где он оказался, направил своего уже к тому времени полусонного безмолвного к ближайшему убежищу, надеясь найти там временный приют.

Пройдя еще немного, он на него выехал, оставив своего безмолвного на попечении одного из приставленных для этой цели своих подручных хозяином убежища. Он вошел в общий зал, где ему немедленно в нос ударила целая смесь запахов, состоящая из ароматов еды и порой не самых чистых шкур посетителей данного заведения. Впрочем, в данный момент это убежище было более чем предпочтительно для юного льва, старающегося лишний раз не попадаться на глаза окружающим. Пройдя немного вглубь общего зала в поисках тихого укромного уголка, где он мог спокойно поесть и предаться размышлениям, внезапно услышал знакомые голоса. Обернувшись, он увидел, как несколько посетителей заведения, судя по виду принадлежавших к числу химер, подступили к кому-то, кто сидел за одним из дальних столов, и именно от них исходили весьма громогласные возгласы. Заинтересовавшись этим странным сборищем, Мио подошел чуть поближе и, остановившись почти в шаге за их спинами, стал наблюдать за всем происходящим.

— Не больно ли много ты себе позволяешь, презренный? Или хочешь попытаться что-то нам возразить?

— Я лишь сказал, чтобы вы вели себя потише, если не хотите, чтобы у вас тут были неприятности.

— Да неужели, и кто же нам их устроит, уж не ты ли?

— Я страж внутренней охраны, и если вы не прекратите, то я лично отправлю вас туда, где вам самое место, поганое отродье! — прорычал тот, кого они окружили. С этими словами он поднялся с места, но даже оказавшись на лапах, он все же был ниже своих противников, не говоря уже о численном превосходстве.

Теперь Мио смог его увидеть и узнал в нем того самого стража, который накануне

пытался успокоить группу, пришедшую увидеть правителя. Окружившие его, похоже, окончательно решили перейти от слов к делу и стали пусть и явно не со всей силы, на которую были способны, но все же весьма ощутимо толкать его так, что тот едва продолжал стоять на лапах. При этом свое действие они не забывали сопровождать потоком оскорбительных высказываний:

— Ты нас? А не слишком ли ты зарвался, а, презренный прислужник? Может, это как раз нам пришла пора преподать тебе урок, где тебе и твоим сородичам место. Например, у наших лап, смиренно ожидая нашего приказа и...

И тут стоящий за их спинами, похоже, так и оставшийся ими незамеченным Мио, глухо зарывав, решил, что и с него, и со стража уже хватит всего этого и пришло его время вмешаться.

— Может остынете, пока все еще не зашло слишком далеко и у вас есть такой шанс? — произнес он сквозь стиснутые зубы. Это тут же заставило химер переключиться на него.

— Эй, а ты еще кто такой, иди отсюда подобру-поздорову!

В ответ Мио недобро фыркнул.

— Что же, я предупреждал, — прорычал он и, недолго думая, что было сил ударил стоящего к нему ближе из зарвавшейся троицы всего.

От накопившейся за все это время злобы удар у него оказался такой силы, что тот перелетел через ближайшую скамью и, врезавшись в стену, сполз на пол и затих там без движений. Это на мгновение привело остальных в замешательство, явно не ожидавших такого исхода. Не успели они хоть как-то среагировать, как вдруг раздался окрик явно рассерженного хозяина заведения, привлечённого шумом и явно не желающего, чтобы его заведение стало полем битвы, со всеми вытекающими для его имущества последствиями:

— Эй вы, а ну вон отсюда, хотите устраивать потасовки, занимайтесь этим снаружи!

Не успел Мио что-то на это ответить, как почувствовал, как кто-то настойчиво потянул его в сторону. Оглянувшись, он увидел того самого льва, на защиту которого он встал.

— Идемте отсюда, пока все не зашло слишком далеко!

Мио не стал возражать, и вместе они вышли наружу.

— Незачем вам было вмешиваться. Похоже, вы, мой господин, не здешний и не знакомы с нашими порядками, как бы у вас теперь неприятности не случились.

— Мне все равно, я не мог просто смотреть на все это и держатся в стороне, — угрюмо проворчал Мио, все еще чувствуя волны невероятной ярости, все еще бушующие в его крови и не успевшие в нем улечься. Лев тяжело вздохнул, но затем помедлив пару мгновений, продолжил:

— Ладно, не стоит тут задерживаться, если, конечно, не хотите увидеть продолжения всего этого представления. Я лично точно не горю таким острым желанием. Вам хоть есть, где остановиться?

Мио смущенно потупился. Он уже собирался сказать, что поищет другое убежище, но лев не дал ему произнести ни слова и решительно произнес:

— Идемте за мной! — с этими словами он нетвердой походкой, похоже, даже все произошедшее не выветрило из его тела уже выпитого им хмельного сока, пошел прочь.

Мио же, взяв своего безмолвного, явно не довольного тем, что ему так и не дали отдохнуть, отправился следом. Пройдя немного по тропам логова, они подошли к небольшому, но вполне добротному жилищу, там Мио, оставив своего безмолвного в стойле рядом с другим, принадлежащим хозяину дома твердокрылом, по приглашению льва вошел в

его дом, где тот указал на одну из комнат.

— Можете расположиться здесь, а там видно будет, — произнес это, сам отправился куда-то вглубь дома, и вскоре Мио услышал приглушенный расстоянием звук закрываемой двери.

Юный лев не спеша осмотрел не слишком богато обставленную комнату. В ней находился лишь необходимый минимум различных вещей, которые могли потребоваться ее обитателю. Стоящий у окна стол, пара таких же простых по исполнению, как и он, скамеек возле него, а также несколько небольших полок. В одном из дальних углов он обнаружил небольшой умывальник, подойдя к нему, Мио, к немалому своему удовольствию, обнаружил, что тот заполнен хоть и холодной, но чистой водой. Сняв наконец свой походный плащ и оставив его на одной из скамей, он с немалым наслаждением умылся, после чего устало, растянувшись на стоящем в углу ложе, закрыл глаза и вскоре погрузился в объятия сна.

Проснулся же он от запаха еды, от чего его пустой с прошлого солнцехода живот требовательно заурчал. Мио встал, не спеша потянулся и пару раз зевнул, после чего пошел вглубь дома, ведомый своим носом. Вскоре он оказался в небольшой комнате, большую часть которой занимал очаг и служивший, судя по своему убранству, обитателям данного жилища трапезной, и именно отсюда и распространялся соблазнительный запах, разбудивший его. Возле очага стоял спиной к нему тот самый лев, на защиту которого он кинулся в минувший вечер. Тот, похоже, тоже почувствовал его присутствие, так что не оборачиваясь произнес:

— Похоже, не одного меня брюхо подвело от голода. Проходите, располагайтесь, еда хоть и более чем скромная, но все же буду рад разделить ее с вами.

Мио с благодарностью устроился у стоящего на свободном пространстве трапезной массивном столом.

— Насчет изысканности еды, вам, господин Фелт, точно не стоит волноваться. Похоже, я сейчас готов съесть что угодно, хоть личинки жужелиц.

— Вы знаете мое имя, но откуда? Насколько мне известно, мы с вами вчера так и не познакомились?!

— Вообще-то я вам хорошо известен, был, по крайней мере, до этого момента. Помнится, вы меня как-то несколько раз ловили в оружейной, когда я туда, будучи котенком, пробирался и даже грозились оторвать мне хвост за это.

Тут наконец хозяин дома обернулся к своему собеседнику, держа при этом в лапах пару мисок. Взглянув на своего гостя, едва не выронил их, а на его морде пронеслась целая буря эмоций: от удивления и непонимания до полного замешательства.

— Быть такого не может, неужто я вчера настолько перебрал?! — пробормотал он, глядя на Мио, и при этом его лапы так сильно затряслись, что содержимое мисок стало расплескиваться. Пока тот окончательно не лишил их обеих еды, Мио поспешно подхватил их из его лап и поставил на стол.

— Что с вами, господин Фелт? Вы словно призрака увидели, неужто мое появление для вас столь неожиданно?!

— Но...

Тут лев сильно потряс головой, зажмурил глаза, но даже после этого, как он открыл их снова, его неожиданный гость остался на прежнем месте, явно не намереваясь исчезать, словно наваждение.

— Ваше высочество, но как?!.. Все уже так давно считают вас ушедшим в обитель

Древних!

— Как-то рановато мне туда отправляться. Мне ведь еще нужно как минимум вернуть свое имя, а после всего мною увиденного, похоже, еще и постараться понять, что в моем родном логове творится.

От этих слов лев словно окончательно пришел в себя. Заметно помрачнев, он сел напротив Мио, пододвинув ему миску с едой. Некоторое время мрачно смотрел на свою, словно что-то обдумывая.

— Да уж, нехорошие дела здесь происходят, ваше высочество, после того, как ваш отец принял на службу химер.

От этих слов Мио снова почувствовал, как в нем поднимается волна негодования, так что даже шерсть на его загривке немного приподнялась.

— И как он только мог, почему?! — почти прорычал он и в бессильной злобе стукнул лапами по поверхности стола.

Его собеседник понимающе вздохнул и произнес:

— Возможно, он пытался превратить наших врагов в союзников. После того, как ситуация стала катастрофической, у него просто не осталось выбора. Отряд вашего брата попал в засаду, многие его члены погибли, а он сам тяжело раненый попал в плен.

— Рау был ранен и пленен?!

— Да, ваше высочество. Мы оказались практически совершенно беспомощны перед этими бестиями. Реши он тогда продолжить борьбу, думаю, все племя бы погибло, а те, кто остался бы в живых, скорее всего, позавидовали участи ушедших в обитель Древних. Впрочем, ваш брат, несмотря на все это, так и не смог принять этого его решения. Он напрямую выступил против воли правителя и предпочел стать изгнанником, чем склонить голову перед химерами, ну, а вместе с ним ушли и все, кто остался жив из числа боевых отрядов. После этого власть химер стала просто неоспоримой, и даже пожелаем мы что-то возразить противопоставить им, нам нечего ни тогда, ни сейчас, — подытожил лев и, скорбно опустив голову, замолчал.

Какое-то время они оба сохраняли полное молчание, но вот слегка вздрогнув и словно очнувшись от глубокой задумчивости, Мио поднял голову и решительно произнес:

— Мне нужно увидеть отца и как можно скорее.

В ответ Фелт печально покачал головой:

— Это невозможно, к нему никого не пускают. Я слышал, что даже его самки больше не могут приблизиться к нему.

— А как же приемы, где он выслушивал тех, кто к нему обращался?

— Их больше не проводят, какое-то время за него из проводил господин Лан, но и он давно этого не делает. Да это уже и просто бессмысленно, всем в логове управляет этот их поганый предводитель. И если кому-то ну очень нужно решить какой-то вопрос, им приходится идти к нему на поклон. Думаю, что вам не нужно объяснять, что если речь идет о, например, споре между представителем нашего племени и его, то в чью пользу всегда будет принято им решение.

Мио опустил глаза, отлично и без объяснений господина Фелта все понимая, но все же он был полон решимости достичь своей цели:

— И все-таки я во что бы то ни стало должен его увидеть. Только в его власти вернуть мне мое имя.

— Ваше высочество, я все понимаю, но...

Тут он осекся, но Мио нетерпеливо произнес:

— Что "но"? Говорите уже!

— Ходят слухи, что он уже на пути в обитель Древних, а химеры лишь скрывают это и по сути правят племенем от его имени.

— Значит пришла пора проверить эти слухи, господин Фелт. Я в любом случае не могу повернуть назад, без своего имени я и так ни жив, ни мертв, вы же понимаете?

Лев тяжело вздохнул, и на какое-то время снова повисла тягостная тишина, но вот он снова прервал молчание:

— Хорошо, я постараюсь провести вас в предел прайда. Это все что в моих силах.

— Этого уже более чем достаточно, благодарю вас, — с жаром произнес Мио, однако его собеседник был не так радостен и лишь махнул лапой.

— Благодарить будете после того, как все получится. Надеюсь, что это не приведет вас к последнему вздоху.

Закончив говорить, они приступили к еде, после чего лев стал собираться на службу, велел Мио дожидаться его в доме и никуда из него не выходить.

— После вчерашнего инцидента в убежище вас и так скорее всего ищут. Так что если вы действительно хотите достичь вашей цели, сейчас вам лучше затаиться.

Мио согласно кивнул, после чего Фелт, облачившись в броню стражника, покинул дом, оставив неожиданного гостя с нетерпением ждать его возвращения. Однако вернувшись, когда почти стемнело, он принес неутешительные новости. Выходка Мио не осталась незамеченной, и по всему логову буквально устроили облаву на дерзкого незнакомца, посмеявшегося поднять лапу на одного из представителей химер. Даже Фелту устроили форменный допрос, ведь Мио вмешался именно тогда, когда наглая тройца пыталась его унижить. С большим трудом тому удалось убедить всех, что он впервые видел того незнакомца льва, и после того, как их обоих выгнали из убежища, они разошлись каждый своей дорогой и больше тот его не видел.

— К счастью, нас никто не видел, по крайней мере, пока таких свидетелей не нашлось, — с тревогой произнес он, передав своему гостю последние новости.

Несмотря на нетерпение юного льва, ему пришлось провести не один солнцеход в доме стража, прежде чем все наконец улеглось. Только после этого, к немалому облегчению Мио, тот сообщил, что появился шанс провести юного льва в прайд. Для этого тот облачился в броню стража — подошла броня сына Тела, оставшегося у того после гибели последнего в одной из боевых стычек. Вместе они отправились к прайду, как только настала пора ночного караула самого Фелта.

Вместе они вошли в прайд, где Мио, стараясь оставаться как можно дольше незамеченным, окольными проходами отправился к покоям, где должен был находиться его отец. Сердце его при этом то сильно начинало биться, то вдруг замирало, сжимаясь, словно в недобром предчувствии. Наконец выйдя из-за ближайшего ко входу в покои правителя поворота, он увидел заветные двери, но вместе с тем он увидел, что их сторожит один из стражей. К счастью, это оказался всего лишь лев, а не представитель химер. Похоже, последние все-таки не решились на такую вопиющую наглость, которую им уж точно было бы трудно объяснить, избежав всеобщего гнева. Сделав глубокий вдох и напустив на себя показное безразличие, словно он идет выполнять весьма надоевшую ему миссию, Мио подошел к стражнику:

— Эй, как тебя там, мне сказали передать тебе, что тебе приказано явиться к главе

стражи. Что-то они там то ли напутали, то ли еще чего перепутали с несением караула. Так что давай, шевели лапами, а то они сегодня явно не в духе.

— Что?! Ты вообще кто такой?! — насторожился страж, слегка угрожающе выставив вперед свою пику.

— А что, так не понятно, твоя смена. Или ты думал, что пост оставят пустовать? Так что вали давай, я и так из-за всей этой заморочки должен тут торчать вместо того, чтобы наслаждаться хмельным соком в компании милых кисок. И угораздило же меня не смыться вовремя по окончании вахты!

Страж на время замер, явно находясь в полном замешательстве. Судя по его растерянному и одновременно напряжённому выражению морды, старающегося решить, что ему делать.

— Ну долго еще? Еще прикажешь уговаривать тебя или лучше просто доложить о твоём неподчинении приказу?

На счастье Мио страж был достаточно юн и, похоже, приступившем к своей службе совсем недавно, а Мио, в свою очередь, был весьма напорист, так что тот, в конце концов, сдался и поспешил прочь. Как только его шаги стихли, Мио, не теряя ни мгновения, приоткрыл дверь покоев правителя и словно тень скользнул внутрь. Только он оказался за дверью, как тут же ему в нос буквально ударил едкий, но одновременно сладкий аромат. Он был настолько силен, что юный лев едва удержался от того, чтобы не расчихаться. Поморщившись, он осторожно пошел вперед в полной темноте, стараясь ни на что не наткнуться и не поднять шум.

Проделав несколько десятков шагов, он наконец увидел слабый свет. Пройдя еще немного, он увидел огромное ложе, на нем возлежала не менее внушительная фигура, а в изголовье горел крохотный светильник, едва разгонявший своим призрачным язычком пламени крошечную тьму вокруг. Все еще крадучись, Мио приблизился к ложу и склонился над ним, глядя в лежащего на нем. Перед ним лежал спящий лев, вот только узнать в нем своего отца ему удавалось с трудом, так сильно тот изменился с момента их последней встречи. Его щеки ввалились, грудь с трудом поднималась в такт тяжелому хриплому дыханию, вырывающимся из нее.

Облизав внезапно пересохший нос, Мио тихо позвал отца, одновременно осторожно прикоснувшись к нему и стараясь его разбудить, но тот никак не отреагировал на его попытку. Мио попытался снова уже более настойчиво, но эффект был прежним — спящий лев даже усом не пошевелил в ответ на его усилия. Неизвестно сколько бы еще продлились тщетные попытки Мио разбудить отца, но вдруг он услышал скрип открываемой двери и легкие приближающиеся шаги. Поспешно оглядевшись в отчаянной попытке найти, где бы ему спрятаться, он шмыгнул за тяжелый полог ложа. Не успел он скрыться за ним, как в комнату вошла юная самочка, на вид еще почти детёныш. В лапах она несла какую-то небольшую курильницу. Поставив ее у изголовья спящего правителя, она воспользовалась пламенем светильника и воскурила ее. Тут же Мио почувствовал новую головокружительную волну странного запаха, который ощутил, едва зайдя в покои отца, и на этот раз он не удержался и громко чихнул.

От этого неожиданного звука самочка буквально подскочила на месте, попутно опрокинув курильницу, так что из нее просыпался какой-то бурый порошок, после чего она оглушительно запищала и со всех лап бросилась прочь из комнаты, одновременно громко зовя на помощь. Более Мио было нельзя оставаться ни единого мгновения, в любой момент

вяжутся стражи и одним Древним только ведомо, что произойдет, обнаружь они юного наследника в покоях правителя. Он уже было бросился следом за выскочившей самочкой, но, на мгновение задержавшись, сгреб высыпавшийся из курильницы порошок и, высыпав его в одну из глубоких складок надетой на него брони, со всех лап бросился к выходу.

Оказавшись за дверью, он прислушался и почти тут же услышал звук пока еще далеких, но многочисленных шагов, а главное, они доносились оттуда, где находился выход из прайда. Мио оказался отрезан от выхода, а потому он бросился в другую сторону вглубь прайда, туда где по большей части находились покои самок правителя. Несколько раз ему едва удалось разминуться с поднятой по тревоге стражей, но долго удача не могла быть на его стороне. Ему было нужно что-то срочно придумать, где-то хотя бы на время укрыться. И тут он увидел вышедшую из своих покоев на шум львицу, в которой он узнал свою бывшую кормилицу. Налетев на нее, словно ураган и едва не сбив с лап, он прикрыл ей рот, не давая закричать, и поспешно прошептал на ухо:

— Прощу, кормилица, не поднимай шум, это всего лишь я.

Львица попыталась было сопротивляться, но тут же стихла. Мио решил убрать свою лапу, и в следующее мгновение та буквально затащила его в свои покои, после чего тут же захлопнула дверь и опустила засов. Затем обернулась к с трудом переводящему дыхание после бега Мио и тут же едва не задушила его в своих горячих объятиях.

— Мио, о Мио! — только и повторяла она снова и снова, а из ее глаз нескончаемым потоком лились слезы. Мио попытался ее успокоить.

— Да это я, живой. По крайней, мере пока!

Какое-то время она все никак не могла успокоиться, но вот наконец ей это удалось. Проведя Мио вглубь комнаты, она усадила его на мягкие подушки и какое-то время молча продолжала во все глаза смотреть на него, словно боясь, что стоит ей только отвести взгляд, как тот исчезнет. Мио же, продолжая попытки успокоить ее, в какой-то момент прижался своим носом к ее и нежно потерся, как делал это не раз в далеком детстве. Похоже, это нехитрое действие окончательно успокоило ее.

— Что случилось? Как ты тут оказался? Это из-за тебя весь этот шум?

— О, прошу помедленнее, я не в силах ответить на все разом, — шутливо произнес он, играючи подняв лапы, словно молил о пощаде. Какое-то время он кратко пересказал кормилице все свои приключения, после чего протянул ей взятый им порошок.

— Кормилица, ты ведь была когда-то врачомателем. Может, ты скажешь, что это такое? Мне кажется, в этом порошке особенно знакомым запахом, а главное мне также кажется, что он неспроста оказался в покоях отца.

Она взяла порошок и какое-то время внимательно его изучала, пересыпая из лапы в лапу, и наконец произнесла:

— Очень похоже, что это смесь дурманящих трав. Нечто подобное иногда используют самки, чтобы поумерить любовный пыл слишком настойчивых самцов. Но использовать его нужно крайне осторожно, иначе последствия могут быть весьма плачевным.

От этих слов с памяти Мио вдруг всплыло воспоминание о его посещении логова песчаных фенек и о том, как он внезапно уснул так и не удовлетворив свое желание обладать юной самочкой тушканчика. Именно тогда он и почувствовал подобный запах, вот только в тот раз он не был таким невероятно сильным.

— Выходит, та самочка именно для этого его зажгла, но похоже, она зашла уж очень слишком далеко. Отец точно не выглядит как пылающий страстью самец, скорее, он

напоминает дряхлого старика, готового вот-вот испустить свой последний вздох.

— Самочка, говоришь...

Раста задумчиво поднялась со своего места и, приоткрыв ближайшее к себе окно, швырнула порошок в него, после чего, подойдя к небольшому изящно вырезанному из розоватого камня умывальнику, тщательно вымыла свои лапы.

— Да, именно она принесла курильницу и зажгла, хотя к тому времени отец и так уже спал сном ушедшего в мир Древних. А что, ты что-то знаешь об этом?!

— Разве только то, что уже много полных лун он не призывал к себе ни одной самки, ни своих продолжательниц рода, ни кого-то из кап, уж я-то об этом точно знаю. Да он вообще прекратил с кем-либо встречаться, да и с некоторых пор и к нему никого не пускают. Единственные, кто к нему могут прийти в любое время, это господин Лан и этот проклятый предводитель химер. Даже поползли слухи, что он стал пленником. И, честно говоря, это выглядит именно так.

Она замолчала и Мио не спешил прерывать молчание. И вдруг из-за двери послышался шум, походивший на топот множества бегущих лап. Мгновенно Мио вспомнил, что его вообще-то преследуют. Он было попытался уйти, но его решительно остановила Раста.

— Останься здесь, сейчас тебе не удастся покинуть пределы прайда тайком, а сюда никто не посмеет войти, да и искать тебя здесь точно будут в самую последнюю очередь.

Мио несколько секунд поколебался, но в конце концов пришел к выводу, что она права. Опустившись снова на пол, он замер, тревожно прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за закрытой двери. Но они постепенно становились все тише и тише, а вскоре и вовсе полностью стихли. Это позволило Мио расслабиться, и вскоре после этого на него накатила усталость, перешедшая в дремоту. Незаметно он погрузился в глубокий сон. Проснулся же он от того, что к нему кто-то осторожно прикоснулся, ласково проведя по гриве лапой. Слегка вздрогнув, он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Ниоту.

— Мама, — сонно произнес он, приподнимаясь и откидывая край покрывала, которым был заботливо укрыт.

В то же мгновение он почувствовал жаркие объятия, ничем не уступавшие по крепости тем, какими встретила его накануне его кормилица. Наконец, когда волна эмоций понемногу отхлынула, она смогла отпустить его, уступив место кормилице, к тому времени принесшей ему еду. Обе они не отрываясь молча смотрели на него, пока он с жадностью поглощал кусок за куском, принесенного ему тушеного мяса. Наконец, когда с едой было покончено, они стали обдумывать план предстоящих действий, и речь шла не только о том, как Мио незаметно уйти из прайда, но главное, как Мио вернуть свое имя. Ведь только его отцу это было под силу, но оставаясь в таком состоянии, в каком его застал Мио, он едва ли был способен на это. Нужно было во что бы то ни стало привести его в чувства. Однако если все останется как есть, это точно было невозможно. Необходимо оградить его от тех, кто стремился к тому, чтобы правитель оставался в таком состоянии, кем бы он ни был, но добиться этого можно, лишь забрав его из прайда.

— Вот только как это сделать? Хоть сейчас отец и походит скорее на вещь, чем живое существо. Просто сунуть его за пазуху и забрать отсюда точно не получится, — сокрушенно подытожил Мио упавшим голосом, чувствуя, как отчаянье заползает в душу, заставляя его буквально цепенеть.

И тут подала голос Раста:

— Забрать его — это еще полбеды, его еще нужно будет где-то укрыть. Где-то, где он

сможет спокойно прийти в себя, а на это, похоже, уйдет немало времени. Стоит только правителю исчезнуть, как те, кому было нужно довести его до такого состояния, перевернут небеса и земную твердь в его поисках, и они точно не перед чем не остановятся, — произнесла это, она ввергла всех в еще большее уныние.

На какое-то время в комнате повисла тягостная тишина, но вот мать Мио, словно что-то внезапно вспомнив, произнесла:

— А что если провести его через тайный проход?

— Что?! Ты это о чем?

— Ну как же, вспомни, есть внутренняя купальня на нашей половине прайда. Туда обычно приводят самок, которых правитель хочет сделать своими продолжательницами рода или капями. В эту купальню ведет проход из его покоев, чтобы он мог незаметно осмотреть претендентку, пока она купается, и принять решение, а стало быть, по нему можно проникнуть к нему и при этом совершенно тайно.

— А ну да, точно, я и позабыла о нем совсем. Допустим, мы сможем его вывести из покоев, но привести мы его сможем только сюда, а спрятать в пределах самого прайда — это точно вряд ли выйдет. Прайд, впрочем как и все логово, это первое, что перевернут кверху дном в поисках пропавшего, и тогда всем нашим усилиям конец. Да и нас всех тогда точно вряд ли помилуют.

Снова все замолчали, усиленно стараясь придумать хоть что-нибудь. Между тем за пределами прайда стали сгущаться сумерки, и вот Раста, тяжело вздохнув, поднялась со своего места:

— Ладно, все это так быстро не решить, а Мио пора выбираться отсюда. Стража как раз уже должна начать сменяться.

Все с ней согласились. Попрощавшись с кормилицей и своей матерью, Мио отправился к выходу, но прежде он протянул Ниоте с таким трудом добытый им именной кристалл:

— Пусть побудет пока у тебя. Думаю, так будет надежнее, не хочу, чтобы с ним что-то случилось. И еще, я буду в доме господина Фелта, так что в случае чего, вы сможете связаться со мной через него, — тихо прошептал он, передавая ей кристалл, после чего он тенью скользнул за дверь.

Пройдя несколько поворотов извилистого коридора, он вышел позади нескольких стражей внутренней охраны и как ни в чем не бывало поприветствовав их и присоединился к ним. Вскоре уже вместе с группой стражей, закончивших свою службу, он благополучно покинул пределы прайда, после чего отправился в дом господина Фелта, который уже и не ожидал снова увидеть Мио живым. Несколько солнцеходов Мио прожил у него, почти не покидая его дом и стараясь придумать план по спасению отца, но раз за разом натыкался на почти одни и те же неразрешимые вопросы. Лишь несколько раз он выходил в основном в самом начале солнцехода и на его исходе. Бесцельно бродя по логову и слушая, что творилось среди его обитателей, старался не столкнуться с химерами.

Но вот однажды, когда он снова вернулся с очередной такой прогулки, оказалось, что его ждало послание от кормилицы. Господин Фелт передал ему, что она просит о встрече в небольшом святилище, расположенного за пределами логова. Не теряя ни мгновения, он туда отправился и вот спустя какое-то время достиг цели, остановив своего безмолвного у входа в святилище. поприветствовав служителя, встретившего его при входе и явно ожидающего его приезда, он без лишних слов провел его вовнутрь, и там он увидел свою кормилицу, стоящую на коленях в священном круге, произносящую воззвание к Древним.

Помедлив пару мгновений Мио тоже ступил в круг и медленно опустился на колени рядом с ней. Какое-то время они придавались совместному молению, но вот они замолчали и посмотрели друг на друга.

— Зачем мы тут? Надеюсь ни ради совместного моления?

Она слегка улыбнулась ему:

— Нет, конечно, просто нашлось место, где бы мы могли спрятать твоего отца, где он сможет спокойно прийти в себя. Если, конечно, на то будет воля Древних, ибо только с их позволения это случится, учитывая, в каком он состоянии.

— Ты видела его?!

Она согласно кивнула и на ее морде отобразилась горечь:

— Удивительно, что он вообще еще жив, так что времени на его спасение у нас не так уж и много.

— Ясно, и где же это место?

— Здесь.

— Что?! Но я не понимаю, его же сразу тут найдут?!

— Я немного не так выразилась. Не прямо в этом месте, конечно, но под покровительством самих Древних, в одной из святых обителей. Мы отвезем его туда тайно, более надежного укрытия нам не сыскать во всем мироздании. Даже химеры побоятся в открытую явиться туда.

Далее она поведала план, который она и его мать успели придумать. По нему они по тайному проходу уведут правителя на свою половину прайда, там они спрячут его в ларец якобы с подношениями для Древних. Перед этим будет объявлено об их паломничестве в одну из обителей Древних, служители которой дали согласие схоронить их всех у себя и при необходимости дать отпор любому, кто осмелится вторгнуться к ним, дабы вернуть правителя силой.

— План, конечно, хорош, но вот кто согласится на такое? — произнес Мио задумчиво, при этом в его голосе звучали нотки неуверенности.

Его собеседница лишь слегка улыбнулась и произнесла:

— Не слишком-то ты внимателен, мой дорогой. Уже нашлась такая обитель, тот самый служитель, что встретил тебя у входа, все организовал. Осталось лишь исполнить то, что начато.

Мио недоверчиво хмыкнул:

— А ты уверена, что ему можно доверять?

— Вполне, вряд ли найдется тот, кому химеры причинили столько зла, сколько ему.

Мио еще раз недоверчиво хмыкнул, но ничего не стал говорить, все-таки выбор у них невелик и время явно не на их стороне, а сомнения лишь лишали их всех последнего шанса. Еще немного обсудив детали предстоящего предприятия, они расстались. Раста отправилась назад в прайд, а вот Мио не стал возвращаться назад в дом господина Фелта. Он направил своего безмолвного совсем в другую сторону, намереваясь встретиться со старшим братом.

— Итак, отец все еще жив?

— Да, по крайней мере пока, но если мы его не сможем увезти оттуда, времени ему до того момента, как он испустит свой последний вздох, явно осталось не так много. С каждым мгновением его все меньше и меньше. И если это произойдет, есть огромная вероятность, что химеры тогда окончательно захватят власть и над нашим родным логовом, и над всем

нашим племенем. Они и сейчас уже чувствуют себя там полноправными хозяевами, я лично был тому свидетелем.

Услышав это, Рау глухо зарычал, а в его глазах блеснул недобрый свет, однако это дало Мио надежду на то, что несмотря на то, что его старший брат был в лютой ссоре с их отцом, оставить все как есть он не согласится. К своему немалому облегчению, чутье его не подвело. Спустя пару минут полного молчания Рау снова заговорил:

— Хорошо и в чем же заключается план его спасения?

Мио подробно пересказал ему план похищения правителя, после чего Рау какое-то время задумчиво молчал, после чего с сомнением в голосе произнес:

— Как-то все звучит не очень надежно и шатко.

Мио тяжело вздохнул:

— Согласен, но как по мне, это пока что единственное, что возможно сделать, чтобы спасти его. судя по тому, что кормилица все-таки смогла проникнуть в его покои и благополучно уйти оттуда никем незамеченной, это возможно. Однако все же еще кое-что можно сделать, чтобы увеличить шансы на успех, и для этого нужна наша помощь.

Рау удивлённо приподнял брови:

— И что же это?

— Нам с тобой нужно будет проникнуть в прайд и помочь вынести отца. Он все-таки не детеныш и то, что несколько самок на своих лапах смогут его вынести — весьма сомнительно. Главное неизвестно, как скоро его хватятся и, возможно, догадаются, куда он мог деться. Скорее всего, пустятся в погоню и тогда им понадобится защита, а дать ее могут только члены боевого отряда.

— Привести его к стенам логова мы не сможем.

— Конечно, они будут ждать нас по пути и присоединятся к нам, когда мы покинем стены логова.

— Если только все это не окажется ловушкой, в которую нас заманивают.

Мио тяжело вздохнул, его и самого все это время тревожили эти мысли:

— Может и так, но в сложившихся обстоятельствах я не вижу иного способа спасти и отца, и наше племя.

Рау задумчиво замолчал, глядя куда-то в языки пламени костра, возле которого они все это время сидели, обсуждая план действий. В конце концов он согласно кивнул. На следующий солнцеход едва только солнце начало свой привычный путь, они оба выехали из лагеря и отправились к тому самому святилищу, где накануне Мио встретился с Растой. Там найдя служителя, который согласился помочь со спасением правителя, они уже в подробностях обсудили план их совместных действий. Однако умолчав о том, что после того, как они покинут логово, к ним присоединятся члены боевого отряда.

В прайд Мио и Рау проникли так же, как перед этим проник туда сам Мио — переодевшись в броню внутренней стражи, добытой для них все тем же господином Фелтом. Оказавшись в покоях кормилицы, они застали там не только Расту и Ниоту, но еще небольшую группу, состоящую из нескольких младших самок правителя и еще с десятков кап. Все они были отобраны самой Растой, для того чтобы принять участие в похищении правителя. Рау это не очень понравилось, но он благоразумно промолчал. А между тем незаметно пришёл час, чтобы начать претворять в реальность их план.

Для этого почти все самки отправились во внутреннюю купальню и там затеяли омовение перед началом священного паломничества, как того требовали традиции. За их

спинами Мио, Рау и Раста, на правах врачевательницы твердо изъяснившая свое право на личное присутствие, когда они будут перемещать ослабевшего правителя, отправились в тайный проход. Идя впереди, она несла небольшой светильник, а оба льва шли прямо за ней, стараясь издавать как можно меньше шума. Еще задолго до выхода из прохода чувствительный нос Мио почувствовал дурманящий запах, что позволило ему предупредить Рау, чтобы тот постарался не расчихаться. Вскоре после этого они наконец достигли своей цели и шагнули во внутренние покои правителя.

Как и в прошлый раз тот все так же лежал на своем ложе, погруженный в глубокое забытие, похоже, мало чем отличающееся от последнего путешествия в пределы Древних. Бережно они подняли правителя с ложа и, взвалив на свои плечи, отправились в обратный путь. По пути Мио, к немалому своему удивлению, подметил, что его отец не так уж и тяжел, как ему всегда казалось. Однако, когда они оказались в покоях его кормилицы, где он смог взглянуть на него уже в ярком свете множества зажжённых в ее покоях светильников, он понял, что это не удивительно. Тело правителя, некогда представлявшего из себя одного из самых могучих львов своего племени, теперь стало просто каким-то жутким набором костей, обтянутых шкурой, шерсть на которой местами выпала, оставив голые проплешины, а некогда пышная грива с благородной проседью, почти полностью побелела и свалялась от долгого лежания.

Вид отца наполнил его сердце такой горечью, что он с немалым трудом сдержался от гневного рыка, так и рвущегося из его груди. Похоже, не он один испытывал нечто подобное. Рау глухо заворчал, а несколько молодых самочек стали всхлипывать, явно с трудом сдерживая рыдания. Однако тут все в свои лапы решила взять Раста, понимающая, что сейчас нельзя было попусту тратить время. Решительно она отстранила обступивших правителя и занялась тщательным его осмотром, после чего какое-то время занималась приготовлением каких-то снадобий, то и дело отдавая распоряжения окружающим. Несколько из приготовленных лекарств ей удалось влить в бесчувственного правителя, после чего все, к немалому своему облегчению, заметили, что его дыхание хоть и немного, но стало чуть легче, и пропал жуткий хрип, с которым он до того вырывался из его исхудалой груди.

Между тем пришло время переходить к осуществлению второй части их сумасшедшего плана. Осторожно правителя уложили в приготовленный для него заранее огромный ларец, якобы с дарами для Древних. Сверху его накрыли тонкой тканью и засыпали всевозможными драгоценными безделушками и горстями солнечных камней. Именно в таком виде ему и предстояло покинуть пределы своего прайда, а затем и логова, ставших его клеткой. Самки нарядились в ритуальные одежды, а в назначенный час к ним пришел и тот самый служитель, который должен был всех их отвести в святую обитель, где они надеялись найти надёжный приют. Оба сына правителя также надели ритуальные одежды прямо поверх своей брони, после чего, подняв ларец, они все вместе нараспев, произнося моления, отправились стройной процессией к выходу из прайда.

Оказавшись на улице, они не спеша отправились в главным воротам логова. По дороге встречающиеся им жители благоговейно опускались на колени, все, кроме химер, насмешливо наблюдавшие за всем происходящим и иногда отпускавшие в адрес членов процессии едкие и насмешливые замечания. Но вот наконец они достигли главных ворот, где их уже ждали приготовленные для путешествия безмолвные. На одном из них закрепили ларец — это был тихход безмолвный, отличавшийся невероятной силой и выносливостью,

но сильно проигрывающий в скорости. Остальные же устроились на головах твердокрылов. Все так же распевая моления, не спеша они выехали за пределы главных ворот логова.

Когда те медленно закрылись, за их спинами с глухим стуком все смогли немного расслабиться, но до полного спокойствия им было еще очень и очень далеко. Набрав насколько это только было возможно, с учетом ценного груза скорость, они направились на запад, туда, где располагалась заветная обитель. Как и было уговорено, где-то на полпути до обители их встретил отряд Рау, немало напугав всех, кто и так находился в напряжении, то и дело ожидая погони. Тем более, что ни Мио, ни Рау в целях безопасности так и не стали рассказывать о том, что они к ним присоединятся.

Но пары слов хватило, чтобы все успокоились и продолжили свой путь, на этот раз уже под надежной охраной. Так они спустя несколько солнцеходов достигли ворот обители, где их уже ждали немногочисленные ее обитатели. Хоть они и не ожидали, что их будет так много, они все же смогли разместить всех своих гостей, а правителю и Расте, ставшей его личной врачевательницей, они предоставили лучшие свои комнаты. Теперь всем им лишь оставалось одно — молить Древних о том, чтобы правитель смог как можно скорее поправиться, полагаясь на искусность его старшей самки.

Месть падшего

— Итак, твои сумасшедшие вылазки стали приносить плоды?

— По крайней мере, теперь, когда все больше обитателей нашего логова стало задавать неудобных вопросов, они должны будут как-то отреагировать. Просто продолжать замалчивать факт исчезновения правителя им будет все сложнее и сложнее.

— Ну да, осталось только понять, как?

— На этот вопрос нам ответит лишь время. Хотя из того, что приходит на ум, любое их решение и тем более действие, должно сыграть в нашу пользу.

Рау с сомнением хмыкнул, но ничего возражать не стал. Оба льва замолчали и задумчиво стали смотреть вдаль, каждый думая о своем. Прошло уже почти три полных лунных лика с тех пор, как они похитили своего собственного отца и укрылись в одной из дальних обителей Древних. Несмотря на их опасения, никто их так и не потревожил, стараясь найти пропавшего правителя. Впрочем, как успел выяснить Мио, предприняв ряд вылазок на территорию родного логова, тщательно при этом замаскировавшись, чтобы свести к минимуму шансы быть узнанным, там все шло точно так же, словно правитель никуда и не исчезал.

А между тем настроения в логове становились все напряженнее. Чаще, хоть пока и полупшепотом его обитатели стали задаваться вопросом, что на самом деле творится в их доме и не пора ли правителю самолично вмешаться во все происходящее. Не последнюю роль в этих настроениях сыграл и сам юный наследник, то и дело проникая под разными личинами на территорию логова и заводя провокационные беседы с обитателями логова.

Правитель невероятными усилиями Расты и не менее усердными воззваниями к Древним всех остальных обитателям святой обители стал постепенно приходить в себя. Сперва едва придя в себя, он не мог никого узнать из тех, кто его окружал и даже с трудом осознавал, кто он сам, но постепенно рассудок стал в нем крепнуть, освобождаясь от оков дурмана, под воздействием которого он так долго пребывал. По началу робкая надежда на его выздоровление стала укрепляться в сердцах родных и подданных.

Особенно воспрял духом Мио, уже почти потерявший надежду на то, что он сумеет вернуть себе свое имя. Вот и сейчас, глядя вдаль и стоя рядом со старшим братом, он вновь чувствовал нетерпение, задаваясь вопросом, когда же отец окрепнет настолько, чтобы он смог вернуть ему его имя. И вдруг неожиданно из задумчивости его вывел робкий голос одной из юных самок, прибывших из логова вместе с остальными похитителями правителя:

— Прошу прощения, ваше высочество, но вас обоих желает видеть повелитель.

Братья удивленно и даже немного встревожено переглянулись, однако, не произнеся ни слова, последовали за юной посланницей. Она провела их вглубь обители и вместе они вошли в просторную комнату, где все это время находился их отец. Войдя туда, Мио с удивлением отметил, что там уже находились несколько служителей обители, включая и Дента, того самого служителя, который помог организовать похищение главы племени, и еще несколько старших львов из числа отряда Рау.

Пройдя меж ними, он подошел к ложу, на котором сидел полулежа его отец. Вид у него был все еще весьма болезненный, так же бросалась в глаза его невероятная изможденность, но вот в его глазах уже не было и намек на прежний затуманенный дурманов разум, теперь его глаза были полны ясности. Его грива аккуратно расчесана, а на теле заросли жуткие

проплешины. Рядом с ним по обеим сторонам от его ложа стояли Раста и Ниота, все это время ни на минуту не покидавшие своего повелителя. На их мордах лежала печать усталости, но все же на них также читалась и немалая радость, что все самое страшное с их повелителем теперь осталось в прошлом.

Мио подошел почти вплотную к ложу и склонил голову. Не обладая именем, он не имел права говорить, но правитель сам заговорил и велел ему приблизиться. Повинуясь и так не поднимая головы, Мио подошел к нему вплотную и опустился на колени. А через несколько минут он почувствовал, как на его плечи опустились лапы его отца, при этом он так же почувствовал едва заметное прикосновение чего-то почти невесомого, внезапно опустившегося на его шею и грудь. И тут снова раздался пока еще слабый голос правителя:

— Перед ликом Древних и взорами представителей нашего племени я возвращаю тебе твое имя, мой сын Мио. Отныне и навеки это твое имя перед взором Древних и всеми обитателями подлунного мира, до самого твоего последнего вздоха. Носи его с честью, как и полагается члену племени огненных львов востока.

Правитель замолчал, слегка закашлявшись и устало откинувшись на подушки. Раста тут же заботливо поднесла к его рту чашу с каким-то напитком. Пока правитель осушал ее, Мио медленно поднялся на лапы, чувствуя, как сердце в его груди стучит с такой силой, что кажется что вот-вот выпрыгнет наружу, а все вокруг вдруг стало таким нереальным, словно он находился во сне.

Но блеск заветного кристалла на его груди все же возвещал, что все это происходит с ним наяву. Между тем осушив чашу, правитель устало откинулся на подушки еще сильнее, теперь он уже практически лежал, устало переводя дух и полузакрыв глаза глядя на Мио. Спустя несколько мгновений он велел всем выйти, оставив их наедине. Поклонившись ему, все повиновались, вскоре в комнате остались лишь Мио и он, вышли даже обе самки, оставив их одних. Несколько минут правитель продолжал молча смотреть на своего сына, после чего тихо произнес, протянув свою слегка дрожащую от слабости лапу по направлению к нему:

— Прости.

Сердце Мио сжалось, а к горлу подкатил тугой комок. Сделав шаг, он взял протянутую к нему лапу отца и с жаром сжал ее между своих лап.

— Тебе не за что просить прощение, отец. Мы все стали жертвами коварного врага и попали в его ловушку. Но клянусь своим именем, я сделаю все, чтобы вернуть честь нашему роду и покарать врагов нашего племени.

Правитель чуть улыбнулся ему, а Мио еще сильнее сжал его лапу в своих, словно стараясь передать хотя бы часть своих сил отцу, чувствуя невероятную решимость в душе во что бы то ни стало исполнить свою клятву. Они оба замолчали, какое-то время так и сохраняли тишину, глядя друг на друга. Но вот правитель медленно закрыл глаза и погрузился в тяжелую дремоту. Мио осторожно отпустил его лапу и бережно укрыл покрывалом, после чего наблюдал за ним, но затем тихо, стараясь не потревожить его сон, вышел прочь.

Через несколько солнцеходов неожиданно вместе с одним из странников, что по каким-то своим причинам не имевшим постоянного приюта и кочевавшим с места на место, и на этот раз держащим свой путь как раз из логова львов, пришла важная весть. В логове, в котором уже к тому времени назревало волнение, внезапно объявили, что правитель неожиданно скончался, и его главный советник объявил о том, что в ближайшее время будет

проведен священный поединок между его наследниками, дабы победитель занял его место и возглавил племя.

— Проклятие, как умно. Все старшие наследники нейтрализованы и теперь осталось только выявить одного из тех, кто по сути еще детеныш и, сделав его мнимым правителем, продолжать вольготно править, прикрываясь им! — прорычал Рау, в бессильной злобе сжав кулаки.

— Значит пришло время вмешаться, — почти невозмутимо произнес Мио, чувствуя не меньшую злость, чем его старший брат.

— Но как? Отец еще так слаб, да и явись мы туда, химеры скорее всего просто запрутся в стенах логова и станут недостижимы, а осада займет слишком много времени и сил. Не зря же они не стали к ней прибегать, сами в свое время хоть и вполне могли.

— В таком случае воспользуемся тем шансом, что они сами нам дали.

— О чем это ты?!

— О поединке. Я приму в нем участие, проникнув в логово с небольшой группой из числа членов боевого отряда. И пока большинство, если не все, будут заняты лицемерием сего представления, вы подойдете к логову, а те, что придут со мной, должны будут открыть для вас врата.

Рау с сомнением покачал головой и на какое-то время погрузился в тяжелые раздумья.

— Это слишком рискованно.

— Возможно, но какие у нас есть еще варианты? Сейчас на нашей стороне, по крайней мере, хоть какой-никакой, но фактор внезапности.

Рау снова замолчал, но так и не найдя, чем возразить брату, с неохотой дал согласие на осуществление плана Мио. Правда, оставался еще один вопрос: когда именно должен был пройти турнир? Странник на этот счет не смог сказать ничего конкретного. Так что немного поломав голову над этим, в конце концов было решено, что скорее всего его проведут в ближайшее священное упоминание Древних, а до него оставалось совсем немного времени. Не теряя его даром и едва согласовав все детали плана, уже на следующий солнцеход после принятия окончательного решения, еще до того, как появились первые лучи солнца, группа львов, одетая как странники и торговцы, выдвинулась к логову.

Проведя на своих безмолвных почти без отдыха несколько солнцеходов, они наконец достигли пределов главного логова племени. Едва только вдали показались знакомые каждому из них очертания родных стен, они согласно предварительной договоренности разделились на очень маленькие группы и друг за другом через разные промежутки времени, чтобы не вызывать подозрений, проникли в пределы логова.

Оказавшись там, Мио сразу же заметил оживление, творящееся в нем. Похоже, предстоящий поединок за место главы племени не оставил никого безучастным: ни представителей его родного племени, чья судьба по сути решалась на этом поединке, ни химер. Смешавшись с толпой, ему удалось беспрепятственно достигнуть центральной площади, на которой когда-то его судили и лишили имени. Теперь там была воздвигнута арена, на которой, как успел узнать Мио у одного из торговцев, и предстояло сражаться его младшим братьям за место главы племени.

— Но ведь поединок всегда проводили в святилище Древних?

— Да, но вот кто теперь соблюдает традиции? — произнес торговец с едва уловимой горечью в голосе и невесело усмехнулся. — А ведь на нем будут присутствовать, как я слышал, несколько представителей верховных служителей. И куда только смотрят

Древние?

От его слов Мио снова почувствовал, как в нем поднимается волна негодования. Усилием воли он подавил ее и, купив у торговца какую-то безделушку, пошел прочь. Еще немного побродив по логову, он зашел в одно из убежищ и, устроившись там в одном из дальних уголков, стал наблюдать за всем происходящим, внимательно вслушиваясь в разговоры посетителей. Вскоре не задав ни единого вопроса, он узнал о времени проведения священного поединка — оказалось, что прибыли они как раз вовремя. Поединок был назначен, когда они и предполагали — в священное время поминания Древних, и наступало оно как раз на следующий солнцеход.

Проведя остаток солнцехода в убежище и заняв в нем же себе комнату для ночлега, остались там в бессонную ночь и, поднявшись с ложа, с первыми лучами солнца отправился на площадь. Едва дождался того момента, когда один из глашатаев объявил о начале священной церемонии во славу Древних, часть которой и должен был состояться поединок.

Подобравшись к арене как можно ближе и оказавшись почти в первых рядах собравшихся зрителей, он с напряжением стал наблюдать за всем происходящим. А между тем на арене появилось несколько представителей служителей Древних. Какое-то время они во всеуслышание произносили моление, взывая к Древним, с мольбой проявить их благосклонность и явить им всем избранного правителя племени. А затем им на смену стали подниматься один за другим молодые львы, облаченные в ритуальную броню, которым предстояло сражаться меж собой за место главы племени.

Все они так же воззвали к Древним. Пока это происходило, Мио внимательно смотрел на них — все они настолько юны, что несколько из них едва переступили грань, когда получили свои имена. Среди них, к немалому его удивлению, не оказалось никого, кто был хоть немного младше самого Мио, что весьма его поразило. Он поймал себя на мысли, что в голове крутился один назойливый вопрос: куда подевались все остальные его братья? Но ответа не было, а догадки самого Мио были одна страшнее другой. Пришла пора, когда один из претендентов должен был бросить остальным вызов, и тогда Мио понял, что настал его черед действовать и он громко произнес:

— Я желаю бросить вызов!

Вокруг него загудели собравшиеся с удивлением. Те, кто стоял с ним рядом, смотрели на него, а он, в свою очередь, двинулся к арене. Все вокруг расступились, никак не препятствуя ему. Ловким прыжком он запрыгнул на арену и там, медленно выпрямившись, обвел всех пристальным взглядом.

— Эй, вы еще кто? И как смее вмешиваться в священный поединок? — раздался откуда-то из глубины арены возмущенный возглас, в котором Мио узнал голос главного советника, господина Лана. Тот стоял в тени, так что не подай он голос, его бы вряд ли можно было заметить.

— Я один из старших сыновей правителя и имя мое Мио, — с этими словами он снял с себя дорожный плащ-капюшон, который все это время скрывал его морду от посторонних глаз, и откинул его в сторону, являя себя всем собравшимся.

По толпе снова пробежал удивленный ропот. Снова раздался голос советника и в нем звучали нотки паники:

— Лишённый имени не имеет права бросать вызов!

— Мое имя при мне.

Мио снял с шеи свой именной кристалл и, чуть приподняв его над головой,

продемонстрировал всем. Тот, чуть покачиваясь на шнурке, свитом из волос его отца и матери, ярко сверкал в лучах солнечного лика. Однако, похоже, советника это ничуть не убедило в том, что Мио имел право бороться за место главы племени.

— Самовольное владение именованным кристаллом не возвращает имя тому, у кого оно было отнято. Только правитель имеет право вернуть его, а он уже на пути в обитель Древних.

Мио снова надел кристалл и, посмотрев в сторону советника, тихо, но вполне внятно произнес:

— Вы точно в этом уверены, господин Лан?

В глазах советника промелькнул страх, не ускользнувший от внимания Мио. Тот облизнул пересохший нос и уже было собрался еще что-то сказать, явно не собираясь так просто отступить и признать право Мио на поединок, но вдруг рядом с ареной раздался еще один голос:

— Кристалл подлинный. Сам правитель вернул ему имя, я тому свидетель и лично присутствовал при этой церемонии.

Толпа снова расступилась, и на арену поднялся тот самый служитель Древних, который помог в похищении правителя. Он остановился рядом с Мио и пристально посмотрел на советника.

— Надеюсь, у присутствующих нет повода сомневаться в моих словах?

Ответом ему была тишина.

— Отлично, раз возражений нет, значит один из старших сыновей правителя имеет полное право бросить вызов и при благоволении Древних занять место своего отца, — это он произнес, уже обращаясь ко всем собравшимся.

Ответом на его слова был одобрительный гул толпы. Похоже, возражать всем им никто не осмелился. Советнику ничего не оставалось, как, смирившись со всем происходящим, дать сигнал к началу поединка. Вот только никто из молодых львов не был готов сражаться со своим старшим братом. Один за другим они выходили на середину арены, бросая свое оружие к его лапам, затем опускались на одно колено и, преклонив голову, безоговорочно признавали его своим правителем.

В конце концов, у Мио не осталось ни одного противника. Казалось, он уже практически победил, не сделав для этого ни одного выпада и не нанеся ни единого удара. Похоже, тот, кто затеял весь этот фарс с поединком юных наследников, не был готов так просто принять это. Неожиданно на арене появился тот, от вида которого все буквально замерли и, казалось, не смели не то что голос подать, но даже сделать вздох.

На арену вышел сам предводитель химер. При виде него, Мио снова как было уже не раз, почувствовал, как в нем начинает буквально закипать кровь, а на загривке шерсть встала дыбом. Между тем тот окинул его презрительным взглядом и сделал несколько шагов в сторону Мио. Тот инстинктивно сделал несколько шагов прочь, стараясь держать дистанцию. Они стали кружить по арене, не моргая и пристально глядя друг другу в глаза. Какое-то время они продолжали молчать, но вот предводитель химер полунасмешливо произнес:

— Итак, Древние явили нам нового главу племени, но что насчет их первейшего закона? Насколько мне известно, главой может стать лишь сильнейший в племени.

— Не тебе судить о воле Древних, презренный! — прорычал Мио, чувствуя такую ярость, что, казалось, еще миг, и он бросится на своего врага и перегрызет ему горло. Тот

вполне осознавал это и, похоже, даже наслаждался.

— Да неужели, а как насчет того, чтобы доказать всем, что именно вы сильнейший среди всех, сразившись со мной и лично продемонстрировать волю Древних? Хватит ли у вас духу, ваше высочество, исполнить закон?

Он наконец остановился и все так же с презрением и насмешкой глядя на юного льва, ожидал его ответа. Впрочем, как и все присутствующие с замиранием сердца смотрели на Мио, не смея даже пошевелиться и лишь в их глазах читалась надежда, что тот наконец сумеет избавить всех их от ненавистного гнета. Мио же, не сводя глаз с предводителя, наклонившись, поднял одно из оружий, которые бросали к лапам его брата, и поднял не глядя одно из них. Им оказалось короткое копьё. Выпрямившись, он наставил его острие на своего противника прорычал:

— Я бросаю тебе вызов, и да свершится воля Древних здесь и сейчас перед их всевидящим взором.

В ответ предводитель лишь хмыкнул и не спеша вытащил свой короткий клинок, который всегда носил у себя на поясе. И вот их поединок начался. Обменявшись несколькими пробными ударами, они отступили на несколько шагов друг от друга и какое-то время снова начали кружить друг напротив друга, ища подходящий момент, чтобы нанести удар своему противнику. Снова и снова они сходились и расходились, награждая друг друга рядом ударов, словно проверяя, на что способен каждый из них и насколько он силен.

Постепенно сила ударов становилась все больше, а паузы между атаками все короче. Внезапно копьё Мио разломилось пополам, отразив очередной удар клинка предводителя, и, казалось, участь юного льва решена. Неожиданно предводитель откинул свой клинок в сторону, и оба противника с яростным ревом буквально сцепились, кромсая друг друга зубами и когтями так, что в стороны летели клочки шерсти и разлетались капли крови. Толпа то и дело словно единое существо оглашалась то стоном, то возгласом предвкушения близкой победы. Но каждый раз противники расходились, к немалому разочарованию собравшихся.

А между тем солнце стало клониться к закату, окрашивая все вокруг в зловещий алый цвет, словно вторя тому, что происходило на арене, где, казалось, поединок должен был длиться целую вечность. И вдруг в рядах собравшихся стало происходить какое-то смятение. Многие из собравшихся внезапно спешно покинули площадь, скрывшись в сгущающихся сумерках, и в основном это были химеры. Впрочем, тем, кто все еще сражался на арене, было не до того, чтобы выяснять, что произошло.

Оба противника уже были на пределе своих сил и старались закончить схватку, вкладывая в каждый свой новый удар максимум оставшихся сил. Совершив невероятный рывок, Мио сумел свалить противника с лап и прижать его к поверхности, к тому времени уже изрядно пропитавшиеся их кровью из многочисленных ран на их истерзанных телах. Буквально сел на своего противника, лишив возможности сопротивляться. Тот же, несколько раз дернувшись, вдруг замер и с улыбкой прохрипел:

— Вот значит какова воля Древних?

— И она останется такой вечно! — произнес Мио, в ответ едва ворочая от изнеможения языком и все еще чувствуя kloкочущую ярость в своей груди.

Вдруг он услышал хриплый смех. Предводитель, захлебываясь собственной кровью, отрывисто смеялся, то и дело откашливая сгустки крови. Это буквально накрыло Мио новой

всепоглощающей волной ненависти. Не помня себя, он схватил валяющийся невдалеке от них обломок копья и со всей силы воткнул его в глаз врага. Тот несколько раз дернулся, но в конце концов, испустив последний вздох, замер неподвижно.

Наконец Мио поднялся на лапы. От усталости он едва мог держаться прямо, чувствуя, как по его телу стекают капли крови, а в душе не было и намека на радостное ликование одержанной победы, он чувствовал лишь опустошение.

По толпе пронеслась волна странных возгласов, в которых смешались и страх, и удивление, и восторг. Похоже они звучали не только по поводу победы Мио. Вдруг толпа расступилась и показалась процессия всадников, одетых в броню боевого отряда их племени верхом на твердокрылах. Они ехали не спеша, и окружающие, склонив головы, а то и вовсе опустившись на колени, с почтением давали им дорогу.

Мио устало стер капли крови со своей морды и, вновь взглянув на приближающихся, с немалым удивлением узнал в едущем впереди процессии своего отца. Похоже, правитель лично возглавил отряд воинов, не желая оставаться в укрытии, даже несмотря на то, что все еще полностью не вернул свои силы. Когда процессия практически вплотную приблизилась к арене, Мио, чуть пошатываясь, спустился с нее и, сделав несколько шагов навстречу, почтительно склонился в поклоне перед спустившимся со своего безмолвного правителем:

— С возвращением, ваше величество! — произнес он охрипшим голосом.

В ответ лев, положив свои лапы ему на плечи, выдержал небольшую паузу и привлек его к себе, крепко обняв, чем вызвал в рядах собравшихся бурное одобрительное ликование. Затем оба льва, встав рядом плечо к плечу, повернулись к собравшимся, приветствуя их. Но вдруг среди всеобщего ликования раздался голос, в котором Мио тут же узнал своего старшего брата:

— Позвольте и мне поприветствовать ваше возвращение и преподнести вам дар в виде предателя, — с этими словами Рау выступил откуда-то из-за арены, и в его лапах извивался некто, облаченный в церемониальные одежды.

Буквально вытащив упирающегося в круг света зажженных уже к тому времени факелов, он поставил пленника перед правителем и Мио, заставив того опуститься на колени. Раздался испуганный голос, в котором Мио с трудом узнал главного советника своего отца.

— Это не правда, ваше высочество. Вы ошибаетесь, я не предатель, я никогда и никого не предавал!

— Да неужели, — зловеще прошипел Рау, недобро оскалив клыки, а затем обратился к Мио. — Помнится, братец, ты упоминал, что будучи в плену, встретил там предателя и даже сумел наградить того метками?

Мио с удивлением переводил взгляд с Рау на стоящего на коленях с опущенной головой советника и обратно. Впрочем, долго томить Рау никого не стал. Схватив советника за гриву, он рывком поднял его голову, задрав так, что всем стала хорошо видна его морда. На ней красовались шрамы — именно такие Мио ожидал когда-то увидеть на морде своего старшего брата, все это время считая именно его предателем. Без слов Мио все понял. В его груди снова заклокотала едва улегшаяся после поединка ярость. Он было шагнул к стоящему на коленях советнику, но его опередил правитель. Сделав жест, он приказал своему сыну оставаться на месте и тот, слегка склонив голову, молча повиновался, а вот сам правитель, вытащив свой клинок, медленно подступил к советнику. Тот поняв, что пришло время его последнего вздоха, задрожал, словно его стала бить лихорадка, в отчаянье воскликнул:

— Это все навет, ваше величество. Вы как никто другой знаете, как верно я служил вам

все эти луны!

— Что же, по службе и награда, — спокойно ответил правитель и, коротко взмахнув клинком, обрушил его на бывшего советника.

И вот уже его голова, скатившись с плеч, оказалась у его лап, взирая на мир потухшими глазами, в которых отразился свет едва успевшей взойти на небосклон луны. Но тут правитель внезапно пошатнулся, и только вовремя поддержавшие его сыновья не позволили ему упасть. Затем они все вместе отправились в свой прайд, под радостные возгласы приветствующих их возвращение членов их племени.

Уже на следующий солнцеход отрубленная голова бывшего главного советника была водружена на острие пики и воткнута перед главным входом в логово, а его тело отправили на съедение безмолвным. Та же участь ждала и останки предводителя химер. Однако прежде чем это случилось, Мио внезапно столкнулся с тем, чего никак не ожидал. С самого первого мгновения, когда в логово ворвались боевые отряды племени, по всему логову началась полномасштабная облава на химер. Тех, кому повезло, схватили и отправили в клетки темницы ожидать приговора правителя. Однако многие были буквально растерзаны теми, кого они безжалостно притесняли все это время. Мио стал свидетелем того, что не все было так однозначно. Ему на глаза попала группа представителей внутренней стражи, принимающих участие в поимке химер, и они вели к клеткам нескольких из схваченных ими. Однако среди химер, к немалому удивлению Мио, он увидел и юного льва, похоже, едва обретшего имя.

— Что случилось, почему его схватили? — потребовал он ответа, остановив стражей.

— Он пытался помешать поимке одного из презренных и даже ранил одного стражника, ваше высочество, — произнес один из стражей, похоже, являясь лидером группы.

Мио с удивлением приподнял брови и даже не удержался от того, чтобы не переспросить, желая удостовериться, что он точно не ослышался:

— Что?!

Стражник было открыл рот, чтобы повторить уже сказанное, но его опередил юный нарушитель:

— Он не совершил ничего достойного казни, он даже несколько раз защитил и меня и мою сестру. Ваше высочество, молю, отпустите его!

Мио подошел к нему вплотную и пристально посмотрел в глаза. Юный лев выдержал его взгляд, не отводя своих глаз, и в них читалась решимость во что бы то ни стало добиться своего. Отведя свой взгляд, Мио приказал отпустить его и сопроводить в клетки лишь схваченных химер. Те безропотно подчинились, но оказавшись на свободе, юный лев не бросился прочь, а снова попытался протестовать против происходящего.

— Ваша милость, прошу, их казнят только за то, что они не по своей воле родились не такими, как мы. Разве такова должна быть справедливость Древних?

Однако его слова остались без ответа. Его лишь грубо оттолкнули в сторону, а сам Мио молча отправился по своим делам. Образ юного льва и его слова еще долго буквально преследовали его, не давая покоя ни на минуту. В конце концов поняв, что самому ему никак не разрешить мучившие его сомнения, отправился в святилище Древних, расположенное рядом с логовом, где смог встретиться с тем, кто был одним из служителей, что приносили моления перед началом поединка, где Мио одолел предводителя химер.

Результатом их долгого разговора стало то, что Мио повелел предать тело своего поверженного врага священному огню, а его пепел отнести к подножию священных скал. А

затем он объявил, что будет проведен суд над всеми химерами и вынесен приговор для них точно так же, как и для прочих членов племени, согласно доказательств их собственной вины. Но далеко не все были согласны с его решением, и первым, кто выступил против, оказался его собственный брат Рау, о чем он прямо сообщил, когда они в очередной раз предстали перед их отцом, призвавшим их обоих в свои покои.

— Может, пояснишь, что ты творишь? Зачем все это представление с судилищем? И почему ты велел провести погребальный обряд над телом этого презренного отродья?

Рау едва сдерживал рык от переполнявшего его гнева. Со стороны казалось, что еще немного и он начнет метать молнии и просто испепелит своего брата. Однако тот был невозмутим, по крайней мере, внешне:

— Затем, что мы должны соблюдать законы Древних, разве нет? — ответил Мио вопросом на вопрос.

Похоже, Рау это точно не убедило:

— Законы, для этих тварей?!

— Они такие же создания Древних, как и прочие. А что касаясь их бывшего предводителя, сами Древние повелели уважать своего врага, особенно после того, как он был повержен в честной схватке.

— В честной схватке? Да само это понятие не может быть отнесено на его счет.

— Однако это именно так. Воспользуйся он тем, что мое оружие было сломано, я давно уже был на пути к обители Древних. Кем бы он ни был, он все равно придерживался законов Древних, то, как он их понимал, да извратив их почти до неузнаваемости, как для себя, так и для тех, кто пошел за ним, но тем не менее чтит. Я сам тому стал прямым свидетелем.

— Отлично и что дальше? Что будет после этого твоего суда с теми, против кого не найдется свидетелей их преступлений, возможно, лишь потому, что таких просто не осталось в этом мире? Просто отпустишь их на волю и пусть продолжают то, чем занимались все это время: продолжают убивать и грабить? Думаешь, хоть кто-то оценит такой твой жест, особенно члены нашего племени, столько положившие на эту победу?

— Тогда может стоит предложить им что-то иное, как раз-таки, чтобы им не приходилось этим заниматься, чтобы выжить?

— Что, например?

— Например, службу. Все они неплохие воины, все мы за это время успели в этом убедиться.

Рау от этих слов брата просто онемел и некоторое время смотрел на него, как на спрыгнувшего с ума. Однако Мио все же попытался привести свои доводы:

— Да пойми же, то, что они живут разбоем, есть отчасти и наша вина. Их отвергают и гонят прочь лишь за то, что даже их виной нельзя назвать, а так им хотя бы будет предложена альтернатива, то, чего у них никогда не было с самого их рождения.

— Зачем, проклятие, зачем?! Чего ты этим собираешься добиться? Почему так из шкуры вон лезешь, чтобы задобрить их? И это после всего, что произошло с тобой, со мной, со всеми нами?

— Ради нас всех! Да, и не смотри на меня так. Именно, что ради того, чтобы собрать воедино весь наш расколовшийся на части мир, и они должны стать его частью не ради них, а ради нас, ради нашего будущего. Открой глаза и оглянись, посмотри на все, что действительно произошло и главное к чему это ведет. Они укрывались долгое время в запретной долине Древних, там, куда без особого благословения самих создателей нашего

мира не смеет ступить ни одна лапа живущих в подлунном мире, иначе их ждет неминуемая кара. И что же, они там скрывались и весьма долгое время, думаешь, никто не начнет задавать вопросы? А вместе с тем пошатнется не только вера в Древних, но и вместе с тем все наше бытие, основанное на законах Древних. Неужели тебе надо объяснять, что тогда может со всеми нами произойти? Ну и не в последнюю очередь я хочу восстановить честь правителя, принявшего их всех здесь и взявшего, по сути, на службу. Я всего лишь делаю то же самое, продолжая его волю, а не ставя ее под сомнение.

Мио замолчал, переводя дух после с невероятным жаром произнесенной тирады, но Рау все еще не был готов сдаться, хотя тон его и перестал быть воинственным.

— Ты хоть понимаешь, что это все равно, что попытаться обуздать дикого твердокрыла? Он рано или поздно растопчет всех вокруг. Особенно как раз после того, как их уже один раз приняли на службу, и чем они отплатили.

— Или покорится и будет верно служить. Между прочим, издревле так и было, или ты думаешь, твердокрылы с самого сотворения мира были нашими верными служителями? А что касается последнего, потому и будет проведен суд, в назидание.

Рау уже не знал, что возразить. Похоже, все его доводы были просто решительно сметены, но все же смириться с решением брата точно не был готов.

— Никто их не примет, и я в том числе. Я не приму их службу.

— Об этом можешь не беспокоиться. Я лично приму у них клятву верности и подчиняться они будут только мне. Если они что-то натворят, ответ я так же буду держать лично.

Рау презрительно фыркнул и демонстративно отвернулся в сторону, но тут в разговор вступил все это время молча наблюдавший за спором своих старших сыновей правитель:

— В словах Мио есть смысл.

— Отец, и вы туда же после всего произошедшего?!

— Я лишь сказал, что в них есть резон и немалый. Особенно учитывая то, что есть пример того, как долгое время один из представителей рода химер все же верно служил нам.

Слова отца снова буквально повергли Рау в шок.

— Что?! Как такое возможно, здесь никогда не было химер, до последнего времени, конечно!

— Да нет, были. Наш главный советник, который до того так же служил предыдущему правителю, был одним из них.

— Быть того не может! — буквально пробормотал Рау, глядя на отца с таким видом, словно силясь понять, в своем ли он рассудке или бредит.

— К сожалению, это так. Он сам сказал об этом мне лично, когда решил, что я уже больше никогда и никому не смогу об этом поведать. Его мать была из племени гиен, а отец из племени львов, вот почему у него был такой необычный окрас. Однако, это не мешало ему сохранять верность клятве до определённого момента. Хотя почему он все-таки решил нарушить ее — мне не ведомо. Быть может, решил возвысить племя, часть которого себя ощущал, впрочем, теперь это не столь и важно. Так что то, что решил сделать Мио, вполне имеет право быть. Но я прошу сперва выполнить одну мою просьбу.

Тут правитель замолчал и, глядя куда-то в пространство перед собой, словно что-то обдумывая, прежде чем сказать вслух, выдержал длинную паузу, но вот Мио не выдержав напряжения, тихо произнес:

— И что это, отец?

Правитель тяжело вздохнул и, поднявшись со своего места, твердо произнес:

— Я хочу, чтобы один из вас вызвал меня на священный поединок и занял мое место.

От его слов Мио вдруг почувствовал, как пол пошатнулся у него под лапами.

— Но зачем, почему?!

— Затем, что я хочу уйти, как подобает правителю нашего племени, — и прежде чем ему успели возразить, он повернулся и направился к выходу. Перед тем, как окончательно покинуть зал, он снова произнес. — Прошу, не затягивайте с этим и не пытайтесь меня отговорить. Это будет лишь напрасной тратой времени, а его у меня и так осталось слишком мало, — с этими словами он уже окончательно вышел прочь, оставив братьев наедине.

Мио стоял, словно поражённый молнией, не в силах пошевелиться. Из оцепенения его вывело прикосновение брата, положившего ему лапу на плечо.

— Похоже, пришло твое время, братец.

— Что, почему я?!

— А что, не очевидно? Именно ты возглавил борьбу с химерами, пройдя весь этот путь. Путь, ступить на который у меня, похоже, не хватило духу. Я не стал бороться, а позорно, как ни крути, сбежал. И никто из членов нашего племени этого никогда мне не забудет. Так что именно тебе и надлежит довести все до конца. Я же останусь вожаком наших боевых отрядов и буду внимательно за тобой присматривать, особенно со всеми этими твоими нововведениями, так что не забывай — я дышу тебе в затылок, — с этими словами он ободряюще хлопнул его по плечу и, не произнеся больше ни слова, вышел следом за отцом из комнаты.

Весь остаток того солнцехода Мио провел, словно в кошмарном сне, от которого был не в силах проснуться. Ночью, так и не сумев забыться сном, он вышел в один из внутренних дворов прайда и, вдохнув прохладный воздух, стал задумчиво смотреть на лик луны у себя над головой, и вдруг он услышал тихий знакомый голос:

— Тебя что-то тревожит?

Мио опустил глаза и увидел стоящую неподалеку Ниоту. Вид матери заставил его немного расслабиться и, не удержавшись, он рассказал ей о просьбе отца.

— Я не могу исполнить его просьбу. Не для того я спасал его, чтобы самому лишить его жизни.

Львица понимающе опустила голову:

— Ты спас его жизнь, это так. Но сейчас тебе надлежит спасти нечто более для него важное — его честь.

— Но...

Однако он не нашелся, что возразить ей, тем более, что он и сам отлично понимал — она права. Впрочем, он всегда знал, что рано или поздно этот момент неизбежно настанет, но когда он наконец пришел, оказался совершенно к нему не готов. Возможно, потому, что всю свою сознательную жизнь был убежден, что вызов бросит Рау, и не только он один был в этом уверен. Похоже, Древние решили иначе. Промучившись несколько солнцеходов, он наконец решил, что иного выхода просто нет, тем более, что он и сам отлично видел, как сильно отец одряхлел, и его состояние только ухудшалось с каждым новым солнцеходом.

Итак, собравшись с духом, он вошел в покои отца как раз, когда тот был окружен свитой, состоящей из слуг и нескольких из своих старших самок. В том числе присутствовала и Раста, которая все это время почти не покидала его, продолжая поддерживать его силы всевозможными снадобьями. Отец произнес заветные слова

претензий на его место. При этом ему казалось, что это вовсе не он говорит, а он лишь слышит чей-то чужой голос, слегка походивший на его собственный.

Вскоре после этого было решено провести поединок между ними в святилище, расположенном рядом с их логовом. В том самом, где еще так недавно они замыслили его спасение, а теперь, похоже, именно оно станет свидетелем последнего вздоха правителя.

В назначенный час Мио все также на плохо гнущихся лапах вошел в церемониальный зал, где его уже ждал правитель со своим оружием в лапах. Все время, пока служители произносили положенные для церемонии воззвания, он старался не смотреть на отца. Прозвучал призыв к началу поединка, и они скрестили свое оружие. На этот раз в их лапах были короткие клинки, сделанные из части хвоста шипохвостов, того самого безмолвного, когда-то едва не отправившего Мио в последнее путешествие и позволившее предводителю химер пленить его.

Несколько раз Мио позволил правителю нанести ему удары, оставившие на его шкуре слегка кровоточащие порезы. Все это выглядело при этом так, словно юный лев не смог отразить вовремя выпады правителя, но вот когда он увидел, что его отец уже стал выбиваться из сил, он понял, что время пришло. Если бой слишком затянется, это не позволит правителю уйти достойно — то, чего он так желал, оставив о себе память, как о сильном до самого своего последнего вздоха льве.

Проведя молниеносный выпад, Мио вонзил свой клинок отцу прямо в грудь. Правитель осел, выронив оружие, и медленно повалился на пол. Мио стоял над ним, едва сдерживая стон боли, а между тем на губах отца вдруг появилась едва уловимая улыбка, а в тускнеющих глазах промелькнула тень благодарности. Уже в следующий миг Мио услышал последний вздох отца, отправившегося в свое последнее путешествие в обитель Древних, где его духу предстояло быть призванным к числу своих предков.

Зал огласился возгласами присутствующих. Все приветствовали нового главу племени огненных львов востока. Однако сам он едва слышал их, чувствуя лишь всепоглощающую пустоту. Между тем несколько служителей подняли тело поверженного правителя и, произнося воззвания к Древним, отнесли его на погребальный костер. Вскоре после этого Мио стоял у костра, глядя, как огонь пожирает останки его отца. Вглядываясь в языки пламени, он думал лишь об одном: у него было еще одно неисполненное обещание, и он уже слишком долго тянул с его исполнением.

Мио шел, проваливаясь в снег почти по колено. Ему в морду дул порывистый холодный ветер, запорашивая глаза колючими хлопьями, пока еще редкого снега — верный признак приближающейся бури, но это его мало заботило. Он был больше сосредоточен на том, что порывы ветра доносили до него кое-что более для него значимое, чем признаки приближения скорого ненастья. То, что было для него куда как важнее; то, ради чего он сюда, почти на самый край территории своего племени, прибыл, питая едва уловимую надежду найти то, что было для него важнее всего в этом подлунном мире.

Осознание близости его столь желаемой цели дарило ему невероятное возбуждение, и на его губах то и дело появлялась едва уловимая улыбка. Пройдя еще немного, он почти физически стал ощущать, что за ним внимательно наблюдают, не упуская из виду ни на миг. От этого его нетерпение становилось столь велико, что по телу пробегала дрожь. Но вот до его слуха донесся едва уловимый скрип снега, почти скрытый завыванием ветра. В то же мгновение он почувствовал, как на него, свалив с лап, что-то навалилось, при этом он оказался лежащим мордой в снегу, а к его шее прижали лезвие клинка, которое он хоть и не видел, но хорошо ощущал. Над самым его ухом прозвучал голос, тот самый, который он жаждал услышать столько полных лун.

— Кто ты такой и что тебе тут надо? Отвечай, не то я окрашу этот снег в алое!

Но в ответ нападавшая услышала лишь приглушенный снегом смех. Раздраженно глухо зарывав, рывком перевернув Мио на спину, но в то же мгновение замерев выронил от изумления свой клинок, похоже, не в силах даже пошевелиться или сказать еще хоть слово. И хотя его морда была сплошь облеплена снегом, в который ему пришлось окунуться, он ясно увидел склонившуюся над ним львицу, мех которой почти такой же белоснежный, как и мир вокруг них, а ее глаза небесно-голубого цвета. В них было такое изумление, которого он еще никогда ни у кого не видел.

Игриво зарывав, Мио обхватил ее, повалил в снег, запрыгнув на нее сверху, а так как оба они находились пусть и на пологом, но все же склоне, то тут же кубарем покатались по нему, поднимая целую тучу снега, которую тут же подхватывал все усиливающийся ветер. Наконец их падение прекратилось, и они остановились. Какое-то время они молча лежали рядом, глядя друг на друга не отрываясь, словно каждый из них боялся даже моргнуть, чтобы тот, кто был перед ним, вдруг не исчез, словно мираж. Но вот львица решила прервать тишину, пока нарушаемую только завываниями ветра:

— Как ты нас нашел?

Мио снова улыбнулся и самодовольно произнес:

— Чтобы я и не нашел своей самки? — с этими словами он приблизил свою морду к ее и нежно потёрся носом об ее.

Она сладостно вздохнула и, крепко обняв, прижалась к нему с такой силой, словно боялась, что какая-то невидимая сила вдруг унесет его, и она больше никогда его не увидит. Какое-то время они так и сидели, наслаждаясь теплом и близостью друг друга. При этом каждый из них думал о том, сколько всего с каждым из них произошло за долгую разлуку. Сам Мио при этом мысленно возносил благодарственное воззвание к Древним за то, что позволили ему найти Лику, ведь иначе как волей создателей это никак нельзя было назвать.

С тех пор, как он стал главой своего племени, он потратил ни одну сотню солнцеходов

на то, чтобы найти хоть какой-то след своей самки, но она словно призрак не оставила ни единого признака присутствия, где бы он ни искал его. И если бы внезапно его кормилица не вспомнила слова Лики перед ее исчезновением, что она так хотела бы вернуться туда, откуда все началось, он, скорее всего, так и продолжал бы рыскать в ее поисках, едва ли догадавшись искать ее здесь, в развалинах святилища Древних. Куда он когда-то проводил ее, когда они внезапно встретились, опять же после ее побега от участи стать капой его старшего брата. Но все это уже было в прошлом, теперь его мучил еще один вопрос, который он так хотел, но одновременно так боялся задать. Все же собравшись с духом и при этом словно боясь собственных слов тихо, прошептал ей на ухо:

— А как наш малыш, что с ним?

Услышав его вопрос, Лика наконец разомкнула объятия и поднялась на лапы. Затем, когда он последовал ее примеру, она жестом велела ему идти за ней. С замиранием сердца он повиновался. Вместе они поднялись по едва заметной тропинке наверх небольшого возвышения, состоявшего из россыпи обломков, когда-то представлявших из себя одну из многочисленных святынь Древних. Оказавшись почти наверху этого хаотичного нагромождения, скрепленного меж собой теперь уже остатками засохших растений и покрытое толстым слоем снега, она подвела его к едва заметному разлому. Лаз был довольно узким, так что Мио пришлось приложить усилия, чтобы вслед за своей спутницей протиснуться в него.

Чуть помедлив, чтобы его глаза привыкли к царившему вокруг него полумраку, он все так же молча пошел куда-то вглубь прохода, расположенного сразу за разломом, ориентируясь лишь на мелькавший впереди белый силуэт Лики. Но вот преодолев несколько расщелин и разломов, они оказались в небольшом закутке, напоминавшем чем-то небольшую горную пещерку, только вид сложенных явно не силами природы обтесанных и искусно подогнанных друг к другу камней в стенах говорил о том, что это укрытие возникло по воле разумных существ, а не по воле случая. Внутри горел небольшой костер и возле него Мио смог различить две закутанные фигуры. При появлении его и Лики, они на мгновение замерли, но затем поспешно поднялись со своих мест и буквально кинулись им навстречу.

— О Древние, быть того не может. Юный господин, вы тут! — раздался радостный возглас.

Обе фигуры подбежали к Мио и тут только он смог их рассмотреть. Оказалось, что перед ним были его капы: Кали и Тану. Мио с изумлением посмотрел на них, вот уж кого он точно не ожидал здесь увидеть, хоть и знал, что они исчезли вместе с Ликой, покинувшей прайд по его просьбе в тот момент, когда он оказался в темнице собственного отца. Пока они радостно приветствовали своего повелителя, Лика прошла вглубь их странного обиталища и вскоре вернулась, бережно неся что-то в своих лапах. Приблизившись к Мио, она протянула ему сверток. Он осторожно взял его и тут же почувствовал, что под слоем каких-то бесформенных обрывков ткани и кожи находится нечто теплое и явно живое. Осторожно, словно боясь невзначай навредить скрытому в глубинах свертка существу, он отодвинул край и увидел крохотную мордочку маленького львенка.

— Это наш с вами сын, мой повелитель! — тихо прошептала Лика. Мио почувствовал, как тугой комок подкатил к его горлу, а на глаза навернулись слезы.

Медленно он прижал к себе маленького сына и нежно облизал его мордочку, на что малыш, до того сладко спавший, открыл глаза и, взглянув на отца, вдруг огласил все вокруг своим радостным смехом.

— Он узнал вас, узнал! — сдавленно воскликнули обе капы, явно с трудом сдерживая более бурные радостные возгласы.

Мио, не отпуская своего детеныша, привлек к себе Лику и снова нежно потерся о ее нос своим. Затем они все вместе сели к огню и очень долго провели в совместных расспросах друг друга. Рассказ Лики оказался на удивление коротким. После того как она и не пожелавшие оставлять свою ожидавшую появления детеныша госпожу капа тайком покинули приделы логова они почти сразу отправились сюда, где и оставались до самого появления их повелителя. Так что рассказывал в основном он и рассказ его был очень длинным, незаметно ими овладела усталость от всего пережитого и, устроившись у огня и прижавшись друг к другу, все улеглись спать. Лика при этом прижимала к своей груди спящего детеныша, а Мио крепко обнял их. Обе же капы улеглись рядом с ними, и все вместе они погрузились в глубокий сон, впервые за долгое время освободившись от груза тревог. Когда они наконец проснулись, звук ветра уже не был слышен. Все вместе они покинули развалины, после чего Мио, держа в лапах сына, повел всех туда, где ждали возвращения его личная охрана, вот только при виде ее Лика глухо зарычала и потянулась за своим клинком.

— Эй, спокойно, а то уничтожишь весь наш эскорт.

— Что? Что во имя обители Древних они тут делают?! — прорычала она, глядя на еще не заметивших их приближения химер.

— Они ждут нас, чтобы охранять нас на обратном пути.

Она непонимающе посмотрела на Мио.

— Как пленников?!

— Нет конечно, они теперь моя личная охрана, присягнувшая мне на верность.

— Химеры? Тебе на верность?!

— Вот именно. Слушай, я все подробно расскажу, но давай для начала уберемся отсюда, пока новая буря нас тут не заставила остаться еще Древним ведомо насколько. Я все расскажу, а пока просто поверьте мне, ладно? — произнес он, глядя на нерешительный взгляд Лики и испуганные переглядывания обеих кап.

В этот момент он остро пожалел, что не подумал заранее рассказать им о своем личном отряде охраны, ставшей для него за все это время уже чем-то само собой разумеющимся. Немного поколебавшись, Лика все-таки пошла за ним, а обе капы последовали за своей госпожой, привыкнув за все время их бегства полностью ей доверять. Однако все же то и дело испуганно оглядывались по сторонам, словно ожидая внезапного нападения, особенно когда оказались рядом с необычной охраной своего повелителя.

Однако стоило им приблизиться, как все химеры склонились в почтительном поклоне, приветствуя всех. По приказу Мио им подвели его безмолвного, оставленного на попечении своей охраны, того самого твердокрыла, которого ему отдал Гарт при их внезапной встрече. Все вместе они устроились на его голове, правда, обоим капам пришлось сесть на его шею, но они вполне комфортно устроились там, наотрез отказавшись сесть рядом с кем-то из личной охраны их господина. Так они двинулись в обратный путь назад, в главное логово племени огненных львов востока. По пути, как и обещал, Мио поведал им о том, каким образом химеры стали его личной охраной.

— И что, они все вот так просто принесли тебе клятву верности? А ты не боишься, что они в любой момент нарушат ее и уничтожат и тебя, и всех в логове?

— Не так все это было и просто. Те, что после суда избежали казни за все ими содеянное, а таких оказалось весьма мало, несильно-то стремились к такому исходу. Многие

просто ушли. Но спустя какое-то время некоторые из них все-таки вернулись и дали клятву. Мало того, через какое-то время пришли и другие и попросились на службу. Но даже так, я отлично осознаю весь риск нашего соседства, однако нарушить клятву может кто угодно, в конце концов, даже Рау преступил ее. Так что были приняты несколько мер с нашей стороны, чтобы минимизировать такое развитие событий, скоро сама все увидишь.

Проведя в пути несколько десятков солнцеходов, они наконец достигли пределов логова. Однако, оказавшись почти под его стенами, их встретил отряд более привычных для взора самок стражей, а сопровождавшие их до того химеры, отдав своему новому вожаку честь, удалились прочь.

— Куда это они?!

— Им всем без исключения запрещено под каким бы то ни было предлогом появляться в нашем логове. Все они живут в отдалении в небольшом устроенном специально для них лагере под стенами одной из обителей Древних, под неусыпным надзором служителей.

— И они на такое согласились?!

— Им пришлось, после того как они узнали о том, что те беспрепятственно обитали в запретной долине. Теперь их святой долг очистить их потерянные души и вернуть Древним. Кроме того, снаружи лагерь охраняют наши воины, не позволяя никому оттуда уходить без разрешения. По сути, они так и остаются в какой-то степени нашими пленниками.

— Вот как?!

— Да, им позволено своей службой правителю искупить свои прегрешения перед Древними, но никто из нас не забывает, кто они такие и на что способны.

Лица замолчала. Вскоре они все вместе въехали на территорию логова и под приветственные восклицания встречающих их обитателей логова подъехали к их родному прайду, в который и вошли, завершив наконец свой нелегкий и такой долгий путь назад.

Больше книг на сайте - Knigoed.net